БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
ПАРИЖЪ
1930

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
ПАРИЖЪ
1930

Въ настоящей книгѣ собрано нѣкоторое число моихъ газетныхъ и журнальныхъ статей на историческія и политическія темы, появившихся за послѣднее десятилѣтіе.

Фельетонъ безслѣдно исчезаетъ на слѣдующій день послѣ своего напечатанія. Немногимъ длиннѣе жизнь журнальной статьи. Я дѣлаю въ этомъ маленькомъ сборникѣ попытку застраховать отъ такой неминуемой гибели ту небольшую долю моихъ писаній, которая, въ моемъ представленіи, заслуживаетъ, быть можетъ, лучшей участи. Читатель пусть судитъ, ошибаюсь ли я или нѣтъ.

Б. Н.

Парижъ, Мартъ 1930 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Старая Россія.

Изъ исторіи великой войны.

Изъ исторіи русской революціи.

Послѣ войны.

Нѣсколько историческихъ фигуръ.

Старая Россія

РУССКІЙ ФЕДЕРАЛИЗМЪ 1819 ГОДА

Когда русскія власти и русскія войска ушли изъ Варшавы послѣ революціонныхъ событій ноября мѣсяца 1830 г., поляки забрали русскіе архивы и обнародовали множество разнообразныхъ политическихъ документовъ. Очень рѣдкая коллекція этихъ «тайныхъ документовъ», «разоблаченныхъ» польской революціей и отпечатанныхъ въ Европѣ съ большой сенсаціей въ пяти томахъ «Port-folio», теперь всѣми забыта, и даже историки не умѣютъ ею пользоваться, хотя она заключаетъ въ себѣ много документовъ, съ тѣхъ поръ никогда больше не печатавшихся. Въ числѣ этихъ «разоблаченныхъ» документовъ имѣется одинъ, которому внѣшне, какъ будто, посчастливилось больше, чѣмъ остальнымъ: онъ переиздавался множество разъ. Это — такъ называемая «уставная грамота» Новосильцева, проектъ русской конституціи, выработанный во второй половинѣ царствованія имп. Александра I. Но если этому проекту посчастливилось внѣшне, то ему мало посчастливилось внутренне. Все, что мы знаемъ о второй половинѣ царствованія Александра I, времени, когда мысли о государственныхъ преобразованіяхъ, занимавшія императора до

войны 1812 г., какъ будто окончательно схлынули, когда онъ цѣликомъ уходитъ въ дипломатію и мистику, мѣшаетъ опредѣлить историческое мѣсто Новосильцевскаго проекта. Онъ какъ-то виситъ въ воздухѣ, ничѣмъ, казалось, не связанный со всей обстановкой того момента, когда онъ явился на свѣтъ (1819 г.). Нѣсколько солидныхъ историковъ нѣмцевъ пытались найти проекту какое то положеніе въ русской исторіи, но безъ успѣха. Сейчасъ русскій историкъ Г. В. Вернадскій въ большомъ изслѣдованіи пытается дать отвѣтъ и объяснить, какъ и почему родился въ 1819 г. проектъ «пожаловать любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена государственную уставную грамоту», какъ сказано было въ ст. 10 проекта*).

Вопросъ интересенъ, ибо интересенъ, по своему построенію и содержанію, весь замыселъ проекта: достаточно сказать, что по проекту Россійская имперія должна была превратиться въ обширную федерацію, нѣкоторымъ образомъ, въ Россійскіе Соединенные Штаты. «Федерализмъ Уставной грамоты, — думаетъ Г. В. Вернадскій — является попыткой теоретически рѣшить проблему соотношенія центра и окраинъ Имперіи и преодолѣть автономію этихъ окраинъ». Замыселъ грандіозный, задача, оставшаяся не рѣшенной до гибели имперіи.

Г. В. Вернадскій утверждаетъ, что грамота Новосильцева «занимаетъ опредѣленное мѣсто въ развитіи всей политической системы Императора Александра». Сознаюсь, что, прочитавъ работу автора, я остаюсь скептикомъ. Прежде всего,

---

*) Государственная уставная грамота Россійской Имперіи 1820 года, Историко-юридическій очеркъ, Прага, 1923. Скудость русской зарубежной науки велика: изслѣдованіе появилось въ литографированномъ видѣ. Тѣмъ болѣе достойна преклоненія энергія русскихъ научныхъ работниковъ.

исторія происхожденія проекта русской федеральной конституціи остается неясной. Въ сущности, кромѣ слуховъ, передававшихся иностранными дипломатами, у насъ въ распоряженіи только два факта. Во-первыхъ, императоръ Александръ, открывая въ 1818 г. польскій сеймъ, сказалъ, что надѣется распространить на всѣ страны, ввѣренныя его попеченію, правила либеральныхъ учрежденій, даруемыхъ царству польскому. Во вторыхъ, въ 1818-1819 гг. поэтъ Вяземскій, служившій при Новосильцевѣ въ Царствѣ Польскомъ, занимался изготовленіемъ русской редакціи грамоты, французскій текстъ которой былъ подъ руководствомъ самого Новосильцева написанъ его секретаремъ Пешаръ-Дешаномъ, путемъ соотвѣтствующаго приспособленія польской хартіи 1815 г. Что можно вывести изъ этихъ скудныхъ данныхъ? Только то, что Александръ I, находясь въ Польшѣ въ своемъ обличіи конституціоннаго монарха, заказалъ Новосильцеву, главному русскому дѣятелю въ царствѣ, нѣкоторый проектъ русской конституціи. Но почему этотъ проектъ оказался федеративнымъ, какая государственная задача должна была быть имъ разрѣшена, обсуждался ли онъ и кѣмъ, все это до сихъ поръ остается не освѣщеннымъ никакими фактическими данными.

Г. В. Вернадскій предлагаетъ догадки и гипотезы. Онѣ двояки. Однѣ мало убѣдительны и заключаются въ слѣдующемъ. Александръ I въ тотъ періодъ времени думалъ о раздѣленіи Россіи на большіе административные округа — намѣстничества, и въ 1819 г. назначилъ Балашова генералъ-губернаторомъ пяти губерній съ тѣмъ, чтобы подготовить ихъ сліяніе въ одно цѣлое и преобразовать ихъ управленія. Г. В. Вернадскій думаетъ, что объединеніе Балашовскихъ пяти губерній — и какихъ: Тульской, Воронежской, Орловской, Тамбовской и Рязанской, съ центромъ въ Рязани! — было пробою частичнаго введенія въ жизнь Новосильцевской уставной грамоты. Русскій федерализмъ, начинающійся въ Рязани, самъ по себѣ

вызываетъ улыбку. Исторически, гипотеза громоздка и неубѣдительна. Административная перекройка Россіи, однимъ изъ опытовъ которой былъ Балашовскій «округъ», во имя созданія генералъ-губернаторствъ, была одной изъ никогда не снимавшихся съ очереди на пространствѣ всего XIX вѣка задачъ русскаго административнаго устройства. Ничего общаго съ «федерализмомъ» эта задача не имѣла ни при Александрѣ I, ни въ другіе періоды русской исторіи. Опытъ съ Балашовымъ ничѣмъ не связанъ съ тѣмъ проектомъ, который въ Варшавѣ сочинялъ Новосильцевъ. Характерно для Новосильцевскаго проекта — вовсе не образованіе крупныхъ новыхъ административныхъ дѣленій Россіи въ формѣ «намѣстничествъ», дѣленій, создававшихся и упразднявшихся и до Александра I и при немъ, и послѣ него, а то, что эти новыя территоріи получали широчайшую автономію, съ собственной представительной законодательной властью и со своими органами управленія. Сеймы намѣстническихъ областей, гласилъ Новосильцевскій проектъ, составляются изъ Государя и двухъ палатъ; при содѣйствіи этихъ сеймовъ постановляются мѣстные законы. Намѣстникъ управляетъ намѣстничествомъ, совокупно съ коллегіальнымъ мѣстнымъ «совѣтомъ намѣстичества», устроеннымъ по точному подобію петербургскаго государственнаго совѣта. Ничего подобнаго не снилось Рязанскому генералъ-губернатору Балашову.

Вторая гипотеза, при помощи которой Г. В. Вернадскій хочетъ найти мѣсто Новосильцевскому проекту въ исторіи Александра I, гораздо интереснѣе и заставляетъ задуматься. Онъ полагаетъ, что при помощи федерализма уставной грамоты Александръ I хотѣлъ разрѣшить вопросъ о русскихъ окраинахъ, въ частности о Финляндіи, Польшѣ и Литвѣ, хотѣлъ по выраженію автора, «преодолѣть автономію» этихъ окраинъ. Дѣйствительно, въ числѣ документовъ, связанныхъ съ Новосильцевскимъ проектомъ, имѣется проектъ указа о

присоединеніи Царства Польскаго къ Имперіи, мотивированнаго слѣдующимъ, весьма интереснымъ, образомъ: «Принимая во вниманіе, что конституціонная хартія Нашей Имперіи основана на принципахъ, санкціонированныхъ Нами въ конституціи, данной Нашему Царству Польскому 15 (27) ноября 1815 г., и что конституціонная гарантія и преимущества широко дарованы всѣмъ нашимъ подданнымъ въ равной мѣрѣ; принимая во вниманіе, что существованіе двухъ конституцій въ одной Имперіи безполезно и даже вредно для необходимаго единства и успѣшности управленія, Мы повелѣли и повелѣваемъ...». Такимъ образомъ, русская федерація во имя государственнаго единства — такова государственная мысль проекта Новосильцева.

Я не вижу — вопреки тому, что говоритъ Г. В. Вернадскій — ни малѣйшихъ слѣдовъ того, чтобы эта мысль была мыслью самого Александра I, и тѣмъ менѣе, чтобы она связана была съ какими либо другими мѣропріятіями его царствованія. Доктрина проекта уставной грамоты, вообще, совершенно одинока въ государственномъ опытѣ Россіи всей первой половины XIX вѣка. Въ 1863 г., въ моментъ польскаго возстанія къ ней возвращаются Катковъ въ знаменитой статьѣ «Русскаго Вѣстника», призывавшей разрѣшить польскій вопросъ дарованіемъ конституціи всей имперіи, и Валуевъ, самый видный русскій конституціоналистъ второй половины XIX столѣтія, выдвинувшій свой конституціонный проектъ тоже для «преодолѣнія» русскаго окраиннаго вопроса.

Эта доктрина есть доктрина Новосильцева, а не доктрина Александра I. Именно потому, что она ни съ чѣмъ не связана, кромѣ какъ съ политической мыслью самого Новосильцева, что никакого историческаго мѣста ей не принадлежитъ въ развитіи политической системы императора Александра I, — Новосильцевскій проектъ былъ такъ скоро и основательно забытъ въ папкахъ Варшавскихъ архивовъ.

Мѣсто уставной грамоты 1819 г. не въ развитіи политической системы Александра I, а въ развитіи русской политической мысли. Старая Россія — что бы ни думали наивные отрицатели русскаго прошлаго — была страной огромнаго и многосторонняго политическаго опыта. Выдающійся русскій окраинный дѣятель первой половины прошлаго вѣка думалъ такъ, какъ на нашихъ глазахъ, съ видомъ изобрѣтателей, начинаютъ думать наши современники.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ - ИСТОРИКЪ И ЕГО ВДОХНОВИТЕЛЬ

Конечно, лучшее, что было написано объ Александрѣ Первомъ и его царствованіи, есть Война и Миръ. Не даромъ Альберъ Сорель, авторъ другой грандіозной исторической эпопеи, приводилъ длинныя выписки изъ Толстого въ своей Европѣ и Французской Революціи, посвятилъ «Толстому-историку» спеціальный этюдъ и въ своей рѣчи на празднествѣ по случаю окончанія этого труда говорилъ о томъ, что историки поняли значеніе массъ въ историческомъ процессѣ интуитивно, вдохновленные литературой, Юліемъ Цезаремъ и Войной и Миромъ.

Конечно, Богдановичъ, Шильдеръ и Великій Князь Николай Михайловичъ даже издали не достигаютъ яркости и напряженности исторической концепціи Толстого, вдохновенной силы его историческаго разсказа и его историческихъ гипотезъ.

Сорель правъ: творчество художника и творчество историка, на верхахъ достиженій обоихъ, органически близки другъ другу. Вѣдь и историкъ извлекаетъ мысль неопредѣленнаго множества собранныхъ имъ фактовъ только тѣмъ

умственнымъ процессомъ, который Риккертъ — нѣсколько непочтительно называлъ «стилизаціей» этихъ фактовъ.

Но задавались ли мы вопросомъ объ «источникахъ» Войны и Мира, какъ исторической хроники?

Что нашли бы мы въ «подстрочныхъ ссылкахъ» романа, если бы онѣ были?

Я хочу подѣлиться интереснымъ, мнѣ кажется, наблюденіемъ, которое я сдѣлалъ, перечитывая недавно дипломатическую переписку Жозефа де-Местра.

Великій консервативный публицистъ и одинъ изъ духовныхъ вождей той счастливой эпохи французской новѣйшей исторіи, которую называютъ Реставраціей, былъ, какъ извѣстно, сардинскимъ посланникомъ въ Петербургѣ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, между 1803 и 1817 гг.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Толстой началъ работать надъ Войной и Миромъ, Альберъ Бланъ издалъ депеши, писанныя де-Местромъ изъ Петербурга, снабдивъ ихъ довольно ненужными комментаріями. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Толстой извлекъ именно изъ этихъ депешъ не только цѣлый рядъ частныхъ фактовъ и оцѣнокъ, но многія свои основныя историческія концепціи.

Не слѣдуетъ этому удивляться.

Депеши Жозефа де-Местра — не банальная проза рядовыхъ дипломатовъ. Онѣ полны жизни и ума; наблюденія, которыя въ нихъ заключены, проникаютъ черезъ броню оффиціальности и свѣтскости. Источникъ могъ, дѣйствительно, вдохновить даже Толстого.

Чрезвычайно любопытно, что мѣстами заимствованіе почти буквально. Одинъ совершенно исчерпывающій примѣръ изъ многихъ.

«Вскорѣ, послѣ пріѣзда Государя, — я читаю Толстого — князь Василій разговорился у Анны Павловны о дѣлахъ

войны, жестоко осуждая Барклая де Толли, и находясь въ нерѣшительности, кого бы назначить главнокомандующимъ. Одинъ изъ гостей, извѣстный подъ именемъ l'homme de beaucoup de mérite, разсказавъ о томъ, что онъ видѣлъ нынче выбраннаго начальникомъ петербургскаго ополченія Кутузова, засѣдающаго въ Казенной Палатѣ для пріема ратниковъ, позволилъ себѣ осторожно выразить предположеніе о томъ, что Кутузовъ былъ бы тотъ человѣкъ, который удовлетворилъ бы всѣмъ требованіямъ. Анна Павловна грустно улыбнулась и замѣтила, что Кутузовъ, кромѣ непріятностей, ничего не дѣлалъ Государю. — Я говорилъ и говорилъ въ Дворянскомъ Собраніи — перебилъ князь Василій... — что избраніе его въ начальники ополченія не понравится Государю. Они меня не послушали. — Все какая то манія фрондировать, — продолжалъ онъ... Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ сѣсть верхомъ, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ. Хорошо онъ себя рекомендовалъ въ Букарештѣ. Я уже не говорю о его качествахъ, какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту назначить человѣка дряхлаго и слѣпого, просто слѣпого. Хорошъ будетъ генералъ слѣпой. Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть... ровно ничего не видитъ. — Никто не возражалъ на это. — 24 іюля это было совершенно справедливо. Но 29 іюля Кутузову пожаловано княжеское достоинство. Княжеское достоинство могло означать и то, что отъ него хотѣли отдѣлаться, и потому сужденіе князя Василія продолжало быть справедливымъ, хотя онъ и не торопился его высказывать теперь. Но 8-го августа былъ собранъ комитетъ изъ генералъ-фельдмаршала Салтыкова, Аракчеева, Вязьмитинова, Лопухина и Кочубея, для обсужденія дѣлъ войны.,.. Комитетъ, послѣ короткаго совѣщанія, предложилъ назначить Кутузова главнокомандующимъ. И въ тотъ же день Кутузовъ былъ назначенъ полномоч-

нымъ главнокомандующимъ армій и всего края, занимаемаго войсками. — 9 августа кн. Василій встрѣтился у Анны Павловны съ «l'homme de beaucoup de mérite». Князь Василій вошелъ въ комнату съ видомъ счастливаго побѣдителя, человѣка, достигшаго цѣли своихъ желаній. — Ну, вотъ, знаете великую новость: Кутузовъ — фельдмаршалъ. Всѣ разногласія кончены. Я такъ счастливъ, такъ радъ — говорилъ князь Василій. — Наконецъ, вотъ это человѣкъ, — проговорилъ онъ, значительно и строго оглядывая всѣхъ, находившихся въ гостиной. L'homme de beaucoup de mérite, несмотря на свое желаніе получить мѣсто, не могъ удержаться, чтобы не напомнить князю Василію его прежнее сужденіе.... — Но, вѣдь, говорятъ, онъ слѣпъ, князь, — сказалъ онъ, напоминая князю Василію его же слова. — Подите, онъ достаточно видитъ, — сказалъ князь Василій своимъ басистымъ голосомъ съ покашливаніемъ, тѣмъ голосомъ и покашливаніемъ, которымъ онъ разрѣшалъ всѣ трудности...»

А вотъ выдержка изъ донесенія Жозефа де Местра своему правительству отъ 2/14 сентября 1812 г.:

«... Пока все это происходило — я перевожу съ французскаго — глаза всѣхъ въ столицѣ обращались на генерала Кутузова, котораго общественное мнѣніе хотѣло видѣть главнокомандующимъ. Кутузовъ — человѣкъ, по крайней мѣрѣ, семидесяти лѣтъ, толстый и тяжелый, впрочемъ полный ума и хитрый до нельзя; онъ — придворный по существу: вещь хорошая на его мѣстѣ, но которая ему мѣшала иногда, въ томъ положеніи, которое онъ занимаетъ. Онъ обезображенъ страшной раной: пуля прошла когда-то по кривой черезъ его голову и вышла черезъ глазъ; глазное яблоко перемѣщено, а другой глазъ очень пострадалъ, вслѣдствіе извѣстной взаимной связи между двумя органами; онъ плохо видитъ, съ трудомъ сидитъ верхомъ, засыпаетъ и т. д. Несмотря на эту физическую слабость, онъ все же былъ очень привязанъ къ

какой то молдаванкѣ, о которой много говорили во время турецкой войны; говорили, что она на жалованіи у Порты, но я всегда считалъ такое подозрѣніе выдумкой человѣческой недоброжелательности, такъ какъ онъ очень хорошо исполнилъ свой долгъ во время переговоровъ, которые обернулись лучше, чѣмъ даже ожидали. Что, однако, вѣрно — это то, что Государь, по этой или другой причинѣ, не очень его долюбливалъ; можетъ быть слишкомъ искусная вкрадчивость генерала ему не нравилась, ибо Государь таковъ. Я знаю, что, говоря объ одномъ министрѣ, онъ сказалъ съ презрительной гримасой: этотъ человѣкъ никогда мнѣ не возражалъ. Эта черта характерна. Какъ бы то ни было, Государь не склонялся къ Кутузову, но такъ какъ онъ чувствовалъ, что общественное мнѣніе призывало его къ командованію, онъ пожаловалъ ему княжеское достоинство; никто не выражалъ сомнѣній относительно этой милости, и всѣ говорили, какъ будто уговорившись: «это, чтобы не дѣлать его фельдмаршаломъ», но общественное мнѣніе, продолжая идти своимъ путемъ, дошло до такой точки, которой Государь не сопротивляется; говорятъ, другая прекрасная причина присоединилась къ первой, и публика ей благодарна. Его Императорское Величество вручилъ главное командованіе Кутузову, ко всеобщему удовольствію; ибо, надо сознаться, несмотря на его физическіе недостатки, не видно лучшаго. Недѣлю тому назадъ я слышалъ, какъ говорили: Что Вы хотите дѣлать съ слѣпымъ генераломъ. Послѣ выбора, я сдѣлалъ возраженіе относительно зрѣнія тому же лицу, и оно мнѣ отвѣтило: Господи, онъ достаточно видитъ».

Сопоставленіе этихъ двухъ выдержекъ, давало бы чрезвычайно интересный матеріалъ для изслѣдованія процесса художественнаго творчества Толстого. Голый остовъ разсказа де-Местра обрастаетъ на нашихъ глазахъ живыми образами, перерабатывается въ нихъ. «Общественное мнѣніе» депеши

превратилось въ кн. Василія и Анну Павловну, а самъ де-Местръ въ «l'homme de beaucoup de mérite».

Но меня сейчасъ занимаетъ не эта сторона вопроса. Повѣствованіе Толстого — не только художественный образъ, но извѣстная историческая схема. Онъ даетъ свое историческое толкованіе событій. Въ этомъ толкованіи его зависимость отъ Жозефа де-Местра тоже совершенно несомнѣнна.

Читая параллельно депеши де-Местра и историческія сцены въ Войнѣ и Мирѣ, эту зависимость можно прослѣдить на каждомъ шагу. Не хватаетъ мѣста, чтобы дѣлать дальнѣйшія выписки, онѣ могли бы занять десятки, можетъ быть, сотню страницъ. Обобщая это наблюденіе, можно сказать, что вся Толстовская концепція военныхъ дѣйствій 1805 г., въ первомъ томѣ, Аустерлицъ, фигура Кутузова, положеніе Александра I, австрійцы, разговоры Билибина, все развиваетъ то пониманіе событій, которое изложено въ депешахъ того года Жозефомъ де-Местромъ. То же — относительно событій 1807 г. и сближенія съ Франціей.

Наконецъ, основное пониманіе войны 1812 г. въ цѣломъ рядѣ точекъ соприкасается съ пониманіемъ сардинскаго дипломата.

Изъ Жозефа де-Местра къ Толстому переходятъ эпизоды, переходятъ схемы событій — больше того: переходитъ общая философія этихъ событій.

Казалось бы, дипломатическія донесенія, которыя скромный сардинскій посланникъ посылалъ въ глухой провинціальный центръ на островѣ Сардинія, куда Наполеонъ изгналъ его короля изъ Турина, мало подходящая форма для изложенія историко-философскихъ размышленій. Между тѣмъ, это такъ.

Жозефъ де Местръ такъ крупенъ, что онъ не умѣщался въ положенныхъ предѣлахъ и переливался за нихъ. Я бы хотѣлъ въ заключеніе моихъ наблюденій привести выдержку

изъ депеши о Бородинскомъ сраженіи, въ которой зерно всей исторической философіи Войны и Мира.

«Это сраженіе — пишетъ де Местръ 14 сентября 1812 г., — должно быть всемѣрно прославляемо.,..», и продолжаетъ: L'opinione regina del mondo — царица прежде всего войны, и въ особенности, послѣ того, какъ огнестрѣльное оружіе уравняло людей,

Et qu'un plomb dans un tube enchâssé par des sots
Comme un soldat obscur va tuer le héros.

Мало сраженій теряется физически. Вы стрѣляете, я стрѣляю: въ чемъ преимущество между нами?

Къ тому же, кто можетъ знать число убитыхъ?

Сраженія почти всегда теряются морально; настоящій побѣдитель, какъ настоящій побѣжденный, тотъ, кто считаетъ себя таковымъ.

Батальоны, идущіе впередъ, знаютъ ли, что на ихъ сторонѣ меньше убитыхъ?

Тѣ, что отступаютъ, знаютъ ли, что у нихъ ихъ больше?

Аустерлицкое сраженіе, данное въ Моравіи, было потеряно четыре дня спустя въ Ужели, въ Венгріи, на четырехъ листкахъ бумаги; битвы при Полтускѣ и Прейссишъ-Эйлау были, несомнѣнно, выиграны матеріально, во всей силѣ этого выраженія; чисто моральныя причины совершенно уничтожили эти побѣды. И раньше, при Маренго, развѣ не была обнаружена неописуемая способность потерять выигранное сраженіе?

Надо, поэтому, прежде всего знать, какое чувство Бородинское сраженіе оставило въ сердцахъ обѣихъ сторонъ.

Сказала ли себѣ Россія въ душѣ: французъ не можетъ мнѣ сопротивляться?

Французъ сказалъ ли себѣ: это правда?

Вотъ въ чемъ вопросъ; только время можетъ его разъяснить».

У ИСТОКОВЪ ФРАНКО-РУССКАГО СОЮЗА

1.

РОЛЬ АЛЕКСАНДРА III.

Книга покойнаго Эрнеста Додэ объ Александрѣ III — плодъ какъ бы двойного невѣдѣнія. Авторъ самъ не имѣетъ никакого представленія о Россіи и русской исторіи; а сверхъ того, излагаетъ событія, пользуясь, главнымъ образомъ, донесеніями французскихъ дипломатическихъ представителей въ С.-Петербургѣ, которые тоже не знали Россіи и русской исторіи. Но даже мало освѣдомленный пересказъ малоосвѣдомленныхъ дипломатическихъ депешъ сохраняетъ слѣды подлинныхъ историческихъ данныхъ. Главная тема его разсказа — франко-русскій союзъ. Постараемся извлечь изъ книги нѣсколько характерныхъ фактовъ въ его исторіи.

Лѣтомъ 1891 г. былъ выработанъ проектъ союзнаго акта; оставалась только формальность его утвержденія. Нѣсколько мѣсяцевъ Александръ III медлилъ и молчалъ, и ко-

*) *Ernest Daudet*, L'avant-dernier Romanoff, Alexandre III, Paris, Hachette, 1920.

гда французскій посолъ Монтебелло, вновь назначенный въ Петербургъ и представлявшійся императору въ концѣ года, ни звука не услышалъ отъ него о союзѣ, онъ естественно выразилъ свое удивленіе министру иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсу.

— Не удивляйтесь, — отвѣтилъ тотъ, — застѣнчивость императора такова, что при первомъ свиданіи онъ не посмѣлъ бы коснуться столь важнаго предмета. Но Вы можете быть спокойны... Нашъ императоръ, несмотря на свою большую застѣнчивость, умѣетъ, когда надо, говорить съ такой ясностью и твердостью, которая часто пугаетъ насъ самихъ...».

Эти слова схватываютъ характерныя черты исторической фигуры Александра III: своеобразное сочетаніе коренной жизненной неумѣлости и неловкости съ твердой волей, проявленія которой импонировали даже очень искушеннымъ людямъ, которые съ нимъ сталкивались.

Исторія самаго крупнаго изъ событій царствованія — заключеніе союза съ Франціей — вся есть произведеніе этой двойственности умственныхъ нехватокъ и волевыхъ дарованій Александра III.

Первымъ французскимъ посломъ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло послѣ воцаренія, былъ генералъ Шанзи.

Съ его миссіей Александромъ III былъ усвоенъ тотъ своеобразный тонъ высокомѣрно-нравоучительныхъ отношеній къ Франціи, который въ теченіе первой половины царствованія остается господствующимъ.

Прощаясь съ Шанзи, послѣ его отозванія, императоръ сказалъ ему: «Я надѣюсь, что Ваше правительство сумѣетъ воздержаться отъ передовыхъ идей, которыя, подъ предлогомъ осуществленія усовершенствованій, вообще понятныхъ и желательныхъ, идутъ дальше цѣли и могутъ привести только къ смутѣ».

Въ такихъ тонахъ говорилъ съ Луи-Филиппомъ и Наполеономъ III императоръ Николай, но за годы Александра II этотъ языкъ былъ оставленъ. Теперь онъ воцаряется вновь, и съ какой настойчивостью! Преемникъ Шанзи, генералъ Апперъ, лично нравился Александру III и внесъ нѣкоторое успокоеніе, но когда онъ былъ отозванъ, Александръ III неожиданно заявилъ, что не хочетъ больше имѣть французскихъ пословъ въ Петербургѣ. Напрасно французское правительство предлагало прислать снова одного изъ своихъ заслуженныхъ генераловъ, считавшихся въ тѣ времена болѣе подходящими для петербургскаго поста, чѣмъ штатскіе дипломаты. «Ни Бильо, ни вообще кого бы то ни было», категорически сказалъ императоръ. Влангали, замѣнявшій Гирса, долженъ былъ сознаться французскому повѣренному въ дѣлахъ: «Увы! императоръ запретилъ, чтобы ему говорили о новомъ послѣ, и его упрямство таково, что я не вижу, какъ намъ удастся его переубѣдить».

Русскій посолъ во Франціи Моренгеймъ, которому было тоже предписано уѣхать изъ Парижа, — пытался почтительно доказывать вредъ такого рѣшенія, но на поляхъ депеши Александръ III написалъ: «Эти соображенія преувеличены; я не поступлюсь моими принципами».

Въ чемъ же заключались эти «принципы»? Гирсъ, опытный, спокойный и разумный, понимавшій необходимость поддерживать возможно лучшія отношенія съ Франціей, въ слѣдующихъ осторожныхъ словахъ объяснилъ французскому повѣренному въ дѣлахъ созданное императоромъ положеніе:

«Я былъ бы огорченъ, если бы отозваніе генерала Аппера измѣнило добрыя отношенія, которыя я хотѣлъ бы видѣть установленными между Франціей и Россіей. Поэтому во время моего пребыванія въ Ливадіи я постараюсь уничтожить въ сознаніи императора всякій слѣдъ недовольства, вызваннаго въ немъ отозваніемъ посла, котораго онъ высоко ува-

жалъ. Но я не могу скрыть отъ Васъ, что его взгляды и принципы въ государственныхъ дѣлахъ мало согласуются съ принятымъ Франціей режимомъ и нынѣшними теченіями республиканской политики.

«Я знаю, что намъ придется бороться съ предубѣжденіями императора, но я не отказываюсь отъ надежды убѣдить его, что трудности вашего внутренняго положенія происходятъ отъ раздробленія партій въ палатѣ, отъ неустойчивости большинства и отъ необходимости для кабинета маневрировать между партіями, чтобы обезпечить себя отъ враждебныхъ коалицій».

Но конституціонные доводы Гирса не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія въ Ливадіи, и, вернувшись оттуда, онъ долженъ былъ сознаться, что «принципы» Александра III остались непоколебленными. Такъ продолжалось два года. Только въ 1887 г., въ атмосферѣ происходившаго разрыва съ Австріей и затрудненій на Балканахъ, Гирсу и Моренгейму удалось справиться съ «упрямствомъ» Александра III, о которомъ говорилъ Влангали.

Новый посолъ Лабулэ былъ принятъ въ Петербургѣ, а Моренгеймъ вернулся во Францію.

Но даже въ этотъ моментъ, когда слагавшаяся обстановка подсказывала необходимость сближенія съ Франціей, Александръ III продолжалъ морщиться. Знакомясь съ Лабулэ, онъ сказалъ ему: «Время тяжело, можетъ быть, готовятся испытанія, и было бы необходимо, чтобы Россія могла расчитывать на Францію, а Франція на Россію. Къ несчастью, вы сами переживаете кризисы, которые мѣшаютъ вамъ имѣть духъ послѣдовательности въ Вашей политикѣ и которые не позволяютъ идти рука объ руку съ Вами. Это огорчительно, ибо намъ нужна сильная Франція, мы въ васъ нуждаемся, и вы въ насъ. Надѣюсь, Франція это пойметъ».

Современный документъ подчеркиваетъ, что все это го-

ворилось грубо и съ горечью. Лабулэ былъ человѣкомъ гибкимъ и вѣрилъ въ необходимость франко-русскаго союза: онъ не спорилъ, а продолжалъ работать въ трудныхъ условіяхъ.

Ему суждено было не разъ выслушивать отъ Александра III однородные упреки, иногда необыкновенно курьезные. Вотъ образецъ ихъ разговоровъ. Императоръ спросилъ посла объ отставкѣ президента Греви и прибавилъ, что находитъ ее очень плачевной, не потому, что онъ отрицаетъ основательность причинъ, которыя его двигали, но потому, что онъ находитъ неподходящимъ, чтобы глава государства, избранный на время, былъ вынуждаемъ уходить до истеченія срока своихъ полномочій; его рѣшеніе заставляетъ сомнѣваться въ прочности французскаго государственнаго порядка, снова обнаруживая, что этотъ порядокъ подчиненъ капризамъ партій и измѣнчивости французовъ.

«Государь», отвѣчалъ Лабулэ, «французы — люди, которыхъ не слѣдуетъ судить по внѣшности. У насъ есть то, что видно, и то, чего не видно».

И въ самомъ дѣлѣ, что другое можно было отвѣтить на этого рода политическія размышленія, складывавшіяся въ Гатчинскомъ уединеніи?

Но, когда подъ вліяніемъ общаго развитія европейскихъ отношеній, послѣ отказа Вильгельма II возобновить русско-германское соглашеніе, Александръ III рѣшился заключить союзъ съ Франціей, онъ совершенно добросовѣстно отрекся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ предубѣжденій и принялъ союзъ честно и безъ оговорокъ.

Въ 1891 г. онъ говорилъ Лабулэ:

«Найдутся люди, которые будутъ удивляться, что Россія, представляющая монархическое начало, будетъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ французской Республикой, но я не раздѣляю ихъ мнѣнія; прежде всего, вашъ режимъ сталъ совершенно приличнымъ, а вашъ президентъ весьма почтененъ; а

потомъ, я не вижу, какъ его замѣнить, Франція довольна своими учрежденіями и не хочетъ ихъ мѣнять».

И съ той же прямолинейной простотой Александръ III прослушалъ «Марсельезу» на французской эскадрѣ въ Кронштадтѣ и благословилъ подписаніе формальнаго союзнаго акта съ Франціей.

«Въ его кристальной душѣ нѣтъ складокъ, гдѣ прячется мысль», говорилъ о немъ его старшій братъ цесаревичъ Николай; не знаю, подозрѣвалъ ли говорившій, что въ этомъ образѣ заключалось указаніе и на всѣ заслуги, и на всѣ грѣхи, которыми приходится поминать Александра III.

31 декабря 1891 г. Н. К. Гирсъ и маркизъ Монтебелло, преемникъ Лабулэ, подписывали франко-русскій союзный актъ. Гирсъ, взявъ перо, перекрестился и, поднявъ глаза, на нѣсколько секундъ замолкъ. Монтебелло посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и Гирсъ отвѣтилъ: «Я просилъ Бога остановить мою руку, если, вопреки всему тому, что я предвижу, вопреки очевидности для моего разума, этотъ союзъ долженъ стать гибельнымъ для Россіи».

Въ сущности, исторія не знаетъ рѣшенія вопроса, который себѣ ставилъ Гирсъ. — Великая война и ея русскій итогъ лежатъ, конечно, на тѣхъ путяхъ, которые были открыты Россіи актомъ, подписаннымъ въ 1891 г. Но подъ угломъ зрѣнія того, что было сдѣлано изъ этого акта слѣдующимъ поколѣніемъ, нельзя, конечно, оцѣнивать того крупнаго дѣла, которое совершилъ Александръ III.

II.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ И ОФФИЦІАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТІЯ

Примѣрно, сорокъ лѣтъ тому назадъ Эдмондъ Тутэнъ былъ секретаремъ французскаго посольства въ Россіи. Три года, что онъ провелъ тамъ, произвели на него большое впечатлѣніе, и онъ только что собралъ въ большой книгѣ свои воспоминанія объ этомъ періодѣ. Пишетъ онъ не особенно пріятно, какимъ то «профессіональнымъ», дипломатическимъ чиновничьимъ слогомъ, лишеннымъ, какъ любой «профессіональный» слогъ, всякаго обаянія внѣ мѣста своего законнаго приложенія. Но онъ хорошо помнитъ прошлое и сохранилъ много записей, въ свое время сдѣланныхъ. Книга его, благодаря этому, въ общемъ весьма интересна и поучительна. Фигуры Александра III, Н. К. Гирса, французскихъ дипломатовъ и министровъ тѣхъ лѣтъ выступаютъ въ свѣтѣ его разсказа съ большой яркостью и убѣдительностью; механизмъ тогдашней русской политической жизни вырисовывается ярко и, въ извѣстной мѣрѣ, по-новому.

Авторъ озаглавилъ свою книгу, — «Александръ III и французская республика» (Плонъ, 1929), и разсказъ его посвященъ почти цѣликомъ первымъ шагамъ по пути созданія франко-русскаго союза (1885-1888).

Какимъ неожиданнымъ ни кажется такой выводъ, но нѣтъ сомнѣнія, что франко-русскій союзъ, въ значительной мѣрѣ, былъ внушенъ правительству Александра III требованіями русскаго общественнаго мнѣнія. Организація этого обществен-

наго мнѣнія, конечно, была въ тѣ годы еще совершенно иной, чѣмъ, скажемъ, сейчасъ на Западѣ или въ послѣднее десятилѣтіе старой монархіи въ Россіи. Ни парламента, ни опирающейся на парламентъ свободной печати еще не существовало. Проводниками общественныхъ теченій въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Россіи служили еще свѣтскіе и отчасти литературные верхи общества, скажемъ, — великосвѣтскій клубъ или собраніе аристократическаго гвардейскаго полка, отчасти газеты, — «Московскія Вѣдомости» Каткова въ Москвѣ или «Новое Время» Суворина въ Петербургѣ.

Послѣдній день маневровъ въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1887 г. Кавалергардскій полкъ чествуетъ въ собраніи наслѣдника (будущаго Николая II). Позвано нѣсколько молодыхъ иностранныхъ дипломатовъ, съ которыми сведена дружба въ яхтъ-клубѣ и которые ѣздятъ въ большой свѣтъ, въ числѣ ихъ Тутэнъ. «Обѣдъ кончился рядомъ тостовъ въ честь государя и криковъ въ честь наслѣдника, — разсказываетъ Тутэнъ. — Я оставался въ залѣ собранія со всѣми офицерами полка и нѣсколькими ихъ товарищами изъ другихъ гвардейскихъ частей. Оставшись между собой, свободные отъ всякихъ стѣсненій послѣ отъѣзда Николая Александровича и свиты, наши любезные хозяева искренно веселились. Все становилось предлогомъ для криковъ и ура. Однимъ изъ кавалергардскихъ ротмистровъ, дававшихъ примѣръ воодушевленія и веселости, былъ великій князь Николай Михайловичъ... Его любовь къ нашей странѣ и къ нашей литературѣ была извѣстна, и онъ охотно слылъ «парижаниномъ». Заставивъ внезапно всѣхъ замолчать, онъ подошелъ ко мнѣ съ бокаломъ въ рукѣ. «Кричите всѣ»,—провозгласилъ онъ громкимъ голосомъ, — «да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ французская армія!». Потомъ, обращаясь къ музыкантамъ и хору полка: «сыграйте и спойте «En revenant de la revue». Въ одну минуту я былъ окруженъ большей частью присутствующихъ, ко-

торые хоромъ пѣли, подъ музыку, буланжистскую пѣсенку., Тогда, по новому знаку великаго князя, меня подняли на рукахъ солдаты и понесли по залѣ, подъ громкіе крики, среди которыхъ я различалъ — «да здравствуетъ Буланже», и вмѣстѣ съ ними возгласы... выражавшіе ненависть къ центральнымъ имперіямъ. «Развѣ вы не привѣтствуете Францію?» — спросилъ, улыбаясь, молодой офицеръ моего англійскаго коллегу, который тоже оставался на ночномъ празднествѣ, послѣ того, какъ я водворился на своемъ мѣстѣ. — «Съ удовольствіемъ», — отвѣтилъ тотъ и, весело повернувшись ко мнѣ, поднялъ стаканъ: «да здравствуютъ французы!».

Эта маленькая сцена очень характерна. Русское правительство связано интимнѣйшими союзными узами съ Германіей, и, вопреки всѣмъ недоразумѣніямъ съ Бисмаркомъ, унаслѣдованныя отъ трехъ предшествующихъ императоровъ узы дружбы съ ней оффиціально еще безспорны. И тѣмъ не менѣе, въ кругахъ, непосредственно близкихъ династіи и правительству, составляющихъ ихъ ближайшій оплотъ, зрѣютъ настроенія, нѣсколько наивно выливающіяся въ этомъ задорномъ пѣніи буланжистской пѣсни.

Откуда берется это настроеніе? Оно связано со «славянофильской программой», которую въ ту минуту представляютъ въ Россіи преимущественно печать, Москва, отчасти армія. Скобелевъ уже умеръ, но живъ и вліятеленъ Катковъ. Схема его «славянской программы» проста. Германская гегемонія составляетъ главное препятствіе на пути осуществленія славянскихъ задачъ русской политики. Германія связана съ Австріей и навязываетъ Россіи связи съ ней, между тѣмъ какъ русскіе интересы прямо противоположны австрійскимъ. Основная задача русской политики — возстановленіе ея свободы дѣйствій и, съ этой цѣлью, сближеніе съ Франціей въ противовѣсъ Германіи. Эта программа, съ которой мы такъ сжились за послѣдующій періодъ нашего государственнаго

развитія, въ тѣ годы кажется еще новой, смѣлой, почти парадоксальной.

Въ началѣ 1887 г. Тутэнъ встрѣтилъ въ салонѣ леди Моріеръ (жены англійскаго посла) Толстого, котораго онъ называетъ «делегатомъ въ Петербургъ московскихъ славянофильскихъ комитетовъ». Толстой, подъ величайшимъ секретомъ передалъ ему, что Катковъ подалъ императору Александру III подробную записку, излагающую всю эту новую программу сближенія съ Франціей; императоръ, будто бы, горячо благодарилъ Каткова и отвѣтилъ, что цѣликомъ одобряетъ его виды на внѣшнюю политику Россіи. Толстой добавилъ, что все дѣло сейчасъ въ томъ, чтобы устранить Н. К. Гирса отъ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и замѣнить его графомъ Н. П. Игнатьевымъ.

Сообщеніе Толстого было сенсаціоннымъ, и Тутэнъ поспѣшилъ доложить о немъ своему послу Лабулэ. Лабулэ былъ человѣкомъ осторожнымъ и опытнымъ. Онъ не рѣшался прямо вступать въ сношенія съ москвичами и Катковымъ, ибо вѣрилъ, что найдетъ надежнаго союзника въ дѣлѣ сближенія съ Франціей въ лицѣ того самаго Гирса, котораго такъ хотѣли свалить москвичи и котораго Лабулэ, напротивъ того, высоко цѣнилъ. Но у французской дипломатіи были уже налажены прямыя связи съ Катковымъ, и надо было пустить ихъ въ ходъ, чтобы провѣрить сенсаціонные разсказы Толстого. Агентомъ служилъ Мулэнъ, военный атташе посольства. Онъ хорошо зналъ русскій языкъ, долго служилъ въ Россіи и постоянно видалъ Каткова. Лабулэ поручилъ ему провѣрить сообщеніе. Извѣстія Толстого оказались неточными въ своихъ подробностяхъ. «Толстой, какъ полагается доброму славянофилу, — сказалъ Мулэнъ, — слишкомъ скоро принялъ свои желанія за реальность». Дѣло шло въ дѣйствительности лишь о большой программной статьѣ «Московскихъ Вѣдомо-

стей». Но статья эта, дѣйствительно, въ окончательномъ видѣ формулировала программу французскаго союза.

Александръ III былъ слишкомъ медлененъ въ своихъ движеніяхъ, чтобы сразу и прямо усвоить себѣ Катковскія мысли. Онъ съ несомнѣнной симпатіей прислушивался къ тому, что приходило изъ Москвы, но онъ привыкъ вѣрить Н. К. Гирсу и слѣдовать его осторожнымъ и уравновѣшеннымъ совѣтамъ.

Москва вѣшала на Гирса собакъ, и даже французскимъ дипломатамъ въ Петербургѣ (не Лабулэ, самому крупному изъ нихъ) онъ часто казался «осторожнымъ до трусости». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣннымъ представляется тотъ историческій фактъ, что именно ему, въ первую очередь, принадлежитъ практическое осуществленіе франко-русскаго союза.

Но и Гирсъ двигался по этому новому для русской дипломатіи пути съ медленностью и оглядкой. Въ 1886 г. къ нему зашелъ Лабулэ объясниться по поводу напечатанной тогда въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» замѣтки о неприкосновенности русско-германской дружбы, намекавшей и на возможность кооперацiи двухъ странъ въ дѣлѣ защиты чисто германскихъ интересовъ. Лабулэ замѣтка была непріятна, но Гирсъ его успокоилъ. «Горячіе умы», сказалъ онъ, — (у васъ есть таковые, такъ же какъ и у насъ), не ограничиваются тѣмъ, что упрекаютъ меня въ германскихъ тенденціяхъ, которыхъ у меня нѣтъ, но требуютъ, чтобы я немедленно разорвалъ съ Германіей и заключилъ союзъ съ Франціей... А что, если бы, господинъ посолъ, я дѣйствительно сегодня предложилъ вамъ союзъ, — продолжалъ Гирсъ; что бы вы мнѣ отвѣтили?.. Вы, конечно, сказали бы мнѣ, что Франція такъ же мало, какъ Россія, помышляетъ о рискахъ войны, что у ней тоже, — можетъ быть меньше, чѣмъ у Россіи, — есть финансовыя трудности и внутреннія затрудненія». «Я ограничусь отвѣтомъ», — возразилъ Лабулэ, — «что не имѣю инструкцій».

Гирсъ былъ правъ: если бы у Лабулэ были инструкціи, то въ ту минуту онѣ еще не позволили бы ему, конечно, заключить союзъ.

Двумъ государственнымъ дѣятелямъ тогдашней Франціи принадлежала руководящая роль въ дѣлѣ созданія русскаго союза, Фрейсинэ и Флурансу. Но оба они по своему были такъ же осторожны, какъ Н. К. Гирсъ, и продвигались по пути сближенія съ Россіей съ одинаковой осмотрительностью. Въ депешѣ, которую Флурансъ отправилъ Лабулэ, въ отвѣтъ на его пересказъ только что приведенной бесѣды съ Гирсомъ, изложена съ полной ясностью тогдашняя программа Франціи. Она интересна своими всяческими оговорками. «Мы цѣнимъ симпатіи, — говоритъ Флурансъ, — которыя по нашему адресу обнаруживаются вокругъ васъ. Но не обращайтесь съ призывомъ къ намъ въ видахъ немедленныхъ соглашеній и не поощряйте вашихъ собесѣдниковъ къ почину такого рода Если г. Гирсъ прямо высказался бы въ этомъ смыслѣ, вы скажете, что вы не имѣете инструкцій и доносите мнѣ... Всякій обмѣнъ мнѣній по столь деликатному вопросу мнѣ кажется въ настоящее время преждевременнымъ. Чего мы должны желать, это — чтобы Россія вернула себѣ свободу дѣйствій».

Должно было пройти еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ отвѣтственные руководители внѣшней политики обѣихъ странъ рѣшились выйти изъ этой предварительной стадіи франко-русскаго политическаго сближенія и перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но этотъ предварительный періодъ, попавшій въ поле зрѣнія автора разбираемой книги, котораго не было уже въ Россіи въ моментъ подписанія первыхъ актовъ союза, остается чрезвычайно важной страницей въ анналахъ дипломатической исторіи Россіи. Онъ позволяетъ намѣтить истоки политическаго теченія, которое позднѣе, на протяженіи цѣлой трети столѣтія, опредѣляло все міровое положеніе.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА КОНЦА ПРОШЛАГО ВѢКА

Когда, въ 1906 г., графъ В. Н. Ламздорфъ ушелъ съ поста министра иностранныхъ дѣлъ, можно было сказать, что классическая традиція русской императорской дипломатіи была исчерпана: консервативную формулу русской внѣшней политики смѣнила формула по существу своему революціонная, искавшая радикальныхъ перемѣнъ въ освященномъ договорами международномъ политическомъ порядкѣ. Въ томъ поколѣніи, къ которому онъ принадлежалъ и которое сходитъ со сцены послѣ 1905 г., Ламздорфъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и по своимъ способностямъ, и по своему характеру, и по коренной добросовѣстности всего своего умственнаго и нравственнаго уклада. Конечно, ни калибра, ни удачи государственнаго человѣка въ немъ не было: но въ немъ была школа, серьезность, опытъ и выдержка, дававшіе ему право стоять въ первыхъ рядахъ у огромной русской государственной машины.

«Центрархивъ» только что выпустилъ, попавшій почему-то въ «Особый Отдѣлъ Архива Октябрьской Революціи»,

дневникъ графа Ламздорфа за 1886, 1887, 1889 и 1890 гг. Написанный по французски дневникъ изданъ въ русскомъ переводѣ; если помириться съ фактомъ перевода и съ обычнымъ, даже въ относительно приличныхъ изданіяхъ Совѣтской Россіи, пошлѣйшимъ предисловіемъ совѣтскаго сановника, то новое изданіе откроетъ намъ рядъ интереснѣйшихъ данныхъ для исторіи воплощавшейся Ламздорфомъ дипломатической традиціи, а тѣмъ самымъ и для общей исторіи нашей внѣшней политики*). Когда Ламздорфъ писалъ дневникъ, онъ былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и ближайшимъ сотрудникомъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирса. Черезъ его руки проходило все, что было важнаго въ текущей политикѣ Россіи. Несмотря на непринужденность и естественность дневника, онъ умѣло заносилъ въ него только существенное, заносилъ живо, ясно и умно, черпая данныя изъ первыхъ рукъ и передавая точнымъ образомъ движеніе центральнаго колеса всего русскаго дипломатическаго механизма.

Двигать это колесо было не легко. Всякій государственный порядокъ знаетъ свои трудности на службѣ государственному дѣлу. Зналъ ихъ и русскій абсолютизмъ. Треніе машины происходило не отъ сложности, а отъ первичности ея постройки. Формально, все восходило къ «высочайшей волѣ». Но эта «высочайшая воля» не была еще, какъ въ болѣе развитыхъ монархическихъ конституціяхъ, нѣкоторой изящной и полезной абстракціей, а была опредѣленной реальностью живой человѣческой воли и живого человѣческаго разума. Нехватки этой воли или этого разума тягостно угнетали болѣе послѣдовательную волю и болѣе свѣтлый разумъ непосредственныхъ руководителей государственнаго дѣла. «Ба-

*) Центрархивъ, Мемуары и дневники царскихъ сановниковъ, Дневникъ В. Н. Ламздорфа (1886-1890). Гос. издательство, 1926.

ронъ (Жомини) разсказываетъ намъ, — заноситъ Ламздорфъ въ свой дневникъ подъ 1 января 1887 г., — что Ону (совѣтникъ русскаго посольства въ Константинополѣ) вернулся изъ Гатчины въ восторгѣ отъ государя; послѣднiй бесѣдовалъ съ нимъ около 40 минутъ и проявилъ замѣчательную искренность и серьезность при обсужденiи затронутыхъ въ ихъ бесѣдѣ политическихъ вопросовъ. Онъ былъ особенно пораженъ большой простотой Его Величества и отсутствiемъ въ немъ какой либо позы. Мнѣ кажется, что это наблюденiе правильно, но надо признаться, что въ проявленiи своихъ чувствъ нашъ государь не всегда эстетиченъ: примѣромъ можетъ служить высочайшая помѣта на возвращенной сегодня телеграммѣ барона Икскуля (посланникъ въ Римѣ), излагающей неумѣстныя разсужденiя графа Робилана (итальянскiй министръ иностранныхъ дѣлъ) по поводу болгарскихъ дѣлъ: «этакая парша, а туда же лѣзетъ». Другая запись: На телеграммѣ Хитрово, сообщающаго изъ Бухареста о томъ, что дѣлается въ Болгарiи, и между прочимъ, что англiйскiй и австрiйскiй агенты настоятельно совѣтовали Николаеву и Попову (дѣятели Восточной Румелiи) держаться до послѣдняго часа, — Его Величество помѣтилъ: «какiе скоты».

Внѣшняя грубость и внутренняя примитивность политическихъ оцѣнокъ, столь характерно выступающiя въ этихъ «помѣтахъ», сопровождались у Александра III, — при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ его характера, — своеобразной и неожиданной зависимостью отъ одного изъ развѣтвленiй тогдашней публицистики и общественнаго мнѣнiя; онъ часто черпалъ свои мысли и свои политическiя настроенiя не у своихъ министровъ ,а въ томъ, что казалось ему воплошенiемъ народнаго голоса и нацiональнаго чувства — въ статьяхъ и запискахъ Каткова и Князя Мещерскаго. Однако, этотъ, самый плохой изъ варiантовъ русскаго консерватизма, — безотвѣтственный, демагогическiй, аляповатый и льстивый —

дѣйствовалъ на Александра III сильно, но эпизодически и въ общемъ неглубоко. Въ конечномъ счетѣ императоръ былъ органически чуждъ экспериментовъ и двигался въ своей внѣшней политикѣ осторожно и медленно. Но вторженіе Катковскихъ проповѣдей временами бывало настолько энергичнымъ, что происходили рѣзкіе толчки и возникали большія трудности. «... Г. Гирсъ сообщаетъ мнѣ — пишетъ Ламздорфъ въ своемъ дневникѣ 5 января 1887 г., — что онъ сегодня вынесъ самое удручающее впечатлѣніе отъ своего доклада. Повидимому, интриги Каткова или какія нибудь другія пагубныя вліянія опять сбили нашего государя съ пути. Его Величество высказывается не только противъ тройственнаго союза, но даже противъ союза съ Германіей. Ему, будто-бы, извѣстно, что союзъ этотъ непопуляренъ и идетъ въ разрѣзъ съ національнымъ чувствомъ всей Россіи; онъ признается, что боится не считаться съ этими чувствами и не хочетъ подорвать довѣріе страны къ своей внѣшней политикѣ. Все это находится въ такомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что государь говорилъ и писалъ послѣднее время, что перестаешь что либо понимать. Теперь Его Величество не видитъ никакихъ преимуществъ въ союзѣ съ Германіей и утверждаетъ, что единственнымъ возможнымъ и выгоднымъ союзникомъ Россіи въ настоящій моментъ была бы Турція...». Гирсу пришлось долго и серьезно доказывать сомнительность замѣны Германіи Турціей въ качествѣ союзницы (замѣчу, что въ тѣ годы о французскомъ союзѣ еще серьезно не говорилось); въ концѣ концовъ, докладъ кончился для Гирса впечатлѣніемъ, что его отставка неминуема. Однако, черезъ недѣлю новый всеподданнѣйшій докладъ — болѣе спокойный, а черезъ двѣ — совершенно удовлетворительный. Линія разъ намѣченной внѣшней политики логически развивается, при дружномъ сотрудничествѣ Александра III и его министра, впредь до новыхъ трудностей, терпѣливо преодолѣваемыхъ Н. К. Гирсомъ.

Основы этой политики: — сохраненіе мира, отказъ отъ прямыхъ и косвенныхъ покушеній на политическій порядокъ въ Европѣ и на Балканахъ, сильный союзъ на Западѣ. Восточная война 1877-1878 гг. оставила горькія воспоминанія, а попытки активно вліять на событія даже на маломъ и, по началу, казалось, совершенно зависимомъ театрѣ болгарской политики, привели къ тупику необдуманнаго изгнанія Баттенберга, замѣщеннаго цѣликомъ опиравшимися на Австрію и Англію Стамбуловымъ и принцемъ Фердинандомъ. «Status quo» на Балканахъ постепенно превращался, при такихъ настроеніяхъ, въ начало и конецъ дипломатической мудрости.

Другая аксіома этой консервативной программы — сохраненіе союза съ Германіей. Шероховатости 1887 г., вызванныя преходящимъ вліяніемъ Каткова, исчезаютъ. Въ томъ же году союзъ возобновленъ. Въ дневникѣ Ламздорфа за мѣсяцы переговоровъ о заключеніи этого знаменитаго «договора перестрахованія» съ Бисмаркомъ, къ сожалѣнію, имѣется пробѣлъ. Но зато въ немъ самыя подробныя и существеннѣйшія данныя относительно сдѣланной въ 1890 г. настойчивой, но безуспѣшной попытки возобновить союзный актъ 1887 г. Данныя эти дополняютъ то, что въ свое время было обнародовано С. М. Горяиновымъ, и что сейчасъ имѣется въ большой публикаціи германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Какъ извѣстно, оборонительный договоръ, заключенный въ 1887 г. съ Германіей взамѣнъ такъ называемаго «союза трехъ императоровъ», истекалъ лѣтомъ 1890 г. Въ мартѣ произошелъ разрывъ Вильгельма II съ Бисмаркомъ и отставка послѣдняго. — Наканунѣ отставки Бисмаркъ вызвалъ къ себѣ русскаго посла графа Павла Шувалова, чтобы сказать ему о своемъ уходѣ и о томъ, что одной изъ причинъ таковой было обвиненіе его молодымъ императоромъ въ чрезмѣрномъ руссофильствѣ. Шуваловъ спросилъ канцлера, что будетъ съ

союзнымъ договоромъ: Бисмаркъ могъ отвѣтить только жестомъ сожалѣнія. Только-что Шуваловъ успѣлъ отправить телеграмму и спеціальнаго курьера въ Петербургъ съ этими, производившими впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, извѣстіями, какъ его вызвалъ къ себѣ Вильгельмъ II. Императоръ сказалъ послу, что съ отставкой канцлера внѣшняя политика Германіи не измѣнится, что онъ готовъ возобновить союзный договоръ 1887 г., и просилъ телеграфировать объ этомъ Александру III. Дневникъ Ламздорфа живо передаетъ царившее при полученіи всѣхъ этихъ извѣстій волненіе петербургской дипломатической канцеляріи. Въ отвѣтъ на телеграмму объ аудіенціи, Шувалову была отправлена слѣдующая инструкція, весь тонъ которой ярко передаетъ все значеніе, что придавалось германскому союзу: «Государь Императоръ съ чувствомъ живѣйшаго удовлетворенія изволилъ ознакомиться съ содержаніемъ порученія, возложеннаго на Васъ императоромъ Вильгельмомъ. Государь поручаетъ Вамъ выразить Его Императорскому Величеству благодарность и сказать ему. что онъ ни на минуту не сомнѣвался въ неизмѣнной преданности германскаго монарха, его друга и союзника, принципамъ и традиціями славнаго прошлаго, которые являются лучшимъ залогомъ мира и благоденствія въ будущемъ. Государь очень расположенъ возобновить нашъ тайный договоръ, и я не премину Васъ немедленно снабдить подробными инструкціями по этому вопросу». Черезъ два дня Шувалову дѣйствительно направлены были эти инструкціи, предлагавшія продлить на три года дѣйствіе союзнаго договора безъ пересмотра его по существу (только, опустивъ приложенный протоколъ по балканскимъ дѣламъ). Но, вопреки словамъ императора Вильгельма, новые люди въ Берлинѣ молчали о союзѣ. Гирсъ, чувствуя, что дѣло не въ порядкѣ, черезъ недѣлю запросилъ Шувалова. Шуваловъ, не желая портить своихъ отношеній съ новымъ режимомъ, уклонился отъ разговора на эту тему

съ новымъ канцлеромъ, прося Гирса узнать положеніе вопроса отъ германскаго посла. Послѣдній въ концѣ марта 1890 г. явился къ Гирсу и передалъ ему, что превращенный въ канцлера генералъ Каприви отказывается отъ мысли возобновить договоръ 1887 г., «такъ какъ противъ него русское общественное мнѣніе». Гирсъ отвѣтилъ Швейницу, что, на его взглядъ, мнѣніе князя Бисмарка о желательности обезпечить отъ всякихъ случайностей договорнымъ путемъ взаимные интересы двухъ странъ имѣло свое основаніе, но прибавилъ, что нисколько не настаиваетъ на возобновленіи соглашенія, а лишь не можетъ скрыть своего удивленія, что возраженія генерала Каприви были признаны достаточными, чтобы отмѣнить лично заявленную императоромъ готовность продолжать дѣйствіе секретнаго договора.

Такъ выпало одно изъ звеньевъ консервативной формулы русской внѣшней политики. Но замѣнившій его французскій союзъ не разрушилъ, по существу дѣла, коренной основы этой формулы. Гирсъ и Ламздорфъ оставались людьми прежней школы, заключая и выполняя это новое союзное соглашеніе. Ея дисциплина кончилась въ тотъ моментъ, когда, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и печати, магическое обаяніе формулы «status quo» кончилось и возобладали настроенія, талантливымъ выразителемъ которыхъ былъ покойный А. П. Извольскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РОССІИ НАКАНУНѢ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Политическую систему Россіи наканунѣ Великой войны можно было бы кратко обозначить, какъ систему «западнаго союза»: Россія опиралась въ своей внѣшней политикѣ на страны европейскаго запада, Францію и Англію, противъ Германіи и Австро-Венгріи. Система эта, въ ея чистомъ видѣ, никогда ранѣе не встрѣчалась въ исторіи развитія европейской и русской внѣшней политики, несмотря на разнообразіе политическихъ сочетаній, которыя она знала. Отдѣльные ея элементы — политическая близость между Россіей и Франціей, политическая близость между Россіей и Англіей — за два послѣднихъ столѣтія русской исторіи временами складывались, но въ каждомъ изъ нихъ было типично какъ разъ отсутствіе то Англіи, то Франціи: франко-русскія сближенія обычно направлены противъ Англіи, дружба Россіи съ Англіей обычно направлена противъ Франціи. Но даже отдѣльно взятые элементы этой системы: политическая близость съ Франціей или политическая близость съ Англіей, являются въ прошломъ комбинаціями преходящими и переходными.

Если что типично для русской внѣшней политики стараго времени, то та политическая комбинація, которая въ серединѣ прошлаго столѣтія именовалась «союзомъ трехъ сѣверныхъ дворовъ»: Петербургъ опирается на Берлинъ и Вѣну. Это, классическое въ нашей исторіи сочетаніе имѣетъ свою длинную и сложную исторію, и оно обслуживается разнообразной идеологіей. Слѣдить за этой исторіей нѣтъ надобности, но полезно вспомнить, какъ рухнула эта «сѣверная система», ибо процессъ ея упраздненія объясняетъ процессъ возникновенія «системы западной» и сливается съ нимъ.

Послѣдній по времени историческій варіантъ союза Россіи съ Германіей и Австріей относится къ эпохѣ Бисмарка и Александра III: это — договоръ трехъ странъ, подписанный въ Берлинѣ въ 1884 году. Общая его экономія весьма интересна для послѣдующаго развитія русской политики. Онъ состоитъ изъ двухъ основныхъ частей, тѣсно и многозначительно между собою связанныхъ. Во-первыхъ, онъ представляетъ собой общеполитическое соглашеніе по европейскимъ дѣламъ, покоившееся на принципѣ обязательности нейтралитета каждаго изъ союзниковъ въ случаѣ нападенія на одного изъ нихъ со стороны четвертой великой державы. Этотъ уговоръ, практически, въ тогдашней европейской обстановкѣ, направленный къ изолированію Франціи на случай ея войны съ Германіей, дополнялся спеціальнымъ соглашеніемъ о Балканахъ. Каждый союзникъ обязывался «принимать во вниманіе» интересы остальныхъ въ этой области и не допускать измѣненія балканскаго «statu quo» безъ предварительнаго уговора съ ними; сверхъ того, Россія признавала право Австріи присоединить Боснію и Герцеговину, а Австро-Венгрія обязывалась уважать принципъ закрытія черноморскихъ проливовъ и не противиться объединенію Болгаріи и Восточной Румеліи. Такимъ образомъ, политическій союзъ сопровождался нѣкоторымъ, правда, не вполнѣ ясно намѣченнымъ, равно-

вѣсіемъ и разграниченіемъ сферъ вліянія Россіи и Австро-Венгріи на Балканахъ. Какъ извѣстно, «раздѣлъ» Балканъ между ними составлялъ одну изъ любимыхъ мыслей Бисмарка, видѣвшаго въ немъ основное средство предотвращенія конфликта между двумя, одинаково полезными для его задачъ въ Европѣ, союзниками.

Схема договора 1884 г.: общій политическій союзъ трехъ имперій, опирающійся на русско-австрійское политическое соглашеніе по балканскимъ дѣламъ, — обнаруживаетъ коренную зависимость чисто европейскихъ расчетовъ русской дипломатіи отъ ея балканской политики, зависимость, которая не исчезнетъ до конца. Союзъ трехъ имперій «консервативенъ» не только потому, что въ него входятъ страны традиціонно - монархическаго уклада, а потому, что онъ направленъ на охрану балканскаго «statu quo» Русская дипломатія того періода, только что вышедшая изъ испытаній и разочарованій войны 1877-1878 г. г., пуще всего опасается новыхъ катастрофъ на Балканахъ, сулящихъ ей новыя испытанія и разочарованія. Она не считаетъ возможнымъ допустить, чтобы установленный Берлинскимъ конгрессомъ порядокъ былъ измѣненъ въ свою пользу Австро-Венгріей и Англіей, и, дабы устранить такую возможность, она сознательно готова отречься отъ измѣненія этого порядка въ свою пользу, въ смыслѣ своихъ традицій политики освобожденія балканскихъ народовъ и контроля надъ ними. Отсюда формула балканскаго «statu quo», на стражѣ которой стоитъ союзъ трехъ имперій.

Первый ударъ, который былъ нанесенъ «сѣверному союзу», имѣлъ своимъ источникомъ тѣ же Балканы. Срокъ союза истекалъ въ 1887 г., въ самый разгаръ извѣстнаго конфликта между Александромъ III и Болгаріей., Конфликтъ этотъ, вызванный противорѣчіемъ между притязаніями русскаго правительства и, еще больше, русскихъ агентовъ въ

Болгаріи на руководство внутреннимъ развитіемъ страны, съ одной стороны, и естественнымъ процессомъ роста государственнаго сознанія этой послѣдней, съ другой, отравлялъ внѣшнюю политику Александра III въ теченіе ряда лѣтъ и кончился призывомъ на болгарскій престолъ, вопреки русскимъ совѣтамъ и русскимъ требованіямъ, Фердинанда Кобургскаго, ставшаго, въ глазахъ Болгаріи, символомъ ея политической самостоятельности. Александръ III, который былъ лично больше всѣхъ виноватъ въ этомъ конфликтѣ, переносилъ его отвѣтственность на Вѣну, гдѣ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находился тогда одинъ изъ замѣтныхъ государственныхъ людей новой Австріи, Кальноки, который, поставленный между требовавшимъ разрыва съ Россіей венгерскимъ общественнымъ мнѣніемъ и умѣряющими совѣтами Бисмарка, съ выдержкой и хладнокровіемъ поддерживалъ болгаръ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе отъ русской капризной и малоуравновѣшенной диктатуры. Кальноки продолжалъ заявлять, что онъ стоитъ на почвѣ балканскаго «statu quo» и союза трехъ имперій, но не считалъ, что русская гегемонія въ Болгаріи отвѣчаетъ тому «statu quo», которое освящали договоры. Напрасно Н. К. Гирсъ, мало отвѣтственный за всю русско-болгарскую эпопею, пытался спасти русское вліяніе въ Болгаріи, становясь на почву раздѣла сферъ вліянія между Россіей и Австро-Венгріей на Балканахъ и требуя на этомъ основаніи въ Вѣнѣ отреченія отъ поддержки усилій болгаръ, направленныхъ къ ея освобожденію отъ русскихъ проконсуловъ. Кальноки велъ свою линію спокойно и настойчиво и тѣмъ необыкновенно раздражалъ Александра III. Когда дѣло стало подходить къ возобновленію союзнаго акта 1884 г., становилось все яснѣе, что ни Бисмарку, ни Гирсу не удастся добиться согласія императора на продолженіе политики прежняго союза, которую

оба министра считали по прежнему цѣлесообразной и выгодной. Вліяніе Каткова, стоявшаго уже тогда за сближеніе съ Франціей, достигло въ эти мѣсяцы своей высшей точки, и Александру III казалось, что возобновленіе союза съ Австріей будетъ вызовомъ русскому общественному мнѣнію. Въ Вѣнѣ, напротивъ, были готовы идти на союзъ на прежнихъ основаніяхъ, съ частичнымъ лишь измѣненіемъ деталей балканской части соглашенія. Но когда срокъ возобновленія подошелъ, Александръ III категорически заявилъ, что онъ готовъ поддерживать наилучшія отношенія съ императоромъ Францемъ Іосифомъ, но не станетъ договариваться съ его правительствомъ.

Съ той минуты, что стала ясной невозможность добиться согласія Александра III на возобновленіе союза, Бисмаркъ откровенно сказалъ Кальноки, что, если союзъ втроемъ невозможенъ, онъ возобновитъ его между Россіей и одной Германіей. Такъ и случилось. Александръ III былъ готовъ слушаться Каткова, поскольку дѣло шло объ австрійцахъ, но его нельзя было тогда еще поколебать въ традиціяхъ дружбы съ Германіей. Еще въ мартѣ 1887 г. германскій посолъ генералъ ф. Швейницъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ: «Успокоительные симптомы: я говорилъ съ Гирсомъ; онъ сказалъ: мы не такъ глупы, чтобы заключить союзъ съ республикой (разумѣя Францію)». 18 іюня того же года Бисмаркъ подписывалъ съ Петромъ Шуваловымъ секретный союзный договоръ, построенный въ своемъ основномъ содержаніи на тѣхъ же положеніяхъ, что и актъ 1884 г. Обѣ имперіи обязывались соблюдать благожелательный нейтралитетъ въ случаѣ войны одного изъ союзниковъ противъ третьей великой державы, однако съ тѣмъ, что такое постановленіе не дѣйствуетъ, если одинъ изъ союзниковъ самъ нападетъ либо на Францію, либо на Австрію. Во второй части союзнаго акта, посвященной Балканамъ, говорилось о

неизмѣняемости, безъ согласія союзниковъ, «statu quo» на Балканскомъ полуостровѣ, о сохраненіи въ силѣ правила о закрытіи Черноморскихъ проливовъ и о признаніи Германіей правъ «преимущественнаго и рѣшающаго» вліянія Россіи въ Болгаріи.

Вопреки тому, что думалъ и какъ чувствовалъ Александръ III, замѣна стараго союза трехъ имперій русско-германскимъ союзнымъ договоромъ, очень мало измѣнила общія основанія русской внѣшней политики. Двоякія условія приводили къ этому результату. Во-первыхъ, договоръ «перестрахованія», какъ Бисмаркъ называлъ свое соглашеніе 1887 г. съ Россіей, получалъ важное дополненіе въ оборонительномъ союзѣ между Германіей и Австро-Венгріей, который былъ заключенъ еще въ 1879 г. и обнародованъ въ 1888 г. Благодаря наличности двухъ союзовъ, Бисмаркъ стоялъ между Россіей и Австро-Венгріей. Формально онъ обязывался воевать съ Австріей противъ Россіи, если вторая нападала на первую, и соблюдать нейтралитетъ, если первая нападала на вторую. Его слово рѣшало такимъ образомъ исходъ русско - австрійской борьбы, и онъ становился на стражѣ мира и равновѣсія между Петербургомъ и Вѣной. Балканскіе дѣла и конфликты прямо не затрагивали Германію того періода: ей было все равно, что станется съ Болгаріей или Сербіей; единственный ея настоящій интересъ заключался въ томъ, чтобы изъ-за Балканъ не сталкивались между собой Россія и Австро-Венгрія. Формула «statu quo» давала гарантію, что этого не будетъ. Такимъ образомъ — и въ этомъ лежалъ второй факторъ, объяснявшій, почему старыя основы русской внѣшней политики оставались въ силѣ, несмотря на отсутствіе прямого русско-австрійскаго соглашенія — договоръ «перестрахованія» и въ отношеніи Балканъ дѣлалъ неизбѣжнымъ продолженіе политики союза трехъ имперій.

Былъ еще одинъ факторъ внѣ договорныхъ актовъ, который охранялъ неизмѣнность системы. Онъ лежалъ въ неудачахъ болгарской политики Александра III. Неудачи эти — еще въ большей степени, чѣмъ опытъ русско-турецкой войны —содѣйствовали укрѣпленію мысли, носителемъ которой былъ Н. К. Гирсъ и его преемники на посту министра иностранныхъ дѣлъ, вплоть до Графа В. Н. Ламздорфа, что ничего добраго изъ активнаго вмѣшательства Россіи въ балканскія дѣла произойти не можетъ, и что благоразумно и выгодно не трогать, плохо или хорошо сложившагося, порядка вещей въ этомъ углу Европы.

Пошатнувшаяся въ 1887 г., но возстановленная «договоромъ перестрахованія» политическая система, опиравшаяся на союзъ съ Берлиномъ и Вѣной и на сохраненіе балканскаго «statu quo», была разрушена рѣшеніемъ германскаго правительства отказаться отъ возобновленія русско-германскаго договора 1887 г. Это рѣшеніе было принято въ 1890 г., въ первые мѣсяцы самостоятельнаго управленія Вильгельмомъ II внѣшней политикой Германіи, вслѣдъ за отставкой Бисмарка. Теперь доподлинно извѣстны обстоятельства, при которыхъ совершилось это событіе существенной важности въ русской исторіи, и мотивы, которыми руководился Вильгельмъ II. Инициатива отказа отъ русскаго союза исходила отъ чиновниковъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которые, освободившись отъ опеки стараго канцлера, убѣдили замѣнившаго его генерала Каприви, а черезъ него молодого императора, что договоръ не выгоденъ для Германіи, что онъ не совмѣстимъ съ другими ея союзными отношеніями, съ «тройственнымъ союзомъ» и съ союзомъ съ Румыніей, что, наконецъ, Германія дѣлала въ немъ Россіи та-

кія уступки по вопросу о Болгаріи и о Черноморскихъ проливахъ, которыя ничѣмъ Россіей не оплачивались. Вильгельмъ II, который уже успѣлъ передъ тѣмъ заявить свое согласіе на возобновленіе союза, склонился передъ этими, звучавшими столь продуманно, аргументами, и германскому послу въ Петербургѣ было поручено сказать Гирсу и Александру III, что союзъ возобновленъ не будетъ.

Умный Швейницъ выполнилъ свою миссію со всевозможной осторожностью. Александръ III отнесся къ его сообщенію съ полнымъ спокойствіемъ, но неизмѣримо лучше разбиравшійся въ дѣлахъ Гирсъ откровенно указалъ послу всѣ тѣ послѣдствія, которыя влекло за собой берлинское рѣшеніе. Въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ, Гирсъ, оказывалъ сопротивленіе требованіямъ объ измѣненіи основъ русской внѣшней политики, которыя защищалъ сначала Игнатьевъ, а затѣмъ Катковъ, считая установившееся политическое равновѣсіе выгоднымъ для Россіи. Безъ соглашенія съ Германіей старая политика не будетъ имѣть больше точки опоры, ибо исчезаетъ «мудрый и благожелательный, но строгій контроль» князя Бисмарка надъ австрійцами, и Россія ничѣмъ не обезпечена отъ активныхъ выступленій послѣднихъ на Балканахъ. Россія нынѣ изолирована. Часть русскаго общественнаго мнѣнія будетъ привѣтствовать свободу дѣйствій, которую она получаетъ. Но министръ видитъ всѣ невыгоды и опасности этой свободы. Онъ готовъ былъ бы отказаться отъ всѣхъ тѣхъ дополнительныхъ условій о Болгаріи и проливахъ, которыя заключалъ въ себѣ союзный актъ, но онъ считалъ бы полезнымъ, чтобы между двумя странами существовало хотя бы общее политическое соглашеніе о соблюденіи нейтралитета въ войнѣ каждаго изъ союзниковъ съ третьей державой. Таковъ былъ общій смыслъ отвѣта Гирса. Со свойственной ему осторожностью онъ не упомянулъ въ этихъ разго-

ворахъ со Швейницемъ о Франціи, но собесѣдники понимали другъ друга. Разговоръ произвелъ большое впечатлѣніе на посла, и онъ написалъ въ Берлинъ, что считаетъ полезнымъ заключить съ Россіей то соглашеніе, о которомъ ему говорилъ Гирсъ. Но чиновники берлинскаго министерства снова представили своему начальству записки противъ этой мысли, и старая система европейскихъ союзовъ была сдана въ архивъ. Бездоговорное пространство въ русско-германскихъ отношеніяхъ продолжало заполняться традиціонными фразами о дружбѣ монарховъ, и внѣшне отношенія оставались прежними. Но по существу отказъ преемниковъ Бисмарка отъ возобновленія договора 1887 г. по законамъ политической физики неизбѣжно влекъ за собой франко-русское сближеніе.

⁂

Франко-русскій союзъ не былъ результатомъ заранѣе обдуманной и затѣмъ сознательно осуществленной программы. Напротивъ того, онъ подготовлялся и росъ какъ бы органически, путемъ постепеннаго сгущенія въ договорныя формулы множества разговоровъ объ общности интересовъ двухъ странъ, стоявшихъ каждая въ полной изолированности, лицомъ къ лицу съ тройственнымъ союзомъ и примыкавшей къ нему въ тѣ годы Англіей. Гирсъ и Лабуле въ Петербургѣ, Рибо и Моренгеймъ въ Парижѣ почти безпрерывно, начиная съ 1890 г., обмѣнивались разговорами на эту тему, пока, наконецъ, Гирсъ, съ неторопливой осторожностью и свойственной ему серьезностью и искренностью, не поставилъ вопроса о своевременности дальнѣйшихъ шаговъ на пути къ сближенію. Рибо съ одинаковой осторожностью отвѣтилъ Лабуле, передавшему ему этотъ разговоръ, что онъ привѣтствовалъ соглашеніе, — которое, прибавлялъ онъ, не долж-

но имѣть характера союза для преслѣдованія заранѣе опредѣленныхъ задачъ, а должно быть сведено «къ простѣйшему выраженію». Въ августѣ 1891 г. состоялся обмѣнъ нотъ, въ которыхъ соглашеніе было изложено въ двухъ пунктахъ. По первому оба правительства «въ стремленіи сохранить миръ» взаимно обязывались сговариваться по всѣмъ вопросамъ, способнымъ нарушать таковой; по второму, въ случаѣ, если бы общему миру угрожала опасность и въ особенности одной изъ двухъ странъ грозило нападеніе, оба правительства должны были сговориться о «мѣрахъ, которыхъ немедленное и одновременное принятіе подсказывалось бы такой обстановкой». Соглашеніе оставалось, какъ видно, еще весьма неопредѣленнымъ и было далеко отъ прямого союза.

Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ военными. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ между генеральными штабами русскимъ и французскимъ, въ августѣ слѣдующаго, 1893-го года былъ выработанъ и подписанъ Обручевымъ и Буадеффромъ проектъ военнаго соглашенія, устанавливавшій условія военнаго сотрудничества двухъ странъ. Проектъ предусматривалъ, что такое военное сотрудничество наступаетъ въ случаѣ нападенія на Россію Германіи или Австріи, поддержанной Германіей, и въ случаѣ нападенія на Францію Германіи или Италіи, поддержанной Германіей. Нападеніе Австро-Венгріи на Францію не было вообще предусмотрѣно, какъ casus foederis.

Въ теченіе довольно долгаго срока этотъ актъ за подписью двухъ генераловъ разсматривался, какъ проектъ, подлежавшій еще исправленіямъ съ политической точки зрѣнія, но эти исправленія такъ и не были въ него внесены, и, въ концѣ слѣдующаго 1894 г. онъ былъ утвержденъ, какъ обязательный для двухъ правительствъ, обмѣномъ нотъ между двумя министрами иностранныхъ дѣлъ. Соотношеніе между дипломатиче-

скими нотами 1891 г. и этимъ, не сразу утвержденнымъ, проектомъ военнаго соглашенія, и срокъ дѣйствія этого послѣдняго оставались долго невыясненными. Только въ 1899 г. пріѣзжавшій тогда въ Петербургъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе установилъ, по соглашенію съ графомъ Муравьевымъ, что военное соглашеніе будетъ оставаться въ силѣ, пока будетъ дѣйствовать соглашеніе дипломатическое.

Гирса, когда онъ подписывалъ первый актъ союза съ Франціей, естественно заботила мысль, что станется въ новыхъ условіяхъ съ Балканами. Онъ подставилъ на мѣсто германскаго союза, въ интересахъ общеевропейскаго политическаго равновѣсія, соглашеніе съ Франціей, но соглашеніе, построенное, по выраженію Рибо, «въ простѣйшемъ выраженіи». Предстояло выяснить, способно ли оно, такъ же, какъ старый союзъ съ Берлиномъ и Вѣной, обслуживать русскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ. Гирсъ продолжалъ понимать эти интересы, какъ сохраненіе «statu quo». Въ этой политикѣ онъ сразу же нашелъ полную поддержку Франціи.

Въ ноябрѣ 1891 г. Гирсъ былъ въ Парижѣ и видѣлся съ Рибо и первымъ министромъ Фрейсине. Онъ заявилъ имъ, что русская политика на Балканахъ не преслѣдуетъ иной цѣли, кромѣ «statu quo». Россія не имѣетъ никакихъ видовъ на Константинополь и стремится лишь къ тому, чтобы турки оставались по старому на стражѣ проливовъ. Рибо отвѣтилъ, что никакихъ другихъ цѣлей не имѣетъ и Франція, и что сохраненіе установленнаго на Балканахъ порядка отвѣчаетъ видамъ его страны.

Такимъ образомъ, франко-русскій союзъ получилъ то же дополненіе, какое имѣлъ въ свое время союзъ Россіи съ Германіей. Онъ былъ столь же «консервативенъ», что этотъ послѣдній, поскольку дѣло шло о турецкомъ востокѣ.

***

Францiя не располагала тѣми средствами воздѣйствiя на Австро-Венгрiю, какими располагалъ Бисмаркъ. Борьба съ австрiйцами вообще ни въ какой мѣрѣ не интересовала республику. Въ одной, выработанной французскимъ генеральнымъ штабомъ, военной запискѣ, послужившей первымъ наброскомъ военной конвенцiи, было прямо указано, что Россiи слѣдовало, въ случаѣ военнаго столкновенiя, ограничиться минимальнымъ усилiемъ противъ Австро-Венгрiи и сосредоточить всѣ свои военныя силы противъ «главнаго врага», т. е. Германiи. Съ политической точки зрѣнiя, не менѣе, чѣмъ съ военной, Австрiя всегда оставалась для Францiи второстепеннымъ врагомъ. Въ общей экономiи русской политики здѣсь лежалъ несомнѣнный пробѣлъ по сравненiю съ актами предшествующаго перiода.

Но долгое время этого пробѣла не чувствовалось.

Кальноки замѣнилъ въ 1894 г. во главѣ внѣшней политики Австро-Венгрiи графъ Голуховскiй. Человѣкъ мягкiй и мало активный, Голуховскiй былъ далекъ отъ какихъ либо завоевательныхъ стремленiй. Русскимъ посломъ въ Вѣнѣ былъ весьма выдающiйся и весьма активный графъ Капнистъ, политическiя концепцiи котораго сводились къ признанiю выгодности для Россiи сближенiя съ Австро-Венгрiей на почвѣ размежеванiя сферъ влiянiя между двумя странами на Балканахъ, согласно старымъ рецептамъ Бисмарка. Человѣкъ той же политической школы, къ тому же нѣсколько лѣнивый и, по выраженiю записокъ Витте, «въ высшей степени великосвѣтскiй», — князь Лобановъ-Ростовскiй занималъ постъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Его интересовалъ Дальнiй Востокъ, въ которомъ онъ, подъ влiянiемъ С. Ю. Витте, видѣлъ поле будущей работы Россiи. Вся эта обстановка

содѣйствовала тому, что между Россіей и Австро-Венгріей царилъ на Балканахъ полный миръ. Отношенія двухъ странъ были таковы, что оказалось возможнымъ опять завязать нить политическихъ соглашеній, порванную въ 1887 г.

Русско-австрійское соглашеніе по балканскимъ дѣламъ, заключенное въ 1897 г. графомъ Голуховскимъ и преемникомъ Лобанова графомъ Муравьевымъ, является самымъ яркимъ выраженіемъ этой безмятежной полосы въ развитіи русско-австрійскихъ отношеній. Оно состоитъ изъ ноты Голуховскаго и отвѣтной ноты графа Муравьева. Первый излагаетъ, что охрана «statu quo» на Балканахъ составляетъ основу и русской, и австро-венгерской политики, и что всякое его измѣненіе должно быть предварительно обсуждено и условлено двумя странами; онъ заявляетъ затѣмъ, что готовъ уважать цѣнимый Россіей принципъ закрытія проливовъ, но что за Австріей должно быть признано право присоединить къ своей территоріи Боснію-Герцеговину и Ново-Базарскій санджакъ; что при измѣненіи «statu quo» на Балканахъ должно быть образовано Албанское государство, а остальныя территоріи раздѣлены между балканскими государствами съ сохраненіемъ равновѣсія силъ каждаго изъ нихъ. Графъ Муравьевъ подтверждаетъ въ отвѣтной нотѣ всѣ изложенныя Австро-Венгріей положенія, за исключеніемъ двухъ — аннексіи Босніи-Герцеговины и санджака и образованія Албаніи. Но и за этими оговорками соглашеніе 1897 г. оставалось весьма содержательнымъ. Во всякомъ случаѣ оно на цѣлое десятилѣтіе опредѣлило и русскую, и австрійскую политику на Балканахъ. Традиціонная формула балканскаго «statu quo» получила новое освященіе, въ своихъ общихъ линіяхъ близко напоминавшее акты восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія..

Начавшееся въ первые годы двадцатаго вѣка революці-

онное движенiе въ македонскихъ провинцiяхъ Турцiи въ теченiе ряда лѣтъ трактовалось подъ угломъ зрѣнiя акта 1897 г. Россiя и Австро - Венгрiя сговаривались о «реформахъ», которыя должны были осуществляться въ Македонскихъ вилайетахъ, «реформахъ», въ которыхъ робко и въ самыхъ скромныхъ дозахъ отступали отъ дорогого для всѣхъ «statu quo». которыя никого не удовлетворяли въ Македонiи и еще меньше въ балканскихъ государственныхъ центрахъ, но которыя позволяли отдѣлываться отъ назрѣвавшихъ событiй.

Соглашенiе 1897 г. между Австро-Венгрiей и Россiей являлось существенно важнымъ дополненiемъ къ основнымъ дипломатическимъ актамъ, на которыхъ строилось европейское политическое равновѣсiе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтiя. Оно придавало имъ устойчивость и подчеркивало общiй консервативный укладъ, который былъ присущъ въ тотъ перiодъ дипломатiи большинства европейскихъ странъ. Въ новыхъ условiяхъ поддерживалось политическое равновѣсiе, установившееся въ Европѣ послѣ Франкфуртскаго и Берлинскаго мирныхъ договоровъ.

⁂

1906-ой годъ былъ концомъ этой переходной эпохи въ исторiи европейской политики. Съ разныхъ сторонъ, во всѣхъ центрахъ и углахъ Европы, частью совершенно независимо другъ отъ друга, а частью цѣпляясь одни за другiе, начинаютъ съ этого года развертываться событiя, напряженность которыхъ напоминаетъ другiе великiе международные кризисы, ранѣе пережитые человѣчествомъ, тридцатилѣтнюю войну, войны революцiи и имперiи, перiодъ нацiональныхъ движенiй XIX столѣтiя. Безполезно искать, гдѣ раньше и гдѣ позже развертываются эти новые процессы. Поиски «отвѣтственности» за нихъ могли бы, можетъ быть, оправдываться,

если бы дѣйствительно одинъ рядъ событій вызывалъ и объяснялъ другой рядъ. На самомъ дѣлѣ паденіе старой системы вызвано было тѣмъ, что взрывать ее начали сразу съ разныхъ сторонъ, не сговариваясь и не ожидая другъ друга.

Подъ напоромъ событій, прежде исполнявшія весьма мирныя функціи политическія комбинаціи превратились, безъ всякаго измѣненія ихъ буквы, въ комбинаціи, обслуживавшія революціонныя, съ международной точки зрѣнія, цѣли. Политика Эренталя измѣняетъ смыслъ тройственнаго союза такъ же, какъ политика Извольскаго придаетъ новое значеніе франко-русскому союзу. И рядомъ со старыми, но обновляющимися комбинаціями, нарождаются совсѣмъ новыя, настолько новыя, что при появленіи ихъ не всегда умѣютъ истолковать и взвѣсить.

Въ 1906 г. уходятъ въ отставку въ Россіи графъ Ламздорфъ, послѣдній представитель старой русской дипломатической школы, и въ Австро-Венгріи графъ Голуховскій. На смѣну имъ приходятъ Извольскій и Эренталь. Каждый изъ нихъ по своему представляютъ новую Европу, Европу эпохи великой войны. Для обоихъ пресловутый балканскій «status quo», на которомъ стоятъ ихъ предшественники, лишенъ всякаго обаянія. Въ одномъ изъ большихъ секретныхъ правительственныхъ совѣщаній въ Петербургѣ въ 1908 г. Извольскій слѣдующимъ образомъ излагалъ свой взглядъ на балканскія дѣла: «Графъ Ламздорфъ держался въ отношеніи балканскихъ дѣлъ охранительной политики: онъ стремился сдерживать Болгарію и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ соглашеніе съ Австріей; такая политика носитъ чисто отрицательный характеръ, она не способна привести къ благопріятному, съ точки зрѣнія русскихъ историческихъ интересовъ, разрѣшенію балканскихъ вопросовъ, но зато имѣетъ одно преимущество — способствуетъ замораживанію этихъ вопросовъ. Во вся-

комъ случаѣ это не политика серьезныхъ успѣховъ на пути къ основнымъ цѣлямъ, нами преслѣдуемымъ». Эренталь разсуждалъ такъ же для Австро-Венгріи. «Эренталь — говоритъ его біографъ, — стремился возстановить для монархіи сильное положеніе на Балканахъ».

И Извольскій, и Эренталь въ ихъ новой политикѣ сдѣлали попытку соглашенія: оба они были профессіональными дипломатами, и традиціи Пѣвческаго Моста и Балльплатца сидѣли въ нихъ слишкомъ крѣпко, чтобы не подумать объ австро-русскомъ соглашеніи. Но эта попытка кончилась, какъ извѣстно, весьма плачевно для программы мирнаго размежеванія интересовъ двухъ странъ на Балканскомъ полуостровѣ: «statu quo» на Балканахъ было нарушено въ пользу австрійцевъ съ согласія и благословенія Извольскаго, но онъ не сумѣлъ извлечь изъ этого нарушенія никакихъ «успѣховъ на пути къ основнымъ цѣлямъ Россіи», о которыхъ онъ говорилъ въ совѣщаніи 1908 г. Ошибки тактики Извольскаго были совершенно наглядны и несомнѣнны и сознавались имъ самимъ. Но успѣхъ политики Эренталя, давшаго первый примѣръ безнаказаннаго покушенія на консервативную программу европейской дипломатіи предшествующихъ десятилѣтій, разрушилъ безъ остатка эту программу. Всѣмъ были развязаны руки, и открылась полоса непрерывныхъ конфликтовъ и войнъ на турецкомъ востокѣ, тянувшаяся въ теченіе пятнадцати лѣтъ, слѣдующихъ за знаменитымъ свиданіемъ Извольскаго и Эренталя въ Бухлаускомъ замкѣ осенью 1908 года.

Попытка Извольскаго сговориться съ Эренталемъ, предшествовавшая аннексіи Босніи и Герцеговины Австро-Венгріей, покоилась на старой мысли о томъ, что два правительства могутъ, какъ-то, географически и политически, размежевать сферы своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Извольскій предоставляетъ Австро-Венгріи свободу дѣйствій въ сферѣ сербства, чтобы самому подарить Болгаріи независимость, а тѣмъ самымъ закрѣпить въ сферѣ болгарской политическое вліяніе Россіи. Дипломатическое пораженіе Извольскаго привело къ тому, что въ русскомъ сознаніи и русской дипломатической программѣ судьбы сербскаго племени заняли мѣсто, котораго онѣ никогда ранѣе не занимали. И въ этомъ отношеніи событія отбрасывали Россію какъ разъ въ сторону противоположную той, куда ее хотѣлъ привести Извольскій. Въ пассивѣ русской дипломатіи къ концу министерства Извольскаго стояли, такимъ образомъ, обязательства въ отношеніи Сербіи и окончательный разрывъ съ Австро-Венгріей.

Незабываемой заслугой Извольскаго является то, что, поставивъ русское правительство передъ серьезнѣйшими трудностями и опасностями на Балканахъ, онъ въ то же время сумѣлъ, въ другой связи и съ инымъ успѣхомъ, положить начало новому и могущественному политическому союзу. Я разумѣю, конечно, англо-русское сближеніе. Методъ, выбранный имъ для достиженія этой цѣли, былъ правильнымъ и зрѣлымъ. Не ставя себѣ абстрактныхъ и общихъ задачъ, онъ — слѣдуя тѣмъ путямъ, по которымъ ранѣе его во Франціи шелъ Делькассе, — началъ съ того, что покончилъ, посредствомъ умѣлаго размежеванія, съ безконечными частными столкновеніями, которыя возникали въ теченіе ряда поколѣній между Россіей и Англіей на всѣхъ точкахъ соприкосновенія двухъ великихъ колоніальныхъ имперій. Таковъ смыслъ англо-русскаго соглашенія 1907 г. Въ немъ не было ничего сказано, кромѣ ряда совершенно конкретныхъ рѣшеній по дѣламъ Азіи, но косвенный результатъ этого конкретнаго размежеванія былъ великъ. Вырисовывалась фигура будущей «Антанты», одной изъ могущественнѣйшихъ политическихъ комбинацій, извѣстныхъ въ исторіи Европы.

⁂

С. Д. Сазоновъ принялъ, ставъ въ 1910 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, весь политическій балансъ своихъ предшественниковъ. Въ этомъ балансѣ, съ одной стороны, стоялъ франко-русскій союзъ и англо-русское сближеніе, а съ другой стороны революціонизированные Балканы съ упраздненной возможностью размежеванія съ Австріей. Историческая роль Сазонова въ развитіи русской внѣшней политики заключалась въ томъ, что онъ довелъ до ихъ логическаго конца унаслѣдованныя имъ статьи этого политическаго баланса.

Никогда франко-русскій союзъ не былъ такъ проченъ и такъ дѣятеленъ, какъ въ годы его министерства. Оно совпадало съ годами роста французской политической активности. Союзъ съ Россіей былъ однимъ изъ краеугольныхъ камней программы этого политическаго обновленія во Франціи, вмѣстѣ съ работой надъ укрѣпленіемъ связей республики съ Англіей. Сазоновъ шелъ въ тѣхъ же водахъ, неуклонно и неизмѣнно. За двадцать пять лѣтъ своего существованія союзъ никогда не достигалъ того значенія, которое онъ получилъ въ эти годы.

Сазоновъ, вмѣстѣ съ французами, настойчиво стремился къ превращенію «сближенія» съ Англіей въ болѣе опредѣленную военно-дипломатическую комбинацію. Въ мартѣ 1914 года онъ писалъ Извольскому: «считаю долгомъ сказать вамъ, что дальнѣйшее укрѣпленіе и развитіе такъ называемаго «Тройственнаго Согласія» и по возможности превращеніе его въ новый Тройственный Союзъ представляется мнѣ насущной задачей». И въ этомъ отношеніи и онъ, и французскіе министры его времени достигли многаго. Прав-

да, начатые въ 1914 году разговоры о превращенiи согласiя въ союзъ, не были до войны доведены до конца, какъ не была осуществлена другая мысль Сазонова, выдвинутая имъ въ началѣ iюля 1915 г., объ актѣ взаимной гарантiи азiатскихъ владѣнiй между Росiей, Англiей и Японiей. Но это превращенiе «Согласiя» въ «Союзъ» совершилось какъ нѣчто почти само собой разумѣющееся въ первые же дни европейскаго конфликта.

Какъ ни могущественна была политическая комбинацiя, на которую опирался Сазоновъ въ Европѣ, какъ ни настойчиво всѣ ея участники вѣрили въ ея чисто оборонительный и мирный характеръ, все же, въ годы министерства Сазонова, опять таки, какъ неизбѣжное развитiе сложившейся до него обстановки, Россiя, не оборачиваясь, шла къ огромному вооруженному столкновенiю. Его источникомъ не могли не быть Балканы. Съ тѣхъ поръ, какъ австро-русское соглашенiе перестало существовать и, при царившихъ и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ настроенiяхъ, не могло быть возстановлено, катастрофа на Балканахъ сдѣлалась ежедневной опасностью. Сазоновъ ее чувствовалъ, какъ всѣ политическiе люди Европы въ тѣ годы, но онъ не могъ отречься отъ той дѣятельной политики, которой требовало русское общественное мнѣнiе, не могъ «замораживать» балканскiе вопросы, какъ дѣлали русскiе министры иностранныхъ дѣлъ, начиная съ Н. К. Гирса и кончая графомъ В. Н. Ламздорфомъ. Понятно, при этихъ заданiяхъ, его отношенiе къ тому рѣшительному повороту въ развитiи балканской борьбы, какимъ былъ балканскiй союзъ 1912 г. Въ своихъ воспоминанiяхъ одинъ изъ родоначальниковъ этого союза, болгарскiй первый министръ Гешовъ, открыто сознается, что одной изъ основныхъ задачъ балканскаго союза было связать Россiю съ наступательной программой балканскихъ государствъ. Сазоновъ — можно думать, не вполнѣ отдавая себѣ отчета въ послѣдствiяхъ,

— далъ себя связать своимъ благословеніемъ этого союза. И не напрасно Пуанкаре, отъ котораго довольно долго скрывалось заключеніе союза, съ такой тревогой отнесся къ полученному имъ извѣстію о принятомъ Сазоновымъ рѣшеніи. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, съ момента, когда балканскіе союзники объявили войну Турціи, на Балканахъ открылась глубокая трещина, повлекшая за собой европейскую катастрофу.

Фатально было въ ней то, что война, которая по существу дѣла для Россіи была столкновеніемъ съ Австро-Венгріей изъ-за легкомысленной авантюры неумнаго Берхтольда въ Сербіи и изъ-за границъ политическаго вліянія Габсбурговъ въ западной части балканскаго полуострова, при существованіи могущественныхъ европейскихъ комбинацій, которымъ служилъ Сазоновъ, превращалась въ войну съ Германіей, — политически и идеологически. Когда русскій военный агентъ пришелъ къ французскому военному министру передъ началомъ военныхъ дѣйствій, тотъ сказалъ ему, что, какъ надѣется Франція, Россія ограничится наименьшимъ усиліемъ противъ Австріи, а сосредоточитъ всѣ свои силы противъ Германіи. Слова эти были символическимъ итогомъ политики С. Д. Сазонова.

МЕМУАРЫ БАРОНА М. А. ТАУБЕ

Бар. М. А. Таубе написалъ большую книгу, которую онъ назвалъ своими мемуарами и происхожденіе которой онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ въ своемъ предисловіи *). Онъ говоритъ, что, созерцая, какъ за годы послѣ войны всѣ герои ушедшей эпохи наперерывъ издавали свои воспоминанія, онъ долго крѣпился, но подъ конецъ не выдержалъ и соблазнился ихъ примѣромъ. Но онъ не хочетъ идти по путямъ своихъ предшественниковъ. Всѣ крупные дѣятели субъективны въ своихъ писаніяхъ. Авторъ же сидѣлъ лишь во второмъ ряду креселъ русской министерской ложи и могъ быть поэтому объективнымъ зрителемъ. Кромѣ того, его прошлое профессора, сенатора и международнаго судьи пріучило его къ документальному и безпартійному изслѣдованію. Читатель, такимъ образомъ, предупрежденъ. Авторъ разскажетъ намъ, что онъ самъ видѣлъ изъ второго ряда креселъ, и добавитъ результаты документальнаго изслѣдованія о томъ, чего оттуда не было видно.

---

*) La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des Tsars (1904-1917). Mémoires du Baron M. de Taube. Paris 1928.

Я не возражаю противъ такой переслойки, хотя не могу не отмѣтить, что слои личныхъ воспоминаній автора получаютъ при такомъ изготовленіи книги нѣкоторый привкусъ отъ слоевъ его ученаго изысканія, а слои ученаго изысканія — нѣкоторый, пожалуй, еще большій привкусъ отъ слоевъ личныхъ воспоминаній. Мнѣ, въ частности, кажется, что относящіяся къ элементу «личнаго опыта» оцѣнки людей въ разсказѣ автора, оцѣнки, почти безъ исключенія, по меньшей мѣрѣ суровыя, нѣсколько отражаются на вкусѣ элемента «историческаго изысканія». Въ этомъ отношеніи книга барона Таубе нѣсколько напоминаетъ мемуары графа Витте: тотъ тоже не пощадилъ ни одного изъ своихъ современниковъ. Я бы сказалъ, что источникъ обоихъ настроеній общій. Чиновничій и сановный Петербургъ привычно бранилъ всѣхъ и вся и развѣнчивалъ всякую репутацію. Тутъ былъ элементъ дурной привычки и былъ элементъ неумѣнія цѣнить работу стараго государственнаго аппарата. Управлять Россіей было и легко, и въ то же время весьма трудно. Въ частности, огромныя препятствія лежали на пути успѣшнаго веденія русской внѣшней политики. Мы обладали, въ одно и то же время, и великодержавной требовательностью, и малымъ умѣніемъ согласовать внѣшнія цѣли и внутреннія средства, и совершенно недостаточной подготовленностью общеправительственнаго и общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ дипломатическихъ. Если, вопреки всѣмъ этимъ нехваткамъ, русскіе министры иностранныхъ дѣлъ умѣли достигать порой блестящихъ результатовъ, то это безспорно свидѣтельствовало о ихъ личномъ талантѣ или, по крайней мѣрѣ, о ихъ личной годности.

Изъ книги барона Таубе, стремящейся, если брать ея заглавіе, описать и объяснить «русскую политику передъ войной и конецъ царской имперіи», я хотѣлъ бы взять наиболѣе существенные выводы. Надо отдать полную справедливость

автору. Онъ не боится ставить вопросы прямо и безъ обиняковъ и смѣло заявляетъ свои отвѣты, пользуясь для ихъ построенія той смѣшанной методой воспоминаній и изслѣдованій, о которой я уже сказалъ, — отвѣты, которые часто очень далеки отъ привычныхъ и общеустановленныхъ, и тѣмъ болѣе интересны. Очень суммарно сводя воедино основныя мысли его работы, можно было бы сказать, что онъ считаетъ всю исторію русской дипломатіи на пространствѣ пятнадцати лѣтъ передъ революціей цѣпью коренныхъ ошибокъ, вызванныхъ фатальнымъ преемствомъ на посту русскаго министра иностранныхъ дѣлъ трехъ совершенно неумѣлыхъ людей, графа В. Н. Ламздорфа, А. П. Извольскаго и С. Д. Сазонова. Въ глазахъ автора неизбѣжнымъ исходомъ нагроможденія ихъ ошибокъ была война и революція, тотъ «конецъ царской имперіи», о которомъ сказано въ заглавіи книги. При такой схемѣ нѣсколько сложно построенная книга бар. М. А. Таубе оказывается въ конечномъ счетѣ обвинительнымъ актомъ въ четыреста печатныхъ страницъ по адресу внѣшней политики имперіи: только прокуроръ сочетаетъ здѣсь въ своемъ лицѣ и свидѣтеля, и слѣдователя.

Я лично не раздѣляю ряда существеннѣйшихъ деталей въ аргументаціи автора и ея основного отрицательнаго вывода. Я считаю неоправдываемымъ упрощеніемъ смысла событій русской новѣйшей исторіи тенденцію автора доказывать, будто внѣшняя политика привела насъ къ паденію историческаго режима Россіи и будто графъ Ламздорфъ, А. П. Извольскій и С. Д. Сазоновъ, каждый по своему, своими трагическими ошибками попустили случившееся.

Остановимся сначала на составленномъ авторомъ инвентарѣ этихъ коренныхъ ошибокъ русской дипломатіи, беря изъ нихъ тѣ, что кажутся ему особенно наглядными.

Графу Ламздорфу авторъ ставитъ главнѣйшимъ образомъ въ упрекъ, что онъ разрушилъ, съ коварной и двоедуш-

ной помощью графа Витте, русско-германскій договоръ, заключенный въ 1905 году въ Бьерке. Всѣмъ памятенъ этотъ эпизодъ. Во время встрѣчи этого года въ шхерахъ съ имп. Вильгельмомъ, имп. Николай II подписалъ, не спрашивая мнѣнія своего министра иностранныхъ дѣлъ, союзъ съ Германіей, правда, оборонительный, но предвидѣвшій, что только послѣ вступленія его въ дѣйствіе, онъ будетъ сообщенъ Франціи, и послѣдняя приглашена къ нему присоединиться «въ качествѣ союзницы». Бар. М. А. Таубе нѣсколько неожиданнымъ образомъ находитъ теперь, что все было по существу въ порядкѣ въ этомъ квази-договорѣ, скрѣпленномъ не читавшимъ его морскимъ министромъ Бирилевымъ, и актъ не заключалъ въ себѣ никакого противорѣчія съ обязательствами франко-русскаго союза. Долженъ сознаться, что я вполнѣ понимаю ужасъ Ламздорфа, когда ему привезли изъ шхеръ эту импровизацію, такъ же, какъ понимаю всѣ его усилія поскорѣе положить ей конецъ. Даже графъ Витте — котораго нашъ авторъ горько упрекаетъ въ непослѣдовательности, и который дѣйствительно всегда носился съ мыслью о франко-русско-германскомъ сближеніи — сразу понялъ совершенное противорѣчіе акта съ французскимъ союзомъ и помогъ Ламздорфу распутать созданное въ Бьерке совершенно невозможное положеніе. Что бы ни говорилъ бар. Таубе о «неспособности» и «посредственности» графа Ламздорфа, впрочемъ, по его словамъ, «совершеннаго джентльмена изъ древняго рода» (мы увидимъ ниже, что авторъ довольно строгъ и по части генеалогіи), — я склоненъ думать, что весь эпизодъ Бьерке служитъ лишь къ чести министра.

Второй основной упрекъ по адресу графа Ламздорфа въ книгѣ нашего автора заключается въ томъ, что тотъ не понималъ какъ слѣдуетъ, что сближеніе съ Германіей для Россіи было необходимымъ во имя «монархическаго интереса», охраны внутренняго русскаго режима. Въ глазахъ автора Ламз-

дорфъ, впрочемъ, не одинъ повиненъ въ этомъ неумѣніи найти точку опоры для монархическаго режима въ Берлинѣ — ибо, поясняетъ онъ, нельзя же было искать ее въ Парижѣ! Другой виновникъ крушенія старой русско-германской династической формулы — Вильгельмъ II. Сдѣланная имъ въ Бьерке попытка въ этомъ направленіи была запоздалой: ему не слѣдовало разрывать русско-германскаго союза въ 1890 году. Мнѣ кажется, пора оставить — послѣ всего, что сдѣлалъ императоръ Вильгельмъ послѣ паденія русской династіи, — легенду о спасительности его дружбы для русскаго монархическаго порядка. Съ этой точки зрѣнія я съ нѣкоторымъ скептицизмомъ читаю у бар. М. А. Таубе упреки по адресу Ламздорфа за то, что онъ «балансировалъ» между Германіей и Англіей, а не устроилъ, совершенно исключавшейся обстановкой, русско-германской комбинаціи съ участіемъ Франціи.

Но еще хуже стало при Извольскомъ, думаетъ авторъ. Онъ готовъ признать способности преемника графа Ламздорфа, но въ цѣломъ рисуетъ его въ своей книгѣ, какъ нѣкоего пошлаго «сноба». Не безъ содѣйствія русскаго посла въ Лондонѣ графа Бенкендорфа, который въ глазахъ бар. Таубе былъ уже совершенно чуждъ пониманію русскихъ интересовъ и только преклонялся передъ Британской Имперіей и лондонскимъ дворомъ и который къ тому же, какъ обстоятельно доказываетъ авторъ въ одной изъ своихъ выносокъ, происходилъ изъ «скромной бюргерской семьи», — Извольскій былъ, просто на просто, «проведенъ» англичанами и, въ частности, королемъ Эдуардомъ VII. Они обѣщали ему въ Свинемюнде турецкіе проливы, а затѣмъ, когда Извольскій въ періодъ Боснійскаго кризиса сдѣлалъ попытку учесть это обѣщаніе, такового не выполнили, а тѣмъ самымъ, свели на нѣтъ всю политику Извольскаго за время его министерства.

Такова — если сжать длинное повѣствованіе автора — мораль исторіи Извольскаго. Да позволено будетъ попутно отмѣтить чрезвычайную несправедливость характеристики, данной въ книгѣ графу Бенкендорфу. Въ русской дипломатіи въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, былъ рядъ истинно крупныхъ фигуръ, и въ первомъ ряду ихъ стоялъ покойный Бенкендорфъ. Въ нашемъ распоряженіи сейчасъ столько обнародованныхъ русскихъ дипломатическихъ документовъ за указанный періодъ, что дѣятельность Бенкендорфа поддается обозрѣнію и точной оцѣнкѣ. Портретъ, который даетъ авторъ по трафарету, по которому описывался русскій дипломатъ въ книгахъ покойнаго С. С. Татищева и на страницахъ покойнаго «Новаго Времени», совершенно не похожъ. Не менѣе кричащей несправедливостью представляется итогъ, подводимый у бар. Таубе политикѣ А. П. Извольскаго. Трактовать англо-русское соглашеніе, какъ выгодное только Англіи, значитъ, на мой взглядъ, игнорировать всю послѣдующую русскую и европейскую исторію. Въ конечномъ счетѣ подъ такимъ сужденіемъ скрывается легендарная теорія, будто Россія служила слѣпымъ орудіемъ Англіи въ ея борьбѣ съ Германіей, ученый варіантъ приснопамятной остроты военнаго времени, что «Англія будетъ воевать съ Германіей до послѣдней капли... русской крови». Теорія не вѣрна. Она противорѣчитъ всему тому, что намъ извѣстно сейчасъ о происхожденіи міровой войны, а можно смѣло сказать, что сейчасъ намъ извѣстно рѣшительно все по этому предмету. Въ конфликтѣ съ Австріей, — чѣмъ была въ первую очередь міровая война для Россіи, и въ конфликтѣ съ Германіей, чѣмъ она стала во вторую очередь — Англія оказала намъ и всему союзу колоссальныя услуги. Если мы не выдержали войны до конца и если за военными пораженіями послѣдовала «первая» революція, а за «первой» революціей «вторая» — октябрьская, то въ томъ нѣтъ никакой англійской отвѣтст-

венности, чтобы тамъ ни разсказывали кумушки о томъ, какъ ординарнѣйшій и пассивнѣйшій представитель англійскаго «civil service», сэръ Джорджъ Бьюкенэнъ, сѣялъ революціонную смуту въ русскомъ государствѣ и пожиналъ ея плоды. Беру въ союзники моей аргументаціи самого бар. М. А. Таубе. Въ заключительной главѣ своей книгѣ онъ сообщаетъ намъ, что «открылъ семь наиболѣе важныхъ историческихъ причинъ войны». Перечитываю этотъ «букетъ причинъ», какъ онъ выражается. Слово «Англія» появляется только въ одномъ пунктѣ, притомъ только въ «шестой причинѣ» почтеннаго автора.

Но оставимъ Извольскаго и перейдемъ къ Сазонову. Въ отношеніи его бар. М. А. Таубе, пожалуй, еще суровѣе, чѣмъ въ отношеніи его предшественниковъ, но — добавлю — также несправедливъ. Въ чемъ только онъ его не упрекаетъ. И за проектъ тройственнаго соглашенія съ Англіей и Японіей о взаимной охранѣ азіатскихъ владѣній, выдвинутый имъ наканунѣ Великой войны, въ которомъ, да проститъ мнѣ бар. М. А. Таубе, не было ничего безсмысленнаго, и за то, что въ какомъ то засѣданіи совѣта министровъ онъ обнаружилъ непониманіе того, что такое «мирная блокада», и за то, что онъ стремился къ нейтралитету Турціи въ началѣ войны, и за то, что передъ войной онъ думалъ о Проливахъ, а послѣ ея начала слишкомъ поздно поставилъ о нихъ вопросъ, и за то, что его проектъ о Польшѣ 1916 г. былъ «реакціоннымъ», — что совершенно невѣрно, — и за то, что въ редакціи его воспоминаній много неточностей, и т. д., и т. д.! Изъ всего этого не выкроишь исторической оцѣнки въ настоящемъ значеніи этого слова. Она гораздо сложнѣе той, которую построилъ нашъ авторъ.

Но все же не Сазоновъ — главный обвиняемый въ прокурорскомъ актѣ бар. М. А. Таубе. Таковымъ, въ его глазахъ,

является Извольскій. И авторъ кончаетъ свою книгу будто бы аутентичнымъ разсказомъ, какъ Извольскій въ салонѣ «Графини К.» заявилъ хозяйкѣ, нѣсколько дней спустя послѣ начала войны: «Поздравьте меня, сударыня, моя маленькая война началась». Признаться, я не склоненъ вѣрить подлинности разсказа. Но неужели бар. М. А. Таубе, изъ своихъ наблюденій «во второмъ ряду русской министерской ложи» и путемъ своихъ методовъ «профессора, сенатора и международнаго судьи въ Гаагѣ» извлекъ только этотъ, нѣсколько тощій выводъ, будто Великая война была «войной Извольскаго»?

И. Я. КОРОСТОВЕЦЪ ВЪ МОНГОЛИИ

Созданіе Монголіи — одно изъ крупныхъ дипломатическихъ достиженій императорской Россіи. Прочность его доказана событіями. Въ курьезномъ обличьи совѣтизированной Монгольской «народной республики» до сихъ поръ остается неприкосновеннымъ то построеніе, которое, именемъ «Бѣлаго Царя», создалъ И. Я. Коростовецъ во время исторической миссіи въ Монголію въ 1912-1913 г. г.

Послѣ русско-японской войны дальневосточныя дѣла были въ загонѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Проливы, Балканы, англійскій союзъ, «возвращеніе въ Европу» составили основное содержаніе русской политики, послѣ того, какъ А. П. Извольскій ликвидировалъ дальневосточную эпопею предшествующаго десятилѣтія своимъ умѣлымъ размежеваніемъ съ Японіей. И. Я. Коростовецъ вспоминаетъ въ своей книгѣ*) тотъ первый разговоръ о Монголіи, который онъ

---

*) Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit. Von I. J. Korostovetz. Berlin und Leipzig, 1926.

имѣлъ съ С. Д. Сазоновымъ по возвращеніи своемъ изъ Китая, гдѣ онъ былъ передъ тѣмъ посланникомъ. Министръ сказалъ ему, что монголы, вопреки своему стремленію освободиться изъ подъ власти Китая, не способны ни къ какому самоуправленію и завариваютъ кашу, которую расхлебывать придется Россіи. Онъ противъ аннексій Россіи въ Азіи, способныхъ лишь ослабить ея положеніе въ Европѣ. Русскіе интересы на Балканахъ и Проливахъ, а не на Енисеѣ и Черномъ Иртышѣ. Она должна быть европейской, а не азіатской великой державой.

Вопреки этимъ настроеніямъ, въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ была школа людей, для которыхъ Енисей и Черный Иртышъ оставались областью русскихъ политическихъ интересовъ, и которые продолжали думать, что Россія — государство также и въ Азіи. Русскій государственный аппаратъ былъ къ началу XX-го вѣка настолько окрѣпшимъ, что политическая традиція Ермака Тимофеевича и Муравьева-Амурскаго не зависѣла больше отъ смѣны настроеній верховъ петербургскаго центра. Въ первыхъ рядахъ этой школы стояли передъ войной И. Я. Коростовецъ и покойный начальникъ дальневосточнаго отдѣла Г. А. Козаковъ. Имъ вмѣстѣ принадлежитъ честь осуществленія того крупнаго историческаго дѣла, о которомъ я хочу напомнить; каждый изъ нихъ вложилъ свое въ созданіе Монгольскаго государства, первый — находчивость, темпераментъ и духъ смѣлаго почина, второй — настойчивую выдержку и суровое чувство мѣры. Въ результатѣ этого сотрудничества — въ которомъ такъ естественно, одинъ часто досадовалъ на другого, но которое, по существу дѣла, было особенно счастливымъ — въ Монголіи было сдѣлано то, что требовалось, не больше и не меньше того, что оправдывалось общей и мѣстной политической обстановкой.

Вслѣдъ за паденіемъ маньчжурской династіи въ Пекинѣ, группировавшейся вокругъ Халки, какъ политическаго и религіознаго центра, монголы «Внѣшней Монголіи» выгнали китайскаго губернатора и провозгласили свою независимость, утверждая, что ихъ подчиненность Китаю была династической и что они не обязаны таковымъ китайской республикѣ. Въ отдаленныхъ глухихъ углахъ долинъ и степей, населенныхъ потомками Чингизъ-Хана и Батыя, умѣли ненавидѣть китайцевъ, но не очень хорошо знали, какъ быть дальше съ провозглашенной независимостью. Единственное, на что они расчитывали, была русская помощь. Хутухта и князья уже ранѣе посылали пословъ въ Петербургъ съ жалобами на китайцевъ, но ихъ миссія встрѣчена была довольно равнодушно, и Петербургъ обнаружилъ мало желанія ссориться изъ-за монголъ съ Китаемъ. Вслѣдъ за провозглашеніемъ независимости, монголы снова обратились къ Россіи. На этотъ разъ уклоняться было трудно, и, зрѣло обдумавъ положеніе, осторожный Козаковъ редактировалъ правительственное сообщеніе, въ которомъ было заявлено, что русское правительство готово оказать свое «посредничество» въ улаженіи китайско-монгольской распри. Правительственное сообщеніе ни словомъ не упоминало о независимости Монголіи, оно даже не произносило термина монгольской «автономіи», которымъ стали оперировать позднѣе, но оно все же ставило монгольскій вопросъ, какъ вопросъ международный. А такая постановка обязывала къ большой активности. Признакомъ измѣнившихся настроеній была помѣта Государя на одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ министра иностранныхъ дѣлъ, гдѣ говорилось о необходимости спокойно наблюдать за развитіемъ монгольскихъ событій: «Спокойно наблюдать — да, но не пропустить минуты». Результатомъ созрѣвшаго рѣшенія положить конецъ китайскому полити-

ческому контролю надъ Монголіей и была миссія И. Я. Коростовца въ Халку.

Принимая И. Я. Коростовца передъ его отъѣздомъ, С. Д. Сазоновъ спросилъ его, что онъ намѣренъ сдѣлать, чтобы завоевать симпатіи монголъ къ Россіи, казавшіяся министру сомнительными. Тотъ отвѣтилъ, что надѣется убѣдить монголъ въ обоюдной выгодности соглашенія. Задача была не легкой. «Представители монгольскаго правительства, съ которыми я долженъ былъ вести переговоры, — разсказываетъ И. Я. Коростовецъ о своей встрѣчѣ съ монгольскими министрами, — принадлежали по виду къ болѣе интеллигентнымъ кругамъ. Ихъ скуластыя темныя лица съ узкими глазами выражали напряженное вниманіе и любопытство, какъ будто передъ ними стоялъ фокусникъ, показывающій имъ свои фокусы. Разговоръ съ этими дѣтьми природы надо было вести возможно проще и понятнѣе, безъ дипломатическихъ тонкостей, чтобы подѣйствовать на ихъ здравый смыслъ». Но среди этихъ «дѣтей природы» было нѣсколько и такихъ, которые, опираясь на помощь бурятскихъ интеллигентовъ, вкусили начатковъ дипломатической и международноправовой терминологіи и умѣли уже облекать въ общія формулы народныя пожеланія. По курсу международнаго права Блюнчли, кѣмъ-то завезенному въ Ургу, самый энергичный изъ монгольскихъ негоціаторовъ Да Лама, требовалъ отъ Коростовца, чтобы въ результатѣ переговоровъ Монголія получила «монарха, территорію и населеніе», ибо иначе, утверждалъ онъ, она не будетъ государствомъ. Монголія должна стать независимой, и всѣ монгольскія земли, въ томъ числѣ занятая китайцами Внутренняя Монголія, примыкавшая къ Китайской Восточной желѣзной дорогѣ и Маньчжуріи, должны быть объединены подъ властью Хутухты. Максимализмъ монгольскихъ требованій, не желавшихъ довольствоваться предлагавшейся имъ Коростовцомъ автономіей и ми-

риться съ сохраненіемъ номинальной власти Китая и ограниченіемъ территоріи фактически независимыми областями Внѣшней Монголіи, былъ непріемлемъ для русской дипломатіи. Инструкціи И. Я. Коростовца опирались на ту основную мысль, что образованіе монгольскаго государства съ русской помощью, выгодное Россіи и освобождавшее ее на тысячи верстъ отъ сосѣдства Китая, не должно было возложить на нее бремя остраго конфликта съ Пекиномъ и, тѣмъ болѣе, какихъ либо актовъ наступательнаго содержанія ради освобожденія управлявшихся китайцами монголъ Внутренней Монголіи. Соблазнъ согласиться на монгольскія требованія и устроить монгольскую независимость по Блюнчли могъ быть большимъ, и монголы не прочь были шантажировать Россію угрозой отказа отъ переговоровъ и сближенія съ Китаемъ. Но И. Я. Коростовецъ и руководившій изъ Петербурга его переговорами Г. А. Козаковъ выдержали характеръ. Неуклонно и настойчиво убѣждалъ Коростовецъ своихъ собесѣдниковъ въ цѣлесообразности предложенныхъ имъ условій. Вокругъ Хутухты шла настойчивая борьба между защитниками сближенія съ Россіей и группой монголъ, думавшихъ лучше разрѣшить вопросъ о монгольской независимости посредствомъ сближенія съ Китаемъ. Въ концѣ концовъ, И. Я. Коростовецъ одолѣлъ, и соглашеніе было принято. Подписаніе договора было назначено на 21 октября 1912 г. Долго не являлись монголы въ генеральное консульство, гдѣ ждалъ ихъ Коростовецъ. Наконецъ, позднимъ вечеромъ князья появились. Оказалось, что былъ запрошенъ придворный астрологъ, какой часъ наиболѣе благопріятенъ для подписанія, и онъ далъ совѣтъ выбрать конецъ дня. Монголы были серьезны, они внимательно прислушивались къ объясненію того, какъ подписываются международные договоры, и тщательнымъ образомъ тушью вывели свои имена подъ приготовленнымъ актомъ.

Договоръ И. Я. Коростовца сыгралъ рѣшающую роль въ процессѣ образованія Монголіи. В. Н. Крупенскій въ 1913 г. подтвердилъ основы соглашенія въ договорѣ съ Китаемъ, а А. Я. Миллеръ добился ихъ окончательнаго закрѣпленія въ Кяхтинскомъ тройномъ русско-китайско-монгольскомъ актѣ 1915 г. На русской границѣ, отъ Алтая до Маньчжуріи, мѣсто Китая заняли Монголы, все будущее которыхъ, политическое и культурное, было въ рукахъ Россіи. Цѣль была достигнута безъ рѣзкихъ и непоправимыхъ конфликтовъ, безшумно и внѣ всякаго намека на политическую авантюру. Достаточно сопоставить исторію договора 1912 г. съ тѣмъ, что творилось на Дальнемъ Востокѣ импровизированной дипломатіей Алексѣева и Абазы, передъ русско-японской войной, чтобы оцѣнить ту подлинную политическую школу стараго русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, представителями которой были Коростовецъ и Козаковъ.

Я склоненъ цѣнить въ этомъ эпизодѣ русской дипломатической исторіи императорскаго періода не одну дипломатическую технику, какъ бы совершенна она ни была. Въ образованіи русскимъ усиліемъ автономной Монголіи лежитъ нѣчто большее. Я сказалъ бы — русская политика здѣсь имѣла какъ бы имманентное оправданіе. Россіи принадлежала въ этихъ глухихъ дебряхъ Азіи миссія высокаго историческаго порядка. Она несла съ собой въ аймаки монгольскихъ князей свѣтъ европейской культуры. Да послужитъ маленькій эпизодъ, взятый изъ книги Коростовца, иллюстраціей такой «оправданности» русской политики въ Монголіи. Въ началѣ 1913 г., до своего отъѣзда изъ Урги, И. Я. Коростовецъ организовалъ изданіе первой на монгольскомъ языкѣ газеты. Избранный имъ редакторъ, бурятъ Джамсарановъ, назвалъ ее «Сине-Толи», «Новое Зеркало», ибо она должна изображать монгольскую жизнь. Первый вышедшій

номеръ произвелъ сенсацію: онъ былъ немедленно раскупленъ монголами и тотчасъ понадобилось второе изданіе. Номеръ продавался по 10 копѣекъ и содержалъ слѣдующія статьи: о земномъ шарѣ, частяхъ свѣта, теплѣ, холодѣ, вѣтрѣ, атмосферѣ, молніи и громѣ. О государствахъ на землѣ и ихъ формѣ правленія. О бродячемъ и осѣдломъ образѣ жизни. О русско-монгольскомъ договорѣ и т. д. Появленіе изданія вызвало волненіе въ монгольскихъ монастыряхъ, увидѣвшихъ въ его географическихъ воззрѣніяхъ прямое покушеніе на религію. Безпокоила особенно статья о томъ, что земля кругла, ибо Буддистская догма учила, что она плоска; объясненіе происхожденія грома казалось не менѣе еретическимъ. Ламы принесли жалобу Хутухтѣ, горько жалуясь, что ихъ авторитетъ подрывается редакторомъ «Новаго Зеркала». — «Я долженъ былъ — пишетъ Коростовецъ — умѣрить реформаторскую энергію Джамсаранова, ибо ни въ какой мѣрѣ не имѣлъ въ виду возбуждать противъ себя могущественную касту».

Изъ исторіи великой войны

ЦѢЛИ И РЕАЛЬНОСТИ ВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ

Въ серіи книгъ по исторіи Великой войны, издаваемыхъ Пайо, появилось недавно два тома русскихъ «секретныхъ», какъ они названы въ заглавіяхъ обоихъ сборниковъ, документовъ этого періода*). Сборники эти гораздо доступнѣе тѣхъ совѣтскихъ изданій, изъ которыхъ извлеченъ ихъ матеріалъ, и прочтутся съ величайшимъ интересомъ. Несмотря на то, что матеріалъ обоихъ носитъ нѣсколько эпизодическій характеръ и не даетъ цѣлостной картины того, что происходило въ Россіи въ годы передъ революціей, — все же онъ освѣщаетъ рядъ важнѣйшихъ въ русской дипломатической и общей исторіи событій и даетъ полное основаніе къ тому, чтобы еще разъ передумать многія явленія большой важности, изъ которыхъ складывалась русская жизнь того времени.

Мнѣ хотѣлось бы остановиться, по поводу чтенія двухъ

*) Documents diplomatiques secrets russes 1914-1917, d'après les archives du Ministère des affaires etrangères à Petrograd. Trad. J. Polonsky, 1928; Archives secrètes de l'Empereur Nicolas II. Traduit du russe et annoté par Vladimir Lazarevski, 1928.

указанныхъ сборниковъ, на тѣхъ видоизмѣненiяхъ, которыя по ходу Великой войны претерпѣвали задачи и цѣли русскаго правительства и русскаго общественнаго мнѣнiя въ огромной борьбѣ, въ которую была вовлечена Россiя въ результатѣ дѣйствiя множества большихъ и малыхъ политическихъ причинъ.

Политику и гражданину въ каждой изъ воюющихъ странъ, въ каждый данный моментъ войны, вѣроятно, казалось, что ему совершенно ясно, ради чего его страна ведетъ войну. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ ничто не было болѣе подвижнымъ и измѣнчивымъ, чѣмъ именно эти цѣли. Политически болѣе зрѣлыя страны, съ лучше воспитаннымъ общественнымъ мнѣнiемъ, умѣли правда облекать то, что онѣ искали, въ формулы болѣе отвлеченныя, и, тѣмъ самымъ, болѣе гибкiя. Страны съ худшей политической школой говорили языкомъ болѣе конкретнымъ. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ, сопоставляя какъ расшифровки отвлеченныхъ формулъ, такъ и формулы конкретныя, за разные перiоды исторiи Великой войны, наблюдаешь колебанiя и нащупыванiя, восполненiя и сокращенiя, которыя позволяютъ, вѣроятно, сказать, что самымъ неустойчивымъ въ Великой войнѣ — гдѣ все было неустойчиво — были цѣли воюющихъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, выводъ изъ русскихъ документовъ.

Начнемъ съ начала. Въ одномъ изъ двухъ сборниковъ напечатана извѣстная дневная запись бар. М. Ф. Шиллинга за дни, предшествовавшiе войнѣ. Какъ извѣстно, это — одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ по исторiи ея происхожденiя. Директоръ Канцелярiи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ближайшiй сотрудникъ и другъ С. Д. Сазонова, записывалъ ежедневно, часъ за часомъ, все, что дѣлалось въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ русскомъ правительствѣ вообще. Что съ полной, насъ поражающей сейчасъ, ясностью вытекаетъ изъ этой записи, — это то обстоятельство,

что міровой конфликтъ родился исключительно, какъ конфликтъ Россіи съ Австро-Венгріей, какъ русское рѣшеніе воевать изъ-за независимости Сербіи и равновѣсія на Балканахъ, внѣ всякой цѣли борьбы съ Германіей. Никакихъ задачъ, направленныхъ противъ Германіи, ни въ порядкѣ обороны, ни въ порядкѣ наступленія, нѣтъ и слѣда. А между тѣмъ, когда событія, цѣпляясь одно за другое, съ трагической быстротой и внѣ всякихъ сознательныхъ расчетовъ и сознательныхъ цѣлей, сдѣлали изъ балканскаго конфликта конфликтъ міровой, этотъ послѣдній сразу же и неизбѣжно перекроилъ ставившуюся ранѣе, сравнительно малую, задачу. Война съ Германіей, навязанная событіями, немедленно родила новыя цѣли, цѣли обороны отъ Германіи и наступленія на Германію, обороны и наступленія не военныхъ только, но и политическихъ. Случилось, такимъ образомъ, что не новая задача дала рожденіе новому факту, но новый фактъ далъ рожденіе новой цѣли, не цѣль борьбы съ Германіей привела къ войнѣ съ ней, а война заставила искать эту цѣль. Это положеніе можетъ казаться историческимъ парадоксомъ, опрокидывающимъ всѣ законы соціологіи, но оно исторически безспорно. Только игнорированіе его объясняетъ, почему мы до сихъ поръ путаемся въ пресловутомъ спорѣ объ отвѣтственности за войну. Нѣмцы говорятъ, что мы сознательно вызвали войну, ибо произвели всеобщую мобилизацію. Но достаточно прочесть въ дневникѣ Шиллинга описаніе завтрака въ отдѣльномъ кабинетѣ у Донона передъ выѣздомъ Сазонова въ Петергофъ, когда ему удалось добиться согласія Государя на всеобщую мобилизацію, завтрака, въ которомъ принимали участіе Кривошеинъ, Сазоновъ и бар. Шиллингъ, и на которомъ было принято окончательное рѣшеніе настаивать на этой мобилизаціи, — чтобы съ очевидностью установить, что ни одинъ изъ трехъ присутствующихъ, принимая отвѣтственное рѣшеніе, не руково-

дился цѣлью воевать съ Германіей, и что для каждаго изъ нихъ вопросъ о мобилизаціи ставился, какъ вопросъ обороны въ чистомъ видѣ, какъ созданныя событіями необходимость и неизбѣжность.

Война съ Германіей создала цѣли этой войны. Естественно, въ первую очередь сталъ вопросъ о Польшѣ, и должны были сложиться задачи Россіи въ этомъ вопросѣ. Я убѣжденъ, что за всѣ тринадцать дней, которые раздѣляли миръ отъ войны, ни одному человѣку въ Россіи мысль о русско-германскомъ разграниченіи на польской территоріи не приходила въ голову. А, между тѣмъ, именно на почвѣ польскаго вопроса приходилось въ первую очередь рѣшать, для чего мы воюемъ. Рядъ русскихъ министровъ и нѣкоторая часть русскаго общественнаго мнѣнія продолжали и во время войны думать, что цѣли войны съ Германіей ни въ малѣйшей степени не затрагивали польскаго вопроса, и что сложившіеся въ результатѣ 1863 г. порядки представляютъ конечное слово русской политической мудрости. Характернымъ выраженіемъ этой точки зрѣнія является напечатанная въ одномъ изъ разбираемыхъ сборниковъ всеподданнѣйшая записка Штюрмера, отъ 25 мая 1916 года, которая сыграла рѣшающую роль въ эпизодѣ отставки С. Д. Сазонова. Ея смыслъ въ томъ, что, несмотря на войну съ Германіей, нѣтъ польскаго вопроса. Записка зловредна, какъ все, что исходило отъ Штюрмера: неужели, разсуждаетъ онъ, союзники не цѣнятъ военныхъ усилій Россіи и навязываютъ намъ международное рѣшеніе польскаго дѣла; нельзя отказываться отъ требованій реальной политики подъ вліяніемъ нервности поляковъ. Доводы, до нельзя упрощавшіе проблему, были расчитаны на то, чтобы подѣйствовать на Императора и несомнѣнно дѣйствовали. Но въ тѣхъ русскихъ кругахъ, которые были способны къ дѣйствительному, а не бутафорскому, «реализму» въ оцѣнкѣ международнаго положенія, и которые понимали,

что сознательное построенiе задачъ борьбы съ Германiей немыслимо внѣ рѣшенiя польскаго вопроса, мысль объ этомъ рѣшенiи, какъ о коренной части военной программы, работала неустанно. Я думаю, что я не нарушу должной скромности, если, будучи составителемъ документа, скажу, что секретная записка С. Д. Сазонова 17 апрѣля 1916 года по польскому вопросу является лучшимъ выраженiемъ польской программы Россiи, какъ части ея программы борьбы съ Германiей. Ея основная мысль такова. Только русско-польское примиренiе на почвѣ признанiя подлинной государственной автономiи за объединеннымъ польскимъ народомъ, но съ сохраненiемъ за Россiей отвѣтственности за судьбы Польши, можетъ создать реальную линiю будущей политической обороны Россiи противъ Германiи, обороны политической, военной и экономической, и установить настоящее русско-германское разграниченiе.

Я далеко не убѣжденъ, что, если бы поставленная такъ задача войны съ Германiей была осуществлена въ мирномъ трактатѣ, намъ удалось бы также успѣшно провести ее въ жизнь въ дѣйствительности русско-польской обстановки. Политическая школа Петербурга и Варшавы не обезпечивала особенно благопрiятныхъ ауспицiй. И, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнiя кристаллизацiи цѣлей войны, записка Сазонова представляетъ существеннѣйшiй интересъ. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, не цѣли рождали факты, а факты рождали цѣли.

Не иначе сложилась и другая, связанная съ войной, политическая задача, которая одну минуту русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ признавалась безспорной и коренной цѣлью всей гигантской борьбы. Я разумѣю вопросъ о Проливахъ. Въ одномъ изъ разсматриваемыхъ сборниковъ напечатаны секретныя телеграммы, которыми обмѣнивался С. Д. Сазоновъ съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ

М. Н. Гирсомъ, въ первые мѣсяцы войны, до вступленія въ нее Турціи. Безъ малѣйшихъ колебаній — и, думаю, безъ малѣйшихъ заднихъ мыслей, — С. Д. Сазоновъ полагалъ купить нейтралитетъ Турціи гарантіей неприкосновенности ея территоріи за подписью Россіи, Франціи и Англіи. Гдѣ-же «коренная» цѣль войны? Ея нѣтъ еще и слѣда. И она складывается даже не въ ту минуту, когда Турція переходитъ въ лагерь враговъ, а многими мѣсяцами позднѣе, опять-таки подъ вліяніемъ фактовъ, а именно задуманной Черчиллемъ военно-морской экспедиціи на Проливахъ. Только въ эту минуту, 4 марта н. ст. 1915 года, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ начала войны и черезъ четыре съ лишнимъ послѣ вступленія въ нее Турціи, С. Д. Сазоновъ выступаетъ съ своимъ мемуаромъ Англіи и Франціи, требующимъ присоединенія Константинополя и его района къ русской государственной территоріи. И по своеобразной иллюзіи онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ признаетъ и называетъ эту задачу осуществленіемъ «вѣковыхъ стремленій» Россіи; забывая о томъ, что только что предлагалъ поставить подпись Россіи подъ актомъ гарантіи оттоманской власти надъ Проливами.

Достаточно этихъ примѣровъ. Если бы, въ свѣтѣ теперь накопленныхъ въ достаточномъ количествѣ документовъ, я продолжилъ этотъ анализъ русской политики военнаго времени и перенесъ затѣмъ мое изслѣдованіе и на другія страны обѣихъ коалицій, я могъ бы найти тысячи подтвержденій сдѣланныхъ выше наблюденій. Исторія не парадъ, на которомъ людскія массы движутся туда, куда имъ сказало идти заботливое и премудрое начальство. Въ ея вѣчномъ хаосѣ приведенныя въ движеніе массы, зачастую, уже находясь въ дорогѣ, начинаютъ думать, куда бы имъ пойти.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ МЕЧТЫ

Давая свое согласіе, въ мартѣ 1915 г., на пріобрѣтеніе Проливовъ Россіей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ выразился, что рѣчь шла «о наиболѣе цѣнномъ пріобрѣтеніи всей войны». И въ самомъ дѣлѣ, если бы переходъ совершился, онъ былъ бы исторически наиболѣе яркимъ территоріальнымъ измѣненіемъ, войною вызваннымъ, ибо не было во всей Европѣ другой территоріи, съ которой связано было столько грандіозныхъ историческихъ воспоминаній.

Мы можемъ сейчасъ довольно точно установить, какъ въ исторіи русской внѣшней политики народилось стремленіе установить русскій политическій контроль надъ проливами. Оно возникаетъ на перепутьѣ между японской войной и переходомъ къ дѣятельной политикѣ на Балканахъ и связано съ именемъ А. П. Извольскаго. Извольскій излагаетъ такъ въ одномъ большомъ секретномъ совѣщаніи начала 1908 г. основы своей политики: «Графъ Ламздорфъ держался въ отношеніи балканскихъ дѣлъ охранительной политики: онъ стремился сдерживать Болгарію и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ соглашеніе съ Австріей; такая политика носитъ чисто отрицательный характеръ, она неспособна привести къ благопріятному,

съ точки зрѣнія русскихъ историческихъ интересовъ, разрѣшенію балканскихъ вопросовъ, но зато имѣетъ одно преимущество — способствуетъ замораживанію этихъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ это не политика серьезныхъ успѣховъ на пути къ основнымъ цѣлямъ, нами преслѣдуемымъ».

Итакъ, довольно «замораживать» вопросы на Балканахъ, и пора перейти къ «политикѣ серьезныхъ успѣховъ». Вопросъ о проливахъ былъ, какъ извѣстно, «замороженъ» въ формулѣ Лондонскаго договора 1871 г.: закрытіе ихъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Рѣшеніе это было результатомъ сложнѣйшей цѣпи актовъ дипломатической и военной борьбы, длившейся сто лѣтъ. Оно выражало собой нѣкоторое равновѣсіе между наличными интересами Турціи, Россіи и западныхъ государствъ. Какъ всякій компромиссъ, рѣшеніе это было и хорошо, и дурно съ точки зрѣнія каждой изъ сторонъ. Практическій его итогъ для Россіи сводился къ тому, что Черное море было закрыто для чужихъ военныхъ флотовъ, а русскій военный флотъ былъ иммобилизованъ въ его водахъ. Формула имѣла несомнѣнныя «оборонительныя» качества и столь же несомнѣнные «наступательные» недостатки. Извольскій сдѣлалъ попытку противопоставить ей «русскіе историческіе интересы», усматривая ихъ въ возвратѣ къ Ункіаръ-Искелесскому договору Императора Николая Павловича съ султаномъ Махмудомъ II 1833 г. По прочно установившейся въ Россіи, но ни на чемъ не основанной легендѣ, этотъ договоръ устанавливалъ право прохода военныхъ русскихъ судовъ черезъ Проливы съ одновременнымъ запретомъ входа въ нихъ судовъ какихъ-либо иностранныхъ государствъ. Эта историческая легенда — въ дѣйствительности, право прохода русскихъ военныхъ судовъ установлено не было — превратилась у Извольскаго въ практическую программу. Онъ воспользовался тѣмъ, что Эренталь осенью 1908 года захотѣлъ оформить положеніе Австро-Венгріи

въ Босніи - Герцеговинѣ и, намѣчая русскія компенсаціи за согласіе на присоединеніе, выдвинулъ, въ числѣ другихъ условій, измѣненіе договорной хартіи Проливовъ въ смыслѣ открытія ихъ для русскихъ военныхъ судовъ, съ сохраненіемъ закрытія для другихъ. Плачевный неуспѣхъ Извольскаго всѣмъ памятенъ: Эренталь далъ согласіе на «компенсаціи», но ни изъ одной изъ нихъ ничего не вышло. Извольскій хотѣлъ подарить Болгаріи независимость, а Эренталь предупредилъ болгаръ, и они провозгласили свою независимость сами; Извольскій поѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, чтобы добиться согласія на открытіе проливовъ, а англійское правительство ему отказало въ немъ, говоря, что полное открытіе Проливовъ было бы пріемлемо, но одностороннее въ пользу Россіи не будетъ понято англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Будущая формула полной свободы Проливовъ Лозаннскаго договора 1924 г. уже вырисовывалась въ этомъ отвѣтѣ, и Керзонъ въ 1923 году идетъ по путямъ Грея 1908 г. Но неудача Извольскаго не заставила русскую дипломатическую канцелярію вернуться къ доброй и старой политикѣ «замораживанія». Въ 1911 г. замѣнявшій больного С. Д. Сазонова А. А. Нератовъ возобновилъ переговоры на ту же тему въ первую очередь съ турками. Русскій посолъ Чарыковъ передалъ Портѣ проектъ, но изъ него ничего не вышло. Чарыковъ былъ человѣкомъ усерднымъ, полнымъ мыслей и темперамента, но не способнымъ оріентироваться и чувствовать мѣру вещей. Осторожный Нератовъ помышлялъ скорѣе о развѣдкѣ, чѣмъ о формальной постановкѣ вопроса, и появленіе на свѣтъ Божій усердіемъ Чарыкова новаго Ункіаръ-Искелесси шло дальше его намѣреній. И во всякомъ случаѣ гораздо дальше намѣреній выздоровѣвшаго къ тому времени С. Д. Сазонова. Двумя послѣдовательными телеграммами съ дороги въ Петербургъ онъ предписалъ начисто прекратить дальнѣйшіе переговоры.

Нельзя не сказать, что формулы Извольскаго и Нератова-Чарыкова, когда о нихъ сейчасъ думаешь, вызываютъ не мало недоумѣній. Почему считалось столь выгоднымъ, чтобы весьма слабый русскій флотъ Чернаго моря могъ выходить за предѣлы своей естественной линіи обороны? Вѣдь, въ Архипелагѣ и въ Средиземномъ морѣ онъ встрѣтилъ бы флоты, съ которыми онъ ни при какихъ условіяхъ не могъ тягаться. И почему этотъ выходъ становился такимъ желаннымъ именно въ 1908 или 1911 гг.? Совершенно понятно скептическое отношеніе Сазонова къ своевременности и разумности такой дипломатической кампаніи. Сазоновъ былъ человѣкомъ русской дипломатической традиціи, и прежняя аксіома «замораживанія» вопроса о Проливахъ была ему въ то время такъ же понятна, какъ его предшественникамъ.

Естественно, при такихъ условіяхъ, что въ началѣ великой войны остававшійся во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ не только не выдвинулъ на первый планъ вопроса о Проливахъ, но былъ готовъ сознательно его отсрочить на долгое время. Трудностей было и безъ того достаточно, и надо было во что бы то ни стало избѣжать новыхъ. Отсюда совершенно искреннее, лишенное какихъ либо заднихъ мыслей, стремленіе удержать Турцію въ рамкахъ нейтралитета цѣной гарантіи ея территоріальной неприкосновенности. Отсюда же полная невыясненность воззрѣній самыхъ авторитетныхъ членовъ русскаго правительства на желательный вообще режимъ проливовъ въ будущемъ, царившая въ началѣ войны. Въ сборникѣ Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ Дѣлъ *) напечатаны въ довольно боль-

*) Константинополь и Проливы, по секретнымъ документамъ б. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Изданіе НКИД, Москва, 1925-1926.

шомъ числѣ дѣлавшіяся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ перлюстраціи и дешифровки секретныхъ телеграммъ иностранныхъ пословъ, сортъ казенныхъ публикацій довольно безстыдный. Но разъ уже онѣ налицо, я привожу выдержку изъ разобранной телеграммы Палеолога о двухъ его разговорахъ о Проливахъ въ сентябрѣ 1914 года. Кривошеинъ сказалъ ему, что они должны быть свободны, что турки должны уйти въ Азію, а Константинополь стать вольнымъ городомъ. На слѣдующій день Палеологъ разсказалъ этотъ разговоръ Сазонову. Тотъ отвѣтилъ ему, что не согласенъ съ Кривошеинымъ, ибо думаетъ, что турки должны оставаться въ Константинополѣ и окрестностяхъ, но что Россія должна навсегда обезпечить себѣ свободный выходъ изъ Чернаго Моря, а для этого должны быть созданы реальныя гарантіи. Такимъ образомъ, весьма гипотетически Сазоновъ возвращался къ формуламъ Извольскаго.

Только когда турки объявили войну, воззрѣнія Сазонова начинаютъ принимать болѣе рѣшительный характеръ, но его формула долго остается нѣсколько неопредѣленной. Въ концѣ октября 1914 г. онъ говоритъ Бьюкенену, что выступленіе Турціи повлечетъ за собой «окончательное рѣшеніе вопроса о Проливахъ»: это энергично, но совершенно неясно. Первый хронологическій документъ русской оффиціальной переписки за время войны, въ которомъ «окончательное рѣшеніе» выливается въ проектъ территоріальныхъ завоеваній Россіи на Проливахъ, есть маленькое письмецо кн. Г. Н. Трубецкого, тогда начальника ближневосточнаго отдѣла министерства иностранныхъ дѣлъ, къ послу въ Константинополѣ М. Н. Гирсу отъ 7-20 августа 1914 г., въ которомъ, на случай вступленія Турціи въ войну, предвидится завладѣніе укрѣпленными пунктами на обоихъ побережьяхъ у выхода изъ Босфора и у выхода изъ Дарданеллъ, причемъ практически рекомендуется завладѣніе Галлиполійскимъ полу-

островомъ. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно кн. Г. Н. Трубецкому пришлось сыграть рѣшающую роль превращенія первоначально расплывчатой формулы «обезпеченія русскихъ интересовъ на Проливахъ» въ программу завладѣнія зоной проливовъ. Обнародованные въ Москвѣ документы позволяютъ прослѣдить, какъ постепенно мысль Трубецкого обрастаетъ военно - морской технической экспертизой, и какъ вычерчивается карта и статусъ той зоны, которая должна войти въ будущую область Проливовъ подъ территоріальнымъ контролемъ Россіи. Они окончательно намѣчены въ двухъ телеграммахъ Сазонова 13/26 февраля и 17 февраля/2-го марта 1915 г., въ которыхъ впервые оффиціально заявляется русское пожеланіе о присоединеніи. Но любопытна мотивировка этого требованія: присоединеніе необходимо не ради увеличенія русской территоріи, а для реальнаго обезпеченія выхода Россіи въ свободное море. какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Хронологія даетъ возможность съ безспорной доказательностью установить, какъ поддерживавшаяся сначала только отдѣльными выдающимися представителями русской дипломатіи мысль о присоединеніи зоны Проливовъ, превращается въ оффиціальную программу. Нѣтъ сомнѣнія, что своей кристаллизацией эта программа обязана военному плану Черчилля о прорывѣ Дарданеллъ судами англійскаго военнаго флота. Мысль объ этой операціи слагается въ Лондонѣ въ концѣ января. Она по своему существу была произведеніемъ штатской фантазіи на военныя темы, но кипучій темпераментъ перваго лорда адмиралтейства придаетъ ей на минуту видимую достовѣрность. Русскій политическій отвѣтъ на эту фантазію есть требованіе о присоединеніи зоны Проливовъ. Приступъ къ операціи, сначала кажущійся успѣшнымъ, усиливаетъ темпъ этого требованія. 17 февраля/2 марта, одновременно съ посылкой въ Парижъ и Лондонъ окончательнаго

опредѣленія зоны, Сазоновъ телеграфируетъ, что англійскому и французскому правительствамъ слѣдуетъ «безотлагательно» убѣдить общественное мнѣніе признать права Россіи на Константинополь и Проливы. 19 февраля/4 марта онъ вручаетъ Палеологу и Бьюкенэну мемуаръ съ изложеніемъ русскихъ пожеланій. Съ этой минуты переговоры ведутся уже совсѣмъ ускореннымъ темпомъ, чтобы привести къ заключенію соглашеній съ Англіей и Франціей, перваго 28 февраля/12 марта 1915 г. и второго 28 марта/10 апрѣля того же года.

Такъ складывается въ окончательной формѣ новая русская политическая программа, доводящая до конца мысль Извольскаго о «политикѣ серьезныхъ успѣховъ на Балканахъ», высказанную на памятномъ совѣщаніи начала 1908 г.

Волею судебъ, война кончилась для Россіи катастрофой, которая перевела ее въ станъ побѣжденныхъ. Побѣда «надъ Россіей» въ вопросѣ о Проливахъ закрѣплена и запротоколена въ Лозаннскомъ мирномъ договорѣ, узаконяющемъ свободу прохода иностранныхъ военныхъ судовъ въ Черное море, силами, равными для каждаго изъ иностранныхъ государствъ наиболѣе крупному флоту державъ прибрежныхъ. Стратегически, комбинація, проведенная въ Лозаннѣ Лордомъ Керзономъ, очень близка къ той «нейтрализаціи» Чернаго моря, которую наложили на Россію послѣ Крымской войны. Скудный дарованіями совѣтскій «наркоминдѣлъ» Чичеринъ неумѣло пытался противопоставить въ Лозаннѣ англійской формулѣ господства иностранныхъ флотовъ на Черномъ морѣ старую традиціонную русскую программу закрытія входа въ него для военныхъ судовъ, но его не слушали, отдѣлываясь отъ его замѣчаній ссылкой на то, что Россія сама давно отставила программу свободы Проливовъ. О мечтѣ договоровъ 1915 г., конечно, не было и помину; она раз-

рушена вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ государственнымъ достоянiемъ. Боюсь — разрушена навсегда. Дай Богъ, чтобы намъ удалось въ будущемъ подобрать, по крайней мѣрѣ, нить классической традицiи русской дипломатiи XIX вѣка и вернуться къ испытанной системѣ закрытыхъ проливовъ.

ГИБЕЛЬ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХІИ

Война снесла въ Европѣ нѣсколько монархическихъ построекъ, въ числѣ ихъ — воздвигнутую въ сѣдую европейскую старину, давно забытыми пріемами и средствами, монархію Габсбурговъ. Историческая стильность ея постройки была внѣ спора, но жили въ ней кое-какъ, съ трудомъ приспособляя старыя помѣщенія подъ современныя требованія. Австро-венгерскіе политическіе строители тратили на это приспособленіе много изобрѣтательности и остроумія, и въ концѣ концовъ никому въ голову не приходило выселяться изъ старой постройки. Обитатели къ ней привыкли, и каждый изъ нихъ по своему находилъ оправданіе для своего пребыванія подъ старой крышей, хотя и не переставалъ жаловаться на неудобства и тѣсноту.

Почему рухнула благополучно пережившая столько историческихъ превратностей и испытаній государственная постройка? Сказать, что она была стара, — не отвѣтъ, ибо она была стара уже давно. Сказать, что великая война нанесла ей слишкомъ сильный ударъ, тоже не отвѣтъ, ибо Габсбурги много воевали и не всегда неудачно, да и въ эту вой-

ну военная исторія Австро-Венгріи знаетъ страницы, не лишенныя блеска: не надо забывать, что Конрадъ ф. Гецендорфъ разработалъ планъ Горлицкаго прорыва, и что Капоретто было безспорной побѣдой. А, главное, формула: старый механизмъ не выдержалъ военнаго потрясенія, есть сочетаніе двухъ образовъ, а никакъ не историческое объясненіе. Между тѣмъ, вопросъ представляетъ существеннѣйшій интересъ: въ общихъ судьбахъ великой войны австро-венгерскій факторъ нельзя забывать, не рискуя однобокими выводами.

Только-что сдѣлана попытка дать отвѣтъ, принадлежащая одному изъ самыхъ крупныхъ политическихъ писателей современности, Іозефу Редлиху. Редлихъ австріецъ, виднѣйшій континентальный изслѣдователь англійскаго публичнаго права, авторъ блестящей книги по исторіи современной Австріи. Онъ выпустилъ въ австрійской части экономической и соціальной исторіи міровой войны проф. Шотвелля, монографію, посвященную «Австрійскому правительству и управленію въ міровой войнѣ», которая заслуживаетъ самаго пристальнаго чтенія. Выводы ея глубоко поучительны, поучительны даже за предѣлами поставленнаго выше вопроса о судьбахъ монархіи Габсбурговъ, ибо даютъ матеріалъ для сужденія на интересующую общую тему о томъ, какъ внутренняя структура боровшихся въ 1914--18 г. г. государствъ отражалась на ихъ способности бороться*).

«Было бы ошибкой думать — утверждаетъ Редлихъ — что до начала міровой войны среди не мадьярскихъ элемен-

---

*) *Joseph Redlich,* Oesterreichische Regierung und Verwaltung im Weltkriege (Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Weltkrieges), Wien, Какъ бы параллельное изслѣдованіе недавно появилось и во Франціи: *Auerbach,* L'Autriche et la Hongrie pendant la guerre, 1925. Работа не можетъ идти въ сравненіе съ книгой Редлиха.

товъ Венгрiи и не-нѣмецкихъ элементовъ Австрiи были налицо серьезныя стремленiя къ расчлененiю монархiи и отдѣленiю отъ нея. Правда, боснiйскiй кризисъ, а затѣмъ, главное, борьба венгровъ съ кроатами въ перiодъ 1908-1914 гг. вызвали среди южныхъ славянъ, находившихся традицiонно подъ господствомъ консервативныхъ католиковъ, отмежевывавшихся отъ православныхъ сербовъ, ранѣе не существовавшiя струи сербскаго народнаго самосознанiя, но и этотъ кризисъ не былъ непосредственно опаснымъ для монархiи, и война, въ особенности противъ Италiи, вызвала среди южныхъ славянъ нѣкоторое воодушевленiе, впрочемъ, въ массы не проникавшее».

Такъ же характеризуетъ Редлихъ позицiю чешскаго нацiоналиста К. П. Крамаржа. Крупнѣйшiй вождь чеховъ въ то время, Д-ръ Крамаржъ — говоритъ нашъ авторъ — былъ продолжателемъ старыхъ чешскихъ традицiй австрославизма — его борьба съ нѣмцами выражалась лишь въ проповѣди освобожденiя монархiи отъ политической зависимости отъ Германiи; Габсбурги не должны быть «германскими подручными королями». О такихъ дѣятеляхъ, какъ Масарикъ, нечего и говорить.

Австро-Венгрiя вступала, такимъ образомъ, вопреки нѣкоторому старчеству своего государственнаго аппарата, въ полосу испытанiй великой войны, какъ государственное цѣлое, какъ основанное на сложномъ равновѣсiи государственное единство. Но уже передъ войной, въ годы, слѣдовавшiе за послѣдней попыткой крупной внутренней реформы — введенiемъ всеобщаго избирательнаго права въ 1907 г., складывалась опасная тенденцiя подчинить всѣ вопросы внутренней жизни страны ея внѣшней политикѣ. Съ войной всѣ внутреннiе вопросы, вся работа по сохраненiю и усовершенствованiю политическаго равновѣсiя среди нацiональныхъ и

соціальныхъ группъ монархіи были сознательно сданы въ архивъ людьми, стоявшими у государственнаго руля и въ Вѣнѣ, и въ Будапештѣ. Въ Венгріи неограниченно царилъ Стефанъ Тисса, и неуклонно продолжалась политика «илотизированія» всѣхъ не-мадьярскихъ элементовъ королевства. Въ Австріи парламентъ не созывался съ марта 1914 г., и графу Штюргку и двору въ голову не приходило послѣ объявленія войны созывать народное представительство. Согласно бюрократической традиціи, гражданская власть съ наступленіемъ войны, лишенная контакта съ населеніемъ черезъ парламентъ, сознательно стушевалась передъ военными. Опираясь на стараго императора, до конца жизни жившаго «домартовской», «до-конституціонной», идеологіей монархіи, главная квартира и военное командованіе стали на нѣсколько лѣтъ фактическими распорядителями всей внутренней жизни Австріи. Тисса, опираясь на свой парламентъ, умѣлъ бороться съ засиліемъ военныхъ, но графъ Штюргкъ капитулировалъ полностью. Политика главной квартиры была элементарна и груба. Ей импонировалъ больше всего примѣръ Стефана Тиссы и его системы неограниченной мадьярской диктатуры. И въ самомъ дѣлѣ, Тисса былъ единственнымъ человѣкомъ крупной воли и крупныхъ политическихъ дарованій, выдвинутымъ войной въ монархіи Габсбурговъ. Но Тисса опирался на мадьярскій сеймъ и не висѣлъ въ воздухѣ, какъ военные руководители австрійской части монархіи, которые просто на просто полагали, что страну можно вести въ порядкѣ военныхъ приказовъ и каръ и совершеннаго игнорированія не только настроеній отдѣльныхъ группъ населенія, но даже просто нормальнаго гражданскаго аппарата управленія страной, повинной, въ глазахъ военныхъ, въ «слабости по отношенію къ національнымъ радикализмамъ». «Политическая акція главнаго военнаго командованія — рѣшительно говоритъ Редлихъ — болѣе, чѣмъ всѣ остальные факторы, со-

дѣйствовала разрушенію единства монархіи въ политическо-національномъ отношеніи». Слабыя и рѣдкія попытки графа Штюргка сопротивляться военной диктатурѣ встрѣчали рѣшительный отпоръ стараго императора; даже его рѣшительный протестъ противъ произведеннаго главнымъ командованіемъ ареста чешскихъ вождей остался безрезультатнымъ. Австрійское правительство, «котораго образъ мыслей и методы еще разъ, какъ бы въ классической формѣ, олицетворила въ извѣстной мѣрѣ провиденціальная фигура графа Штюргка», осуждено было на полную политическую пассивность. Система именовалась «безпартійной», но на самомъ дѣлѣ, сводилась къ элементарно-партійной нѣмецко-мадьярской политикѣ.

Нѣмецкія партіи въ рейхсратѣ и странѣ, устраненныя отъ прямого вліянія на ходъ дѣлъ, молчаливо, но сознательно примирились съ этимъ положеніемъ. Постепенно, онѣ какъ бы морально выходили изъ стараго государственнаго круга монархіи. Подъ вліяніемъ книги Науманна, среди австрійскихъ нѣмцевъ постепенно складывалось — раньше, можетъ быть, чѣмъ даже у остальныхъ народовъ монархіи — представленіе, что послѣ войны старой Австріи не будетъ, и произойдетъ въ той или другой формѣ ея сліяніе съ Германіей. Къ лѣту 1916 г. для нихъ казался почти забытымъ фактъ, что Австрія являлась образованіемъ національно сложнымъ.

Послѣ убійства Штюргка и смерти Франца-Іосифа положеніе въ странѣ внѣшне нѣсколько измѣнилось. Отставка Конрада ф. Гецендорфа повлекла за собой конецъ диктатуры военныхъ элементовъ. Весной 1917 г. былъ созванъ рейхсратъ. Но новыя австрійскія правительства, сначала съ Кламъ-Мартиницемъ, чешскимъ консерваторомъ и феодаломъ, не умѣвшимъ бороться съ остальной нѣмецкой частью министерства, а затѣмъ чистымъ бюрократомъ и нѣмцемъ

д-ромъ Зейдлеромъ во главѣ, оказались совершенно безсильными что бы то ни было предпринять, дабы справиться съ накопленными за предшествующіе годы въ населеніи настроеніями, сводившимися къ сознанію невозможности измѣнить мирнымъ путемъ сложившееся соотношеніе силъ, и къ вѣрѣ, что только пораженіе Австріи способно сдвинуть корабль монархіи съ мертвой точки. Редлихъ остроумно обозначаетъ это настроеніе, какъ «апокалиптическій элементъ въ міровомъ положеніи австро-венгерской монархіи и ея правителей». Вновь созванный рейхсратъ подъ вліяніемъ этого «апокалиптическаго элемента» положенія былъ похожъ больше на конгрессъ народовъ, нежели на австрійскій парламентъ. Среди нѣмцевъ не въ меньшей степени, чѣмъ среди славянъ, была утрачена австрійская государственная идея. Скандалъ Клемансо-Черлинъ отнялъ всякое обаяніе у молодого императора, а огромныя трудности продовольствія — въ которыхъ, какъ во многомъ другомъ, Венгрія своимъ эгоизмомъ была повинна передъ общей монархіей — создали почву, при которой процессъ разложенія шелъ особенно быстро. Лѣтомъ 1918 г. Вѣнская палата представителей обнаруживала уже несомнѣнную facies hypocratica монархіи.

Въ октябрѣ «самоубійственная работа историческихъ носителей власти Габсбургской монархіи» (выраженіе Редлиха) оказалась завершенной: безъ сопротивленія и борьбы старое государство разложилось на свои составныя части, спокойно переступивъ свой, созданный исторіей, бюрократическій государственный аппаратъ маленькимъ странамъ, пришедшимъ ему на смѣну.

ФРАНЦУЗСКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТЪ ВЪ МИНУТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Я излагалъ, по поводу книги Іозефа Редлиха, какъ работалъ во время войны старѣйшій государственный механизмъ до-военной Европы, государственный механизмъ монархіи Габсбурговъ, какъ онъ не справился съ задачами грозной борьбы, и какъ эта борьба справилась съ нимъ, разрушивъ его до самаго фундамента*). Въ исторіи великой войны, издаваемой Фондомъ Карнеги, гдѣ появилась работа Редлиха, только что вышелъ маленькій, тоже прекрасно написанный, томъ, въ которомъ та же проблема войны и государственнаго порядка поставлена въ отношеніи Франціи. Пьеръ Ренувенъ описываетъ въ ней французскія «формы управленія военнаго времени»**). Выводы эти интересны и поучительны.

**) *Pierre Renouvin*, Les formes du Gouvernement de guerre. Histoire économique et sociale de la guerre mondiale (séries françaises). Les Presses Uuiversitaires de France, 1926.

Часто спрашиваютъ себя, да годенъ ли государственный аппаратъ Франціи, чтобы справляться съ возникающими въ жизни страны трудностями, не время ли признать, что конституція 1875 г., недавно справлявшая свой полувѣковой юбилей, отказывается работать сколько нибудь успѣшно, какъ только налицо реальныя государственныя опасности. Тотъ же вопросъ ставили себѣ во время войны, въ условіяхъ еще неизмѣримо болѣе грозныхъ. Для этого кризиса у насъ есть отвѣтъ: онъ данъ исторіей.

Въ послѣднія десятилѣтія передъ великой войной во Франціи много думали и говорили о томъ, какъ будутъ управлять страной въ военное время. Покойный Семба — человѣкъ яркихъ мыслей и подчасъ глубокихъ размышленій — написалъ въ 1913 г. даже цѣлую книгу подъ названіемъ «Создайте короля, а если нѣтъ — создайте миръ», строя, такимъ образомъ, свой соціалистическій пацифизмъ на томъ аргументѣ, что республиканскій порядокъ не можетъ выдержать испытанія военныхъ обстоятельствъ. Но, несмотря на эти размышленія и эти разговоры, никакихъ органическихъ актовъ относительно порядка управленія въ военное время, за ничтожными и второстепенными исключеніями, до начала войны проведено не было, а тѣ немногіе акты, которые были приняты, оказались непримѣнимыми, не примѣнялись или были скоро измѣнены.

И тѣмъ не менѣе, государственный порядокъ выдержалъ величайшее испытаніе, которое когда либо переживало современное государство. Вотъ конечный итогъ историческихъ наблюденій Ренувена.

«Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, переживая описанное развитіе, политическія формы остались прочными. Среди великихъ воевавшихъ государствъ, Франція есть то, которое пережило кризисъ, оставаясь наиболѣе вѣрнымъ своимъ тради-

ціямъ и своимъ конституціоннымъ принципамъ. Этотъ государственный порядокъ, который казался столь слабымъ критикамъ 1913 г., легче другихъ приспособился къ требованіямъ военнаго времени. Въ весьма широкихъ рамкахъ конституціи, онъ принялъ лишь другой темпъ движенія, потому что надъ нимъ властвовалъ новый духъ».

Прослѣдимъ вкратцѣ, какъ это случилось.

Въ первый моментъ войны, подъ вліяніемъ овладѣвшаго страной энтузіазма, всякіе конституціонные вопросы, всякіе вопросы о правахъ парламента и о правахъ правительства, какъ бы стушевались. Палаты вотировали нѣсколько законовъ, дававшихъ правительству нѣкоторыя, не очень широкія права въ области экономическаго и бюджетнаго законодательства и отсрочили свои засѣданія. Переѣхавъ въ Бордо, правительство издало — неожиданно для Палатъ — указъ о закрытіи сессіи. Успѣвшіе перебраться въ Бордо депутаты протестовали, но министръ юстиціи кабинета Вивіани, Бріанъ, искусно убѣдилъ ихъ снять этотъ протестъ. Правительство управляло фактически одно, пользуясь, какъ могло, вотированными полномочіями на изданіе декретовъ, а частью обходясь и безъ такой делегаціи, принимая, въ порядкѣ декретовъ, лишенныхъ твердой конституціонной базы, тѣ или другія мѣры административнаго и хозяйственнаго порядка. Но и правительство, въ свою очередь, фактически стушевалось передъ военнымъ командованіемъ. Генералъ Жоффръ былъ настоящимъ диктаторомъ страны. Но этотъ періодъ былъ краткимъ. По конституціи Палаты должны были необходимо собраться въ началѣ января 1915 г. Передъ Вивіани стоялъ вопросъ, требовать ли узаконенія чрезвычайныхъ полномочій для власти управленія страной или вернуться къ парламентаризму. Оптимистическій пафосъ первыхъ дней войны исчезъ. Парламентъ не склоненъ былъ къ актамъ принципіальнаго отказа отъ своихъ конституціонныхъ полномочій, и Вивіани заявилъ

въ Палатѣ депутатовъ 12 января 1915 г., что принимаетъ контроль Палатъ.

Фактически «диктатура» правительства, а за нимъ Жоффра, кончилась. Однако, парламентъ сначала лишь крайне осторожно осуществляетъ свои нормальныя функціи. Декреты продолжаютъ безпрепятственно издаваться мимо закона, но кредиты на войну вотируются уже только на три мѣсяца, а, главное, комиссія Палаты, въ частности, комиссія военная, понемногу добивается контроля надъ веденіемъ войны. Въ августѣ 1915 г. военный министръ Мильеранъ подаетъ въ отставку, не желая позволить, чтобы депутаты проникали за ту стѣну, которую главное командованіе воздвигло вокругъ военныхъ дѣлъ. За нимъ падаетъ и все министерство Вивіани, которое смѣняетъ Бріанъ, провозглашающій новую, болѣе гибкую, формулу отношеній военной и гражданской власти: «правительство ведетъ войну, но не ведетъ военныхъ операцій», — и соотвѣтственно уступающій домогательствамъ Палаты объ осуществленіи ею подлиннаго контроля надъ правительственной политикой въ формѣ засѣданій «секретнаго комитета».

Но только Верденъ окончательно закрѣпляетъ новое положеніе. Первое засѣданіе «секретнаго комитета» Палаты происходитъ лѣтомъ 1916 г., и результаты сказываются немедленно. Бріанъ, заявившій вначалѣ, что «секретные комитеты» не могутъ собираться часто, вынужденъ согласиться на то, чтобы процедура эта превратилась почти въ нормальную; такая практика продолжается во время министерствъ Рибо и Пенлевэ 1917 г. Затѣмъ «секретные комитеты» начинаютъ, благодаря усилившимся интерпелляціямъ, превращаться въ органъ, непосредственно вліяющій на самый составъ правительства. Въ концѣ 1916 г. Бріанъ именно подъ ихъ вліяніемъ вынужденъ перестроить свой кабинетъ, въ составъ котораго входятъ, въ качествѣ министровъ, А.

Тома и Эрріо. Далѣе «секретные кабинеты» узаконяютъ прямой контроль Палаты надъ дѣлами чисто военными. Правда, совершенно революціонный въ этомъ смыслѣ проектъ Тардье не проходитъ, но все же узаконено, что члены «большихъ комиссій» Палатъ будутъ осуществлять контроль какъ въ зонѣ операцій, такъ и внутри страны, будутъ слѣдить за подготовкой средствъ обороны и наступленія, промышленныхъ и военныхъ. Наконецъ, Палаты стремятся ограничить практику декретовъ. Въ моментъ своего образованія, въ концѣ 1916 г., второе министерство Бріана, съ участіемъ Эрріо, дѣлаетъ попытку узаконить эту практику и вырабатываетъ законопроектъ о делегаціи правительству полномочій по изданію, «въ дополненіе и отмѣну законовъ», мѣръ, предписываемыхъ національной обороной. Проектъ вызываетъ острое недовольство, и Бріанъ быстро идетъ назадъ, заявляя, что въ оглашенный текстъ вкралась типографская ошибка. Въ засѣданіи Клотцъ говоритъ объ «узаконеніи произвола»; Бріанъ соглашается идти вмѣстѣ съ Палатой; законопроектъ сдается въ комиссію, и докладчикъ ея, Віолеттъ, даетъ заключеніе о неконституціонности предложенной мѣры. Конечно, вопреки принципіальнымъ возраженіямъ, указанная практика такъ необходима, что она фактически продолжается. Клемансо, обладающій большимъ авторитетомъ, чѣмъ Бріанъ, смѣло вноситъ въ Палату новый проектъ о делегаціи правительству указной власти и безъ борьбы добивается такой делегаціи въ сферѣ экономическихъ мѣропріятій (законъ 10 февраля 1918 г.).

Смѣнившее Бріана министерство Рибо (мартъ-сентябрь 1917 г.) и смѣнившее Рибо министерство Пенлевэ (сентябрь-ноябрь 1917 г.) подчиняются безъ возраженій созданному Верденской битвой политическому порядку. Дѣло доходитъ до того, что возвращаются даже къ мысли о вотированіи Палатами, какъ бы въ нормальномъ конституціонномъ порядкѣ,

ежегоднаго бюджета. Положеніе настолько измѣнилось, что въ ноябрѣ 1917 г. министерство Пенлевэ — единственное за весь періодъ войны — падаетъ такъ, какъ падаютъ французскія министерства въ мирное время — подъ ударомъ формальнаго вотума недовѣрія Палаты.

Конституціонно, — въ формальномъ смыслѣ возстановленной до-военной государственной традиціи, — ничто не мѣняется съ появленіемъ у власти Клемансо. Но какая огромная политическая перемѣна. Формулѣ: «священное единство», превратившейся въ нѣкоторую фикцію къ концу министерства Пенлевэ, но приводившей на практикѣ къ простой необходимости подчиняться требованіямъ наиболѣе подвижной и наименѣе зрѣлой соціалистической части Палаты, откровенно и ясно положенъ конецъ. Соціалисты въ оппозиціи, но съ тѣмъ большей силой несоціалистическое большинство поддерживаетъ Клемансо, за которымъ стоитъ вся Франція. Политическіе процессы Мальви и другихъ терроризируютъ колеблющихся. Наконецъ — и это главное — парламентъ чувствуетъ, что между Клемансо и страной сложилась такая крѣпкая связь настроеній и воли, что парламентское посредство между ними было бы ничѣмъ не оправданной и совершенно безплодной претензіей. Но формально Клемансо не нарушаетъ ни одной подлинной конституціонной традиціи. Онъ только упраздняетъ нездоровыя накопленія новыхъ, допущенныхъ Бріаномъ, Рибо и Пенлевэ, политическихъ пріемовъ. При немъ нѣтъ больше «секретныхъ комитетовъ», и какъ характеренъ его отвѣтъ одному изъ депутатовъ, добивавшихся возстановленія этой практики: «Считаю долгомъ сообщить Вамъ, что правительство не могло бы взять слово въ Палатѣ для заявленій, которыя не были бы извѣстны всей странѣ!»

Такъ традиціонный государственный порядокъ Франціи, неприкосновенный въ своихъ формальныхъ основахъ, но

гибкій въ своей работѣ, одолѣлъ величайшія затрудненія величайшаго политическаго испытанія, ею пережитаго. Гдѣ мораль этого, совершенно безспорнаго и огромнаго по своей важности, историческаго факта? Даю слово автору прочтеннаго нами изслѣдованія:

«Во Франціи 1914 г. произошелъ умственный переворотъ, сложилась потребность въ дисциплинѣ и потребность въ довѣріи. Духъ вѣчной критики не исчезъ, но онъ имѣлъ менѣе сильную власть надъ страной. Народъ привѣтствовалъ не Клемансо 1915 г., а Клемансо 1918 г., Клемансо дѣйствія и мощной воли. Быть можетъ, это «охлажденіе» націи къ своему парламенту, поддерживавшееся, впрочемъ, умѣлыми кампаніями, не имѣло въ началѣ другой причины, кромѣ различія въ направленіи: члены парламента сохранили свои привычки къ ревнивому надзору и недовѣрію въ отношеніи правительства, и я не хочу сказать, что въ принципѣ они были неправы, но страна не чувствовала за то никакой благодарности; страна хотѣла сохранить свое довѣріе за своими вождями. Характеренъ для духа войны — отказъ отъ критическаго чувства, даже если оно видитъ ясно. Страна въ цѣломъ хочетъ, чтобы ее вели, она не любитъ тѣхъ, кто колеблетъ ея убѣжденіе. За правительствомъ выигрышная роль; сила приказа никогда не была большею. Нѣтъ сомнѣнія, что инстинктъ массы не ошибается, ибо надо собрать силы, чтобы побѣдить».

ПОЛИТИКА РОМАНА ДМОВСКАГО

Изъ крупныхъ фигуръ современной Польши — Романъ Дмовскій намъ знакомъ ближе и лучше другихъ. Читая книгу его воспоминаній*), покрывающихъ собой періодъ времени между Японской войной и мирными трактатами 1919 г., вы чувствуете, что воспоминанія эти общія для него и для насъ на очень значительномъ протяженіи времени; наши пути начинаютъ окончательно расходиться только послѣ первой революціи 1917 г., но и послѣ окончательнаго перехода Дмовскаго и его соратниковъ на независимое отъ линіи русскаго движенія, направленіе движенія чисто польскаго, вы хорошо понимаете, какъ логика прежнихъ путей приводитъ бывшаго предсѣдателя польскаго кола въ Государственной Думѣ къ точкамъ, которыя для насъ не неожиданны, какъ бы далеки мы отъ нихъ ни находились.

Дмовскій — превосходный политическій писатель и сильный политическій умъ. Его воспоминанія скорѣе поли-

---

*) *Roman Dmowski.* Politika Polska i odbudowanie Panstwa. Warszawa, 1925.

тическій трактатъ, чѣмъ простое размышленіе надъ ушедшимъ. На каждомъ шагу, разсказывая о своей прошлой дѣятельности, онъ продолжаетъ борьбу за свою политику и за свои идеи въ настоящемъ. Внутренняя политическая распря въ современной Польшѣ ведется въ значительной степени путемъ счетовъ по тому признаку, кто гдѣ былъ въ историческій періодъ возрожденія независимой польской республики.

Чудо Версальскаго и прочихъ договоровъ такъ ихъ захватываетъ, что польскіе дѣятели до сихъ поръ классируются въ значительной степени по тому, вѣрили ли они въ чудо и предвидѣли ли они его. Но политическая дѣйственность книги Дмовскаго не только не уменьшаетъ ея интереса, но его значительно усиливаетъ.

Съ самаго рожденія Народовой Демократіи, въ началѣ XX вѣка, гласитъ основная мысль политической исповѣди Дмовскаго, и до созданія независимой Польши въ ея нынѣшнихъ границахъ, Дмовскій и его друзья и партія вели неуклонно и послѣдовательно одну и ту же линію. Ни разу не сбились они со своего, разъ намѣченнаго пути, и польская политика подъ ихъ руководствомъ есть, какъ бы, работа политическихъ математиковъ, извлекающихъ одна за другой политическія теоремы изъ безспорныхъ политическихъ аксіомъ.

Старая польская политика, сложившаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго возстанія 1863 г., знала два варіанта: программа возстанія, великой борьбы противъ странъ, раздѣлявшихъ Польшу, и въ первую голову противъ Россіи, главнаго врага поляковъ и опоры европейской реакціи, и программу «резигнаціи», отказа отъ мысли о возстановленіи единой и независимой Польши, соглашенія съ государствами, завладѣвшими польскими землями, ради частичнаго улучшенія положенія народа.

Дмовскій и Народовая Демократія отвергли обѣ программы, какъ нереальныя. На ихъ мѣсто они поставили программу борьбы съ Германіей, какъ ключъ къ возсозданію Польши.

«Безъ земель прусскаго забора, нѣтъ воистину независимой Польши» — такова формула Народовой Демократіи: безъ этихъ земель Польша лишена моря, лишена связи съ Западной Европой, лишена необходимой для нея Силезіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ Германія — главный врагъ, ибо — наиболѣе сильный.

Россія въ эпоху Японской войны входитъ въ періодъ внутреннихъ измѣненій, открывающихъ надежду на сближеніе съ ней, Австро-Венгрія клонится къ распаду.

Только Германія, дѣйствительно, угрожаетъ будущему польскаго народа: ея работа въ Познани можетъ повести къ потерѣ жизненно необходимыхъ Польшѣ земель. Отсюда главный политическій расчетъ Дмовскаго:

«Война между государствами, которыя раздѣлили Польшу, война между Россіей и нѣмцами, которая, если и не доведетъ сразу до осуществленія польскаго государства, то можетъ дать нѣчто наиважнѣйшее для этого будущаго государства — оторваніе земель польскаго забора отъ нѣмцевъ и спасеніе ихъ угрожаемой польскости».

Этого будущаго приходилось ждать и къ нему готовиться, чтобы быть въ состояніи извлечь изъ него корысть для польскаго дѣла.

Дмовскій, какъ предсѣдатель польскаго кола во второй Государственной Думѣ и какъ авторъ произведшей сильное впечатлѣніе и, дѣйствительно, талантливой книги: Нѣмцы, Россія и польскій вопросъ, неуклонно ведетъ эту линію:

«Въ политикѣ есть люди, которые думаютъ, что суще-

ствуетъ только жатва: имъ непонятны удобренiе, пахота и сѣвъ», замѣчаетъ Дмовскiй, и спрашиваетъ себя, что «было бы во время великой войны, если бы руководители польской политики не заняли уже съ того времени позицiи сближенiя съ Россiей и борьбы съ нѣмцами».

«Съ перваго часа въ станѣ государствъ Антанты насъ признали за своихъ, оказали намъ довѣрiе, что дало намъ свободу дѣйствiй. Если бы не наша политика, громко заявленная уже съ 1908 года, не знаю, удалось ли бы намъ занять это положенiе особенно при такихъ фактахъ, какъ легiоны Пилсудскаго, какъ крикливыя манифестацiи «Высшаго Народнаго Комитета», какъ всѣ позднѣйшiя дѣла т. н. активистовъ».

Таково «концентрированiе цѣли» довоенной политики Дмовскаго. Съ началомъ войны выводы изъ нея были ясными.

«Первыя литеры политическаго алфавита» гласили для Дмовскаго: «побѣда надъ нѣмцами во имя объединенiя польскихъ земель».

На первое, послѣ объявленiя войны, засѣданiе Государственной Думы прiѣхалъ всего одинъ польскiй депутатъ Яронскiй. Ни съ кѣмъ не совѣщаясь, онъ прочелъ декларацiю отъ имени поляковъ въ Думѣ, говорившую, что польскiй народъ на сторонѣ славянства въ великой начинающейся борьбѣ и вѣритъ, что эта борьба возстановитъ единство польскаго народа.

Прiѣхавшiй черезъ нѣсколько дней изъ-за границы Дмовскiй, прочтя декларацiю, былъ въ полной мѣрѣ удовлетворенъ ею и съ гордостью чувствовалъ, какъ крѣпко вошла его политика въ сознанiе поляковъ. Въ день его прiѣзда вечеромъ онъ встрѣтился съ группой русскихъ дѣятелей, Кн. Г. Н. Трубецкимъ, Н. Н. Львовымъ, П. Б. Струве и другими въ отдѣльномъ кабинетѣ гостинницы Францiя. Трубец-

кой ознакомилъ его съ проектомъ воззванія къ полякамъ, которое долженъ былъ на слѣдующій день сдѣлать Великій Князь Николай Николаевичъ. Декларація Яронскаго получала въ немъ первый откликъ: объединеніе польскихъ земель дѣлалось лозунгомъ русской политики.

Я присутствовалъ тогда на этомъ собраніи и по сейчасъ ярко помню кряжистую фигуру Дмовскаго, оживленнаго и радостнаго, своего для всѣхъ собравшихся, вѣрившихъ въ правильность занятаго тогда русскимъ правительствомъ положенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чужого, думавшаго чужую думу и готоваго отъ насъ уйти подъ вліяніемъ чужихъ для насъ цѣлей.

Дмовскій подробно разсказываетъ, какъ развивалась польская политика въ его варіантѣ во время войны. Общій смыслъ этого разсказа таковъ.

Въ Россіи и на Западѣ сначала выдвигалась только формула объединенія земель. О независимости Польши умалчивалось: вопросъ долженъ былъ оставаться открытымъ, чтобы избѣжать конфликта съ Россіей. Но слѣдовало во что бы то ни стало заинтересовать въ судьбѣ Польши западныя государства — дѣлая это осторожно, чтобы не идти противъ формулы даже расположенныхъ къ полякамъ круговъ въ Россіи, продолжавшихъ настаивать, что польскій вопросъ есть вопросъ внутренно русскій.

Но постепенно, по ходу военныхъ и политическихъ событій, переносъ центра тяжести вопроса на Западъ и превращеніе его въ вопросъ международный дѣлаются возможными, и Дмовскій и его группа все смѣлѣе и смѣлѣе переходятъ на новыя позиціи. Сначала, «не оставляя русской почвы», Дмовскій, послѣ занятія русской Польши непріятельскими войсками, переѣзжаетъ на Западъ. Онъ съ величайшей благодарностью вспоминаетъ о русскихъ дипломатахъ на Западѣ, которые «съ высокимъ тактомъ» помогаютъ ему въ его трудной задачѣ. Онъ замѣчаетъ, что хотѣлъ бы, чтобы поль-

ская дипломатія имѣла въ своемъ распоряженіи людей такой мѣрки, какъ покойный графъ А. К. Бенкендорфъ и А. П. Извольскій.

Австро - германскій актъ, провозглашающій возстановленіе польскаго государства, сыгралъ, въ смыслѣ превращенія польскаго дѣла въ вопросъ международный, весьма существенную роль.

Въ 1916 г., вслѣдъ за этимъ актомъ, Дмовскій передаетъ А. П. Извольскому записку, въ которой уже открыто и ясно говоритъ о независимости объединенныхъ польскихъ земель. Но постепенно «русская почва» дѣлается болѣе не нужной. Окончательный переходъ на новую позицію совершается съ паденіемъ въ Россіи императорской власти. И съ этимъ моментомъ совпадаетъ другая существенная перестройка польской политической «оффензивы»: территоріальная программа Дмовскаго развертывается уже не только за счетъ Познани, Данцига и Силезіи, но и за счетъ коренныхъ русскихъ земель.

Въ мемуарѣ, переданномъ имъ Бальфуру въ концѣ марта 1917 г., эта тенденція совершенно очевидна. Съ большевистскимъ переворотомъ она получаетъ окончательное и полное развитіе. Программой Дмовскаго и его друзей дѣлается программа польскаго имперіализма, та программа, которая, если не полностью, то въ существенныхъ своихъ частяхъ была осуществлена Версальскимъ договоромъ и послѣдующими международными актами.

Дмовскій утверждаетъ, что и въ этомъ отношеніи его мысль оставалась неизмѣнной съ начала XX вѣка. Уже тогда онъ думалъ, что возстановленіе Польши реально возможно только, какъ сильнаго государства, способнаго бороться за свое существованіе.

Если вѣрить Дмовскому, логика исторіи своеобразнымъ образомъ совпадала съ его собственной логикой. Вмѣстѣ съ

нимъ эта историческая логика дѣлала политическія выкладки, никогда не ошибаясь. Можно ли вѣрить конструкціи Дмовскаго? Конечно, нѣтъ.

Польское государство сложилось такъ, какъ того предписывалъ имперіализмъ Народовой Демократіи, не потому, что внутри ея программы лежали какія то имманентныя политическія истины, а потому, что развитіе событій на Востокѣ Европы создали, въ своемъ исторически причудливомъ сочетаніи, такія условія, въ которыхъ могло осуществиться чудо воскрешенія Польши Версальскимъ договоромъ.

Съ настойчивостью отметая въ своемъ разсказѣ все, что въ самой Польшѣ и внѣ Польши не было осуществленіемъ логики Дмовскаго, польскій вождь искажаетъ историческую правду реальныхъ событій.

Въ созданіи польскаго государства играли роль поляки и другой оріентаціи, вошедшіе въ новую Польшу другими дверями, чѣмъ въ нее вошелъ Дмовскій и его партія. Достаточно вспомнить, что Пилсудскій появился въ ней изъ австрійскихъ легіоновъ.

А, главное, свершилась великая русская катастрофа, не предусматривавшаяся никакой логикой, даже не логикой Дмовскаго.

Изъ исторіи русской революціи

НАЧАЛО РУССКОЙ КАТАСТРОФЫ

Ранней весной 1915 г. въ маленькомъ городкѣ Мезьерѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Франціи, зрѣло рѣшеніе, неисчислимыя послѣдствія котораго весь востокъ Европы, вся Европа, переживаютъ до сихъ поръ. Сосредоточенная тамъ германская главная квартира въ величайшей тайнѣ разрабатывала военный планъ, который долженъ былъ, по мысли генерала Эриха ф. Фалькенхайна, внести рѣшительное улучшеніе въ стратегическое положеніе на русскомъ фронтѣ. Тревожные признаки разложенія австро-венгерской арміи и утраты ею боевыхъ возможностей были на лицо. Тешенское военное командованіе забрасывало Мезьеръ просьбами о посылкѣ германскихъ войскъ на Карпаты, гдѣ армія генерала Иванова съ огромными потерями и не меньшимъ упорствомъ осуществляла разработанный Алексѣевымъ планъ вторженія въ Венгрію. Дивизіи Войрша, Марвица, Линзингена и Маршалля уже переслаивали австрійскіе корпуса, и Конрадъ настойчиво требовалъ ихъ усиленія во имя обороны венгерскихъ комитатовъ. Венгерская диктатура въ странѣ Габсбурговъ была установлена такъ прочно во все время войны, что

императивы Будапешта вѣсили больше, чѣмъ что-либо другое. Конрадъ мечталъ осуществить съ нѣмецкой помощью планъ освобожденія Венгріи отъ русской угрозы при помощи обширнаго наступленія на двухъ флангахъ, на сѣверѣ въ Восточной Пруссіи и на югѣ въ Буковинѣ. Но германскій штабъ не склоненъ былъ къ политикѣ простой переслойки австрійскихъ корпусовъ на Карпатахъ, съ неосуществимыми заданіями Тешенскихъ стратеговъ, и въ тиши готовилъ другой планъ. 13 апрѣля онъ былъ объявленъ Конраду и состоялъ въ сосредоточеніи германскихъ дивизій для прорыва русскаго фронта. 2 мая Макензенъ и его начальникъ штаба ф. Зеектъ приказали наступленіе, начавшееся съ памятнаго всѣмъ обстрѣла фронта арміи Радко Дмитріева. Юго-Западный фронтъ и Ставка жили изо-дня-въ-день, не чувствуя опасности положенія и занимаясь политикой и организаціей царской поѣздки по Галиціи, въ «бывшія австрійскія» земли, какъ писалъ Императоръ Николай императрицѣ за двѣ недѣли до начала германскаго наступленія. Тылъ не былъ нигдѣ закрѣпленъ, и началось великое отступленіе русскихъ армій, въ которомъ сломалась русская военная сила.

Сломалась не одна военная сила, но далъ первую глубокую трещину весь русскій государственный механизмъ. Смотря сейчасъ назадъ, въ свѣтѣ множества накопленныхъ за послѣдніе годы историческихъ данныхъ, на русскую катастрофу и спрашивая себя, какъ Кутузовъ у Толстого, «когда это началось», я все яснѣе и яснѣе прихожу къ убѣжденію, что катастрофа началась именно въ ту минуту, какъ дивизіи Макензена и ф. Зеекта открыли огонь противъ корпусовъ Радко Дмитріева. Огромный интересъ недавнс появившихся записокъ А. Н. Яхонтова, которыя даютъ мнѣ поводъ къ настоящимъ замѣткамъ, именно въ томъ, что они съ потрясающей наглядностью рисуютъ, какъ произошла лѣтомъ 1915 г. эта первая трещина историческаго русскаго государства, за ко-

торой фатально послѣдовали новыя и которыя привели насъ, этапъ за этапомъ, къ тому, что сейчасъ есть*). Я далекъ отъ мысли, въ связи съ записками А. Н. Яхонтова, ставить, какъ говорятъ послѣвоенные нѣмцы, die Schuldfrage, разбирать, кто въ чемъ виноватъ въ происшедшемъ. Лично я всегда думалъ, что катастрофа случилась за круговой порукой всѣхъ русскихъ людей. Но такъ это или не такъ, — меня не занимаетъ въ связи съ этими замѣтками на поляхъ разсказа А. Н. Яхонтова. Достаточно будетъ и того, если мнѣ удастся объяснить, какъ въ дѣйствительности началась русская катастрофа.

16 іюля 1915 г. въ очередномъ засѣданіи совѣта министровъ, по заведенному порядку, предсѣдатель совѣта Горемыкинъ пригласилъ военнаго министра Поливанова сдѣлать очередной докладъ о положеніи на фронтѣ. Поливановъ, рѣзко повысивъ голосъ, началъ такъ: «Считаю своимъ гражданскимъ и служебнымъ долгомъ заявить совѣту министровъ, что отечество въ опасности». Нѣсколько удивленный Горемыкинъ, не большой любитель выходящихъ за предѣлы привычной рутины, диссонансовъ, просилъ объяснить, въ чемъ дѣло. Поливановъ оговорился, что приводимыя имъ свѣдѣнія представляются, вѣроятно, устарѣвшими, такъ какъ, во-первыхъ, наше отступленіе развивается съ возрастающей быстротой, во многихъ случаяхъ принимающей характеръ чуть-ли не паническаго бѣгства, и, во-вторыхъ, Ставка Верховнаго Главнокомандующаго не сообщаетъ главѣ военнаго вѣдомства никакихъ данныхъ о положеніи на боевой линіи,

---

*) Тяжелые дни (Секретныя засѣданія Совѣта Министровъ 16 іюля-2 сентября 1915 года); Архивъ Русской Революціи. Берлинъ, 1926, 5-136.

и военному министру приходится судить объ этомъ положенiи на основанiи доходящихъ непосредственно въ Петербургъ донесенiй нашей контръ-развѣдки о передвиженiяхъ въ непрiятельскомъ лагерѣ. Во всякомъ случаѣ, для каждаго мало мальски знакомаго съ военнымъ дѣломъ человѣка ясно, — продолжалъ Поливановъ, — что приближаются моменты, рѣшающiе для всей войны. Пользуясь огромнымъ преобладанiемъ артиллерiи и неисчерпаемыми запасами снарядовъ, нѣмцы заставляютъ насъ отступать однимъ артиллерiйскимъ огнемъ. Тогда какъ они стрѣляютъ изъ орудiй чуть ли не одиночкамъ, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезныхъ столкновенiй. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать въ дѣло пѣхотныя массы, непрiятель почти не несетъ потерь, тогда какъ у насъ люди гибнутъ тысячами. Естественно, что съ каждымъ днемъ нашъ отпоръ слабѣетъ, а вражескiй натискъ усиливается. Гдѣ ждать остановки отступленiя — Богу вѣдомо. Сейчасъ въ движенiи непрiятеля все болѣе обнаруживается три главнѣйшихъ направленiя: на Петербургъ, на Москву и на Кiевъ... Въ слагающейся обстановкѣ нельзя предвидѣть, чѣмъ и какъ удастся намъ противодѣйствовать развитiю этого движенiя. Войска несомнѣнно утомлены безконечными пораженiями и отступленiями. Вѣра въ конечный успѣхъ и въ вождей подорвана. Замѣтны все болѣе грозные признаки надвигающейся деморализацiи. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи въ плѣнъ. Да и трудно ждать порыва и самоотверженiя отъ людей, вливаемыхъ въ боевую линiю безоружными съ приказомъ подбирать винтовки убитыхъ товарищей. Но на темномъ фонѣ матерiальнаго, численнаго и нравственнаго разстройства армiи есть еще одно явленiе, которое особенно чревато послѣдствiями, и о которомъ больше нельзя умалчивать. Въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго наблюдается растущая растерянность. Она тоже охватывается убiйственной психологi-

ей отступленія и готовится къ отходу въ глубь страны на новое мѣсто. Назадъ, назадъ и назадъ — только и слышно оттуда. Въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ не видно никакой системы, никакого плана. Ни одного смѣло задуманнаго маневра, ни одной попытки использовать ошибки врага. И вмѣстѣ съ тѣмъ Ставка продолжаетъ ревниво охранять свою власть и прерогативы. Среди разростающейся катастрофы она даже не считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ ближайшими сотрудниками. Не только командующіе арміями, но даже главнокомандующіе фронтами ни разу не были призваны въ Ставку для совмѣстнаго доклада о положеніи, о возможномъ исходѣ изъ затрудненій, о способахъ дальнѣйшей борьбы...

Генералъ Поливановъ говорилъ еще долго, съ тѣмъ же волненіемъ, и кончилъ словами: «Надо, чтобы русскій царь выслушалъ мнѣніе всѣхъ отвѣтственныхъ военачальниковъ и всего совѣта министровъ, которые должны откровенно сказать ему о томъ, что приближается, быть можетъ, послѣдній часъ, и что необходимы героическія рѣшенія».

Поливановъ не сказалъ ничего такого, что бы не сидѣло уже въ головахъ его слушателей, какъ неотвязное ощущеніе послѣднихъ мѣсяцевъ. Но, какъ часто бываетъ, высказанная кѣмъ-то однимъ съ темпераментомъ и волей общая мысль внезапно ярко вспыхивала, освѣщая сознаніе. Группа людей, совершенно разныхъ по своему умственному и нравственному укладу и по своему калибру, случайно составлявшая русское правительство въ минуту кризиса, почувствовала себя лицомъ къ лицу съ грозной опасностью, надвигавшейся на Россію. Въ первую очередь она переживалась ими, просто на просто, какъ русскими людьми; но рядомъ съ этимъ непосредственнымъ чувствомъ рождалось сознаніе отвѣтственности, неизбѣжное и естественное при всѣхъ разницахъ ума, морали и калибра.

Игрой инерціи огромной русской государственной машины и фатальной необученности государственному дѣлу русскаго монарха, во главѣ русскаго правительства въ началѣ великой войны оказались люди, въ своемъ большинствѣ лишенные сколько-нибудь замѣтныхъ государственныхъ дарованій. Во главѣ стоялъ старый И. Л. Горемыкинъ, олицетворявшій сочетаніе внѣшнихъ навыковъ и внутренняго недѣланія. Русская бюрократія выносила на верхъ людей двухъ основныхъ типовъ. Одни выплывали потому, что умѣли плавать, другіе — въ силу легкости захваченнаго ими въ плаваніе груза. Рядъ славныхъ именъ украшаетъ собой прошлое русской государственной службы, и было бы большой несправедливостью думать, что «чиновничество» не рождало государственныхъ людей въ подлинномъ значеніи этого слова. Но одновременно каждое поколѣніе смѣнявшихся у власти служилыхъ людей знало множество представителей и второго типа: попадавшихъ на верхъ по малому своему удѣльному вѣсу. Механика ихъ движенія своеобразна, но объяснима. Они не связывали себя ни съ какимъ крупнымъ дѣломъ, которое могло бы удасться, но могло и не удасться и тѣмъ самымъ ихъ скромпрометировать, но зато усваивали политическую окраску, которая издали позволяла принимать ихъ за государственныхъ дѣятелей съ программой и мыслями и которая вмѣстѣ съ тѣмъ, при перемѣнахъ въ личномъ составѣ бюрократическихъ верхушекъ, какъ-то оправдывала обращеніе къ нимъ. Находясь у власти, они попадали въ налаженный порядокъ, принимали доклады и подписывали бумаги, обладая достаточнымъ навыкомъ и знаніемъ государственнаго механизма, чтобы не дѣлать замѣтныхъ ошибокъ и чтобы избѣгать нагружать себя какими либо серьезными замыслами. Все ихъ вниманіе было устремлено наверхъ, къ лицу монарха, и не съ тѣмъ, чтобы вести его къ поставленнымъ ими государственнымъ цѣлямъ, а съ тѣмъ, чтобы въ минуту, когда бывшіе у

власти люди болѣе крупнаго калибра начинали его утомлять своей величиной, онъ вспоминалъ о нихъ и инстинктивно чувствовалъ въ нихъ людей болѣе сговорчивыхъ и менѣе утомительныхъ, ибо легковѣсныхъ и гибкихъ. У людей этого второго типа былъ служебный формуляръ, вмѣсто служебной біографіи, видимая политическая роль, вмѣсто политическихъ убѣжденій, чутье обстановки, вмѣсто знанія государственнаго дѣла. Таковъ былъ и Горемыкинъ. Въ Воспоминаніяхъ Графа С. Ю. Витте, по адресу его брошена фраза: «Когда я не счелъ возможнымъ играть роль соломеннаго чучела на огородѣ и ушелъ, то не безъ его совѣта (Дм. Трепова) былъ составленъ и новый кабинетъ оловяннаго чиновника, отличающагося отъ тысячи подобныхъ своими большими баками, Горемыкина». Витте не владѣлъ даромъ художественныхъ характеристикъ, и по справедливости его языкъ можетъ быть названъ, по его же терминологіи, «оловяннымъ». Горемыкинъ не помѣщается въ этой злобной формулѣ. Онъ сложнѣе и живѣе: онъ былъ неглупымъ человѣкомъ, весьма цивилизованнымъ и воспитаннымъ, весьма себѣ на умѣ и по своему умѣлымъ. Онъ отличался отъ «тысячи подобныхъ» своею ловкостью и умѣніемъ ставить вѣрный діагнозъ того, что требовалось, чтобы успѣвать въ большой административной карьерѣ, искусство отнюдь не столь банальное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ какимъ-то сгущеннымъ экстрактомъ изъ этихъ тысячи подобныхъ ему чиновниковъ, ибо дѣловой его багажъ состоялъ только изъ навыковъ и рутины петербургской казенной службы, съ добавленіемъ недюжинной подвижности и очень тонкаго чутья.

Единственнымъ, по настоящему крупнымъ человѣкомъ въ первомъ совѣтѣ министровъ военнаго времени былъ А. В. Кривошеинъ. Онъ яснымъ образомъ принадлежалъ къ первому типу петербургскихъ чиновниковъ. Онъ обладалъ круп-

нымъ умомъ, широтой кругозора, былъ честолюбивъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, хотѣлъ и умѣлъ связать себя съ подлиннымъ государственнымъ дѣломъ, размышлялъ о путяхъ русскаго государственнаго развитія, былъ вообще весьма одареннымъ политикомъ. Онъ тоже вышелъ изъ нѣдръ «тысячи подобныхъ», но долгая государственная служба не стерла въ немъ опредѣленной индивидуальности. Его умственный укладъ сложился въ окончательной формѣ въ минуту первой революціи, и такъ же, какъ П. А. Столыпинъ, онъ понималъ, что одной инерціей своей исторической массы русскому государству не прожить. Онъ искалъ программы и находилъ ее тамъ же, гдѣ и Столыпинъ: въ цензовомъ конституціонализмѣ и крестьянской частной собственности. Онъ сдѣлалъ свою административную карьеру на репутаціи консерватора, но его консерватизмъ не былъ рутиной, а былъ выраженіемъ какой-то, правильной или неправильной, но новой программы, шедшей на смѣну пережевываній утратившихъ реальное содержаніе политическихъ словесъ царствованія Александра Ш. Среди другихъ министровъ онъ занималъ видное и авторитетное положеніе. Всѣ знали и чувствовали его калибръ, но оффиціально надъ нимъ былъ посаженъ Горемыкинъ. Воспитанная службой дисциплина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то своеобразный недостатокъ боевого темперамента, мирили его съ его положеніемъ во второмъ ряду. Въ первые мѣсяцы войны это положеніе не мѣшало ему имѣть фактически рѣшающее вліяніе на работу совѣта министровъ, но по мѣрѣ того, какъ стали надвигаться трудности, это второе мѣсто давало себя чувствовать.

Остальной составъ совѣта министровъ былъ необыкновенно пестръ: въ немъ рядомъ сидѣли чиновники и не чиновники, люди умные и совсѣмъ не умные, люди серьезные и совсѣмъ не серьезные, люди съ темпераментомъ и люди безъ всякаго темперамента. Связаны они были въ одно цѣлое только

тѣмъ, что «Учрежденіе Совѣта Министровъ» повелѣвало имъ сидѣть вмѣстѣ, что нельзя было дѣлать разногласія по каждому «журналу» совѣта, и что бюрократическая школа весьма спеціализировала каждаго изъ нихъ и заставляла избѣгать сужденій по дѣламъ «сосѣдняго вѣдомства». Быть можетъ, только одно было общимъ у всѣхъ: каждый одинаково зналъ, что, кромѣ всѣхъ затрудненій русскаго управленія, источники которыхъ лежали въ условіяхъ внѣшнихъ, внутри государственнаго механизма лежали не меньшія трудности, связанныя съ тѣмъ, что надъ ними сидѣлъ старый Горемыкинъ, а надъ старымъ Горемыкинымъ лежала таинственная, не поддававшаяся никакому учету и никакимъ предвидѣніямъ, вѣчно измѣнчивая и кореннымъ образомъ невѣрная сфера «верховной власти».

Отчетливой работой русскаго бюрократическаго механизма, созданнаго Сперанскимъ, верховная власть превращена была, съ дѣловой точки зрѣнія, въ «послѣднюю инстанцію» въ этомъ механизмѣ. Императоръ былъ высшимъ чиновникомъ, дальше котораго некуда было посылать бумаги на подпись и который съ воспитанными традиціею аккуратностью и точностью давалъ свою подпись и вѣнчалъ такимъ образомъ бюрократическую іерархію. Даже «высочайшія помѣты» на докладахъ министровъ, подлежавшія оглашенію, редактировались въ нѣдрахъ администраціи. Поскольку монархъ былъ этимъ «верховнымъ чиновникомъ» и тщательно выполнялъ свои іерархическія функціи на верхней ступени чиновничьей лѣстницы, русскій государственный аппаратъ работалъ безъ большихъ перебоевъ и поломокъ. Но время отъ времени императоръ силой вещей оказывался внѣ твердыхъ рамокъ текущей бюрократической работы и изъ верховнаго чиновника превращался въ носителя собственной воли и собственной власти. Случалось это въ царствованіе императора Николая II въ двухъ основныхъ формахъ. Во-

первыхъ, монархъ смѣнялъ и назначалъ министровъ. Здѣсь рутина бюрократическаго производства помочь не могла, ибо на лицо были акты какъ бы «метабюрократическіе», въ которыхъ свобода собственныхъ вкусовъ и безотвѣтственныхъ вліяній была полной. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ которыхъ монархъ имѣлъ свои мысли или свои тенденціи, подчиненный бюрократическій механизмъ — хотя бы просто въ порядкѣ облегченія движенія машины — приспособлялся къ этимъ мыслямъ и тенденціямъ. Но какъ ни скромна была эта сфера самостоятельнаго почина и самодержавной воли по сравненію съ тѣмъ, что за императоромъ записано по Основнымъ Законамъ, монархъ, въ лицѣ Николая II, оставался факторомъ существеннаго значенія въ общей экономіи русской государственной власти. Призывъ генерала Поливанова въ засѣданіи совѣта министровъ 16 іюля 1915 г. обратиться къ Николаю II и сказать ему, что «приближается, быть можетъ, послѣдній часъ», не былъ пустой формулой, а отвѣчалъ реальности: безъ монарха или противъ монарха нельзя было спасти положеніе. И всѣ тѣ, весьма разные люди, которые сидѣли рядомъ съ Поливановымъ, знали это очень хорошо, и такъ же, какъ онъ, понимали, что, если существовали еще шансы избѣгнуть катастрофы, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы мѣры спасенія имѣли за себя монарха. А. Н. Яхонтовъ записалъ такъ результатъ засѣданія: «Призывъ Военнаго Министра встрѣтилъ горячій откликъ въ Совѣтѣ Министровъ. Рѣшено уполномочить И. Л. Горемыкина и А. А. Поливанова представить Его Величеству единодушное ходатайство Правительства о неотлагательномъ созывѣ военнаго совѣта, причемъ докладчики обязаны указать Государю, что мѣра эта обуславливается не только военной необходимостью, но и соображеніями внутренней политики, ибо населеніе недоумѣваетъ по поводу внѣшне безучастнаго отношенія Царя и Его Правительства къ переживаемой на фронтѣ катастро-

фѣ. Съ своей стороны отдѣльные Министры, при очередныхъ всеподданнѣйшихъ докладахъ, обязались повторять Государю о настоятельности и своевременности совѣщанія Царя со своими генералами и министрами».

Но прошли недѣли, и тотъ, по существу весьма скромный, проектъ созвать чрезвычайный военный совѣтъ, который былъ выдвинутъ, не находилъ себѣ осуществленія. Ему противопоставлено было столь свойственное покойному императору пассивное сопротивленіе. Мы знаемъ теперь — благодаря обнародованію переписки его съ императрицей, — что въ сознаніи послѣдней трудности общаго положенія были совершенно ясны, и можемъ предположить, учитывая ея вліяніе на императора, что и имъ оно сознавалось. «Ахъ, мой Ники, дѣла идутъ не такъ, какъ слѣдовало бы!», писала императрица государю за двѣ недѣли до того, какъ въ совѣтѣ министровъ происходила описанная мною сцена. Но въ мистическихъ тайникахъ души императрицы зрѣли свои собственные планы спасенія, постепенно овладѣвавшіе и Николаемъ II. Со свойственнымъ ему мягкимъ и вѣжливымъ упорствомъ, императоръ уклонился, и весь паѳосъ настроенія министровъ пропалъ даромъ.

Между тѣмъ, съ каждой новой недѣлей трудности росли и становились болѣе грозными. Въ засѣданіи совѣта министровъ 24 іюля новую попытку выйти изъ мертваго штиля переживавшихся событій дѣлаетъ Кривошеинъ. Онъ не выступалъ особенно рѣзко и рѣшительно въ засѣданіи 16-го, но на этотъ разъ его рѣчь, какъ свидѣтельствуетъ А. Н. Яхонтовъ, была произнесена «съ чрезвычайной страстностью, съ захватившимъ всѣхъ подъемомъ». Онъ началъ съ того, что только-что получилъ изъ Ставки, отъ начальника штаба Януш-

кевича, письмо по вопросу о немедленномъ изданіи акта, возвѣщающаго надѣленіе землей наиболѣе пострадавшихъ и отличившихся воиновъ. «Необычайная наивность — продолжалъ Кривошеинъ — или, вѣрнѣе сказать, непростительная глупость письма начальника штаба верховнаго главнокомандующаго приводитъ меня въ содроганіе. Можно окончательно впасть въ отчаяніе. На фронтѣ все рушится, непріятель приближается къ сердцу Россіи, а ген. Янушкевичъ заботится только о томъ, чтобы отвести отъ себя отвѣтственность за происходящее. Въ прочитанномъ мною письмѣ особенно ярко проявляется это всегдашнее желаніе установить свое алиби. Со дня первыхъ неудачъ изъ Ставки начали открыто во всеуслышаніе кричать о недостаткѣ снарядовъ и бездѣйствіи тыла. Неудачи продолжались, — стали кричать, что тылъ, вмѣсто пополненій, посылаетъ однихъ стариковъ, негодныхъ къ бою. Теперь наступила катастрофа — прибѣгаютъ къ опороченію всего русскаго народа. Всѣ бездѣятельны, всѣ виноваты въ томъ, что непрестанно бьютъ насъ нѣмцы. Только Ставка безгрѣшна, только она работаетъ. Самъ же генералъ Янушкевичъ — сплошное самоупоеніе, геній, преслѣдуемый рокомъ и людской несправедливостью. Чтобы самому возвеличиться — онъ готовъ порочить всѣхъ и каждаго, даже тѣхъ, кто подъ его геніальнымъ управленіемъ безропотно умираетъ среди нескончаемыхъ отступленій и непонятныхъ неудачъ. Вѣдь если начало не хватать снарядовъ, то Ставка не могла не знать объ этомъ; почему же, предвидя надвигающееся бѣдствіе, Начальникъ Штаба не позаботился доложить своему Главнокомандующему о необходимости измѣнить планъ войны, посовѣтоваться съ ближайшими сотрудниками, а не забираться на Карпатскія выси? Почему сейчасъ, когда все летитъ вверхъ дномъ, не мѣняютъ плана, не ищутъ способовъ, чтобы противостоять врагу? Французы мобилизовали гораздо болѣе старшіе возра-

сты, и ихъ старички прекрасно сидятъ въ окопахъ. Почему же нашихъ не умѣютъ использовать, а только кричатъ о покупкѣ героевъ? Какъ генералъ Янушкевичъ имѣетъ мужество продолжать руководить военными операціями, когда онъ не вѣритъ въ армію, въ любовь къ родинѣ, въ русскій народъ. Какой сплошной ужасъ! Господа, подумайте только, въ чьихъ рукахъ находится судьба Россіи, Монархіи, всего міра. Творится что то дикое. За что бѣдной Россіи суждено переживать такую трагедію. Я не могу больше молчать, къ какимъ бы это ни привело для меня послѣдствіямъ. Я не смѣю кричать на площадяхъ и перекресткахъ, но вамъ и Царю я обязанъ сказать...» Самъ по себѣ поводъ, который привелъ Кривошеина къ этой филиппикѣ противъ Ставки, былъ, конечно, второстепеннымъ. Нѣсколько позднѣе русское правительство само обѣщало земельныя прирѣзки заслуженнымъ нижнимъ чинамъ, и никто не помнитъ теперь этого акта. Но дѣло было не въ этихъ земельныхъ прирѣзкахъ. Выливалось наружу накопленное и долго сдерживавшееся оффиціальнымъ оптимизмомъ и обязательнымъ прославленіемъ верховнаго командованія перваго года войны недовѣріе къ способностямъ ставки бороться съ непріятелемъ. Діагнозъ общаго положенія былъ, конечно, правильнымъ, и Кривошеинъ, при царившихъ настроеніяхъ, обнаруживалъ мужество, ставя этотъ діагнозъ. Какъ Поливанова въ предшествующемъ засѣданіи, его всѣ поддержали, и только премудрый старикъ Горемыкинъ сдѣлалъ оговорку, свидѣтельствующую о томъ, что онъ лучше другихъ понималъ реальность и чувствовалъ, какъ въ Царскомъ переживалась катастрофа и какой путь спасенія тамъ намѣчался въ тиши и тайнѣ. Рѣчь Кривошеина поставила снова на очередь вопросъ о чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ. Горемыкинъ замѣтилъ: «Я не возражаю противъ такой постановки, но считаю долгомъ еще разъ повторить передъ Совѣтомъ Министровъ мой настойчивый совѣтъ съ чрезвычайной осторож-

ностью говорить передъ Государемъ о дѣлахъ и вопросахъ, касающихся Ставки и Великаго Князя. Раздраженіе противъ него принимаетъ въ Царскомъ Селѣ характеръ, грозящій опасными послѣдствіями. Боюсь, какъ бы ваши выступленія не явились поводомъ къ тяжелымъ осложненіямъ».

Горемыкинъ былъ правъ. Въ Царскомъ Селѣ по своему волновались и по своему понимали положеніе. Еще въ последнее пребываніе Николая II въ Ставкѣ — онъ вернулся въ Царское въ концѣ іюня — императрица писала ему: ... «Я ненавижу твое пребываніе въ ставкѣ, — и многіе раздѣляютъ мое мнѣніе, такъ какъ ты самъ не видишь солдатъ, а слушаешь совѣты Н. (Николаши, т. е. вел. князя Николая Николаевича), которые не хороши и не могутъ быть хорошими. Онъ не имѣетъ права себя такъ вести и вмѣшиваться въ твои дѣла. — Всѣ возмущены, что министры ѣздятъ къ нему съ докладомъ, какъ будто бы онъ теперь государь». И далѣе, отдавая дань царившему настроенію кругомъ, императрица добавляла: «Впрочемъ, что-жъ, если надо, чтобы онъ оставался во главѣ войскъ, ничего не подѣлаешь. Всѣ неудачи падутъ на его голову, но во внутреннихъ ошибкахъ будутъ обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думаетъ, что онъ царствуетъ вмѣстѣ съ тобой. — Это все такъ невыразимо фальшиво и скверно». Ненависть императрицы къ великому князю была велика: она готова была допустить, чтобы онъ несъ на себѣ все бремя военныхъ неудачъ и почти радовалась этому, ослѣпленная своей ненавистью. Когда Николай II вернулся въ Царское, она сдѣлала все, что могла, чтобы прекратить то, что она называла «царствованіемъ» Николая Николаевича «вмѣстѣ» съ Николаемъ II. Результатъ, подтверждавшій оговорку Горемыкина, сказался очень скоро. 6 августа, въ засѣданіи совѣта министровъ, послѣ долгихъ сужденій по ряду очередныхъ вопросовъ, какъ всегда тяжелыхъ и тревожныхъ, генералъ Поливановъ

огласилъ принятое Николаемъ II рѣшеніе самому стать во главѣ арміи. Никто, кромѣ Горемыкина, не зналъ объ этомъ, и сообщеніе военнаго министра произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Поливановъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ все, чтобы предотвратить рѣшеніе, но Его Величество отвѣтилъ, что имъ все взвѣшено, что онъ сознаетъ тяжесть момента, и что тѣмъ не менѣе рѣшеніе его неизмѣнно. Горемыкинъ подтвердилъ сообщеніе Поливанова и добавилъ, отвѣчая на общее настроеніе своихъ товарищей по совѣту: «Долженъ сказать Совѣту Министровъ, что всѣ попытки отговорить Государя будутъ все равно безъ результатовъ. Его убѣжденіе сложилось уже давно. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, что никогда не проститъ себѣ, что во время русско-японской войны онъ не всталъ во главѣ дѣйствующей арміи. По его словамъ, долгъ царскаго служенія повелѣваетъ Монарху быть въ моменты опасности вмѣстѣ съ войсками, дѣля и радость и горе. Многіе изъ васъ, господа, вѣроятно, не забыли тѣхъ событій, которыя готовились вслѣдъ за объявленіемъ настоящей войны, и какъ трудно было переубѣдить Государя. Сейчасъ-же, когда на фронтѣ почти катастрофа, Его Величество считаетъ священною обязанностью Русскаго Царя быть среди войскъ и съ ними либо побѣдить, либо погибнуть. При такихъ чисто мистическихъ настроеніяхъ вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться отъ задуманнаго имъ шага. Повторяю, въ данномъ рѣшеніи не играютъ роли ни интриги, ни чьи либо вліянія. Оно подсказано сознаніемъ Царскаго долга передъ родиной и передъ измученной арміей. Я такъ же, какъ и военный министръ, прилагалъ всѣ усилія, чтобы удержать Его Величество отъ окончательнаго рѣшенія и просилъ его отложить до болѣе благопріятной обстановки. Я тоже нахожу принятіе Государемъ командованія весьма рискованнымъ шагомъ, могущимъ имѣть тяжелыя послѣдствія, но онъ, отлично понимая этотъ рискъ, тѣмъ не менѣе

не можетъ отказаться отъ своей мысли о царскомъ долгѣ. Остается склониться передъ волею нашего Царя и помочь Ему».

Объясненіе Горемыкина было правильнымъ, какъ изображеніе «мистики» принятаго царемъ рѣшенія. По существу дѣла эта мистика была и безпомощно-наивной, и трагически самоубійственной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорной и безнадежно-безысходной. Горемыкинъ понималъ безповоротность созрѣвшаго въ Царскомъ замысла и счелъ благоразумнымъ передъ нимъ склониться. Онъ оправдывалъ свою позицію, увѣряя своихъ коллегъ, «что онъ человѣкъ старой школы и для него высочайшее повелѣніе — законъ». Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній вѣрить здѣсь его искренности. Онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понимать, что онъ дѣлаетъ. Его позиція складывалась не въ томъ патріархальномъ порядкѣ, что онъ разсказывалъ, а въ порядкѣ привычной ему служебной калькуляціи, укрѣплявшейся еще свойственной ему лѣнивой увѣренностью, что все можетъ какъ-то образоваться, и что лучше напрасно не волноваться. Но остальными министрами владѣло сознаніе, что положеніе не допускаетъ ни калькуляцій, ни философскаго недѣланія. Настроеніе всѣхъ выразилъ Кривошеинъ, сказавшій: «Я давно подозрѣвалъ возможность заявленія Государемъ желанія встать непосредственно во главѣ арміи — это вполнѣ соотвѣтствуетъ его душевному складу и мистическому пониманію своего царскаго призванія. Но, какъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, я былъ далекъ отъ мысли, что этотъ вопросъ можетъ выдвинуться именно въ настоящій абсолютно неподходящій моментъ, и что облеченное до сихъ поръ монаршимъ довѣріемъ правительство будетъ поставлено лицомъ къ лицу съ предрѣшеннымъ актомъ такой величайшей исторической важности. Я совершенно согласенъ съ тѣми своими сочленами по кабинету, которые говорятъ о немедленной необходимости отговорить государя. Ставятся ребромъ судьбы

Россіи и всего міра. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словомъ — использовать всѣ доступные намъ способы, чтобы удержать Его Величество отъ безповоротнаго шага. Мы должны объяснить, что ставится вопросъ о судьбѣ династіи, о самомъ тронѣ, наносится ударъ монархической идеѣ, въ которой и сила, и вся будущность Россіи. Народъ давно уже, со временъ Ходынки и японской кампаніи, считаетъ государя царемъ несчастливцемъ и незадачливымъ. Напротивъ, популярность Великаго Князя еще крѣпка, и онъ является лозунгомъ, вокругъ котораго объединяются послѣднія надежды. Армія тоже возмущается командирами и штабами, считаетъ Николая Николаевича своимъ истиннымъ вождемъ, и вдругъ — смѣна верховнаго главнокомандованія. Какое безотрадное впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ народныхъ массахъ, и въ войскахъ! Я понимаю тѣхъ, кто говорятъ, что можно потерять равновѣсіе душевное. Нужно имѣть особенные нервы, чтобы выдержать все происходящее. Россія переживала гораздо болѣе тяжкія эпохи, но никогда не было такой, когда все дѣлается къ тому, чтобы еще усложнить и запутать и безъ того безысходное положеніе».

Кривошеинъ и солидарные съ нимъ и его настроеніемъ министры ошибались, быть можетъ, въ оцѣнкѣ того, что означало собой верховное командованіе Николая II. Попавъ въ ставку въ своемъ новомъ качествѣ, императоръ быстро попалъ въ колею ея рутины. Генералъ Алексѣевъ велъ фактически все дѣло войны, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ головой выше и Янушкевича и великаго князя. Въ узкихъ рамкахъ собственно военнаго вопроса, появленіе Николая II въ Могилевѣ не означало ни того, что съ нимъ связывалось въ сознаніи императрицы, ни того, что такъ волновало Кривошеина. Но Кривошеинъ былъ правъ, ставя общій діагнозъ положенія. Во имя спасенія страны и спасенія династіи надо было сломить волю монарха и заставить его подчиниться,

вмѣсто мистики, политической реальности. Для страны въ ту минуту отозваніе великаго князя значило собой окончательный разрывъ съ нею, ибо такъ или иначе, правильно или неправильно, заслуженно или незаслуженно, для всей той Россіи, въ союзѣ съ которой война была начата, имя великаго князя въ тотъ моментъ было символомъ этого союза, а его отсылка — символомъ разрыва. Напряженность этого чувства хорошо изображаетъ сцена, записанная А. Н. Яхонтовымъ. 11 августа, во время засѣданія совѣта министровъ, Кривошеину доложили, что пріѣхалъ М. В. Родзянко для переговоровъ по важному дѣлу. Кривошеинъ вышелъ и вернулся черезъ нѣсколько минутъ, говоря, что заявилъ Родзянкѣ, что ему надо говорить не съ нимъ, а съ Горемыкинымъ. Горемыкинъ пошелъ и по возвращеніи такъ передалъ съ дрожью обиды въ голосѣ свою бесѣду: «Господинъ предсѣдатель Государственной Думы совершенно забывается и беретъ на себя подлежащую роль какого-то суперъ-арбитра. Онъ мнѣ объявилъ, что, узнавъ о намѣреніи Государя Императора смѣстить великаго князя и самому стать верховнымъ главнокомандующимъ, онъ отправился въ Царское Село и заявилъ Его Величеству о недопустимости такой перемѣны. На слова Государя о безповоротности принятаго рѣшенія, Родзянко, будто бы, отвѣтилъ, что нѣтъ безповоротныхъ рѣшеній, когда вопросъ идетъ о будущности Россіи и династіи, что Царь наша послѣдняя ставка, что армія положитъ оружіе, что въ странѣ неминуемъ взрывъ негодованія и т. п. Я думаю, что Его Императорское Величество отнесся къ Родзянкѣ не особенно благосклонно, и вотъ онъ прибылъ сюда съ требованіемъ отъ правительства рѣшительныхъ дѣйствій противъ царскаго рѣшенія, вплоть до угрозы коллективной отставки. Я ему сказалъ, что правительство дѣлаетъ въ данномъ вопросѣ все, что подсказываетъ совѣсть и сознаніе долга, и что въ подобныхъ совѣтахъ мы не нуждаемся. На это

Родзянко рѣзко воскликнулъ — я начинаю вѣрить тѣмъ, кто говоритъ, что въ Россіи нѣтъ правительства — и съ совершенно сумасшедшимъ видомъ бросился къ выходу, даже не прощаясь. Онъ настолько впалъ въ невмѣняемое состояніе, что когда швейцаръ подалъ ему палку, онъ закричалъ — къ чорту палка — и вскочилъ въ экипажъ. Видно, что это человѣкъ исключительной благовоспитанности». Родзянко былъ искреннимъ монархистомъ и человѣкомъ, конечно, весьма умѣреннымъ. Онъ говорилъ то же, что нѣсколько дней передъ тѣмъ говорилъ Кривошеинъ въ совѣтѣ министровъ. То была мысль всей страны, вѣрной исторической государственности: во имя спасенія монархіи надо было одолѣть монарха.

Но борьба за монархію противъ монарха кончилась пораженіемъ. 20 августа государь созвалъ, наконецъ, долгожданный чрезвычайный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Изъ записей о преніяхъ въ слѣдовавшемъ за нимъ очередномъ засѣданіи совѣта министровъ, сдѣланныхъ А. Н. Яхонтовымъ, можно догадаться о томъ, что тамъ происходило. Мы не знаемъ, кто говорилъ отъ имени большинства министровъ, но, повидимому, всѣ, кромѣ Горемыкина, включая морского и военнаго министровъ, всячески убѣждали государя воздержаться отъ исполненія своего намѣренія. Горемыкинъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы провалить эту точку зрѣнія, и прибѣгъ къ аргументу, который не могли ему потомъ простить его коллеги: онъ сказалъ, что оставленіе Николая Николаевича въ ставкѣ будетъ «тріумфомъ» великаго князя. Повидимому, этотъ доводъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Точка была особенно болѣзненной послѣ всего того, что внушала государю императрица, и онъ заявилъ, что на дняхъ ѣдетъ въ Ставку и приметъ верховное командованіе. На слѣдующій день большинство совѣта министровъ собралось и подписало слѣдующее письмо на имя императора: «Всеми-

лостивѣйшій Государь. — Не поставьте намъ въ вину наше смѣлое и откровенное обращеніе къ Вамъ. Поступить такъ насъ обязываетъ всеподданнѣйшій долгъ, любовь къ Вамъ и Родинѣ и тревожное сознаніе грознаго значенія совершающихся нынѣ событій. — Вчера, въ засѣданіи Совѣта Министровъ, подъ Вашимъ личнымъ предсѣдательствомъ, мы повергли передъ Вами единодушную просьбу о томъ, чтобы Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ отстраненъ отъ участія въ верховномъ командованіи арміей. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смѣемъ думать, всей вѣрной Вамъ Россіи. — Государь, еще разъ осмѣливаемся Вамъ высказать, что принятіе Вами такого рѣшенія грозитъ, по нашему крайнему разумѣнію, Россіи, Вамъ и династіи Вашей тяжелыми послѣдствіями. — На томъ же засѣданіи воочію сказалось коренное разномысліе между Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и нами въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри страны событій и въ установленіи образа дѣйствій правительства. Такое положеніе, во всякое время недопустимое, въ настоящіе дни гибельно. — Находясь въ такихъ условіяхъ, мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные: — Петръ Харитоновъ. — Александръ Кривошеинъ. — Сергѣй Сазоновъ. — Петръ Баркъ. — Князь Н. Щербатовъ. — Александръ Самаринъ. — Графъ Павелъ Игнатьевъ. — Князь Всеволодъ Шаховской. 21 августа 1915 г.». Письмо осталось безъ отвѣта и безъ результата.

Одолѣла мистическая формула императрицы, подкрѣпленная хитрыми, но запоздалыми — ибо онъ скоро ушелъ отъ власти — служебными расчетами И. Л. Горемыкина. Совѣтъ министровъ капитулировалъ передъ молчаливымъ упорствомъ Николая II. Даже крупные люди въ немъ не рѣшились уйти или искать новыхъ путей для возобновленія борьбы.

Остался нѣкоторое время, пока окончательно не отчаялся, въ частности и Кривошеинъ, единственный изъ всѣхъ, кто былъ на уровнѣ такой задачи. Продолжалась лишь невыносимая распря съ Горемыкинымъ въ совѣтѣ министровъ, всѣхъ нервировавшая и совершенно безплодная послѣ того, что случилось.

Мы знаемъ теперь, что борьба была тяжела и побѣдителю. Побѣдилъ, въ сущности, не государь, а государыня. Ея письмо къ Николаю II, посланное вслѣдъ за его отъѣздомъ въ Ставку для принятія командованія, вскрываетъ все, что было пережито послѣднимъ въ дни этой борьбы: «Ты, наконецъ, показываешь себя государемъ, настоящимъ самодержцемъ, — пишетъ она 22 августа, — безъ котораго Россія не можетъ существовать. — Если бы ты пошелъ на уступки въ этихъ разнообразныхъ вопросахъ, они бы еще больше вытянули изъ тебя. — Единственное спасеніе въ твоей твердости.— Я знаю, чего тебѣ это стоитъ, и ужасно за тебя страдаю! Прости меня, — умоляю мой ангелъ, — что не оставляла тебя въ покоѣ и приставала къ тебѣ такъ много. Но я слишкомъ знала твой исключительно мягкій характеръ, и тебѣ пришлось преодолѣть его на этотъ разъ и побѣдить, одному противъ всѣхъ. — Это будетъ славная страница твоего царствованія и исторіи Россіи — вся исторія этихъ недѣль и дней. Богъ, который справедливъ и около тебя, спасетъ твою страну и престолъ черезъ твою твердость».

Какъ удивительно звучатъ эти слова, послѣ всего того, что потомъ случилось. Ибо мы знаемъ, что побѣда, о которой говорила императрица, была въ дѣйствительности тяжелымъ пораженіемъ русской монархіи. Она знаменовала собой не только разрывъ Николая II со страной, съ которой онъ, можетъ быть, никогда по настоящему связанъ не былъ, но его разрывъ съ организованной бюрократіей, сохранившей въ своихъ рукахъ еще много накопленныхъ исторіей

силъ и навыковъ. Тотъ совѣтъ министровъ 1915 г., который развалился въ результатѣ сейчасъ описаннаго кризиса, былъ послѣднимъ правительствомъ стараго порядка, заслуживавшимъ этого имени. Съ тѣхъ поръ сквозь облако мистики императрицы на верхъ стали пробираться подлинные проходимцы и жулики, а всѣ тѣ, кто хранилъ еще въ себѣ государственную традицію, осуждены были на безнадежныя попытки спасать послѣдніе остатки русскаго государственнаго достоянія.

В. Д. НАБОКОВЪ ВЪ 1917 Г.*)

Позвольте подѣлиться съ Вами воспоминаніями о В. Д. Набоковѣ въ 1917 г. Я не думаю, чтобы намѣреніе говорить объ этомъ періодѣ его жизни нуждалось въ длинномъ оправданіи. Я имѣю личныя основанія избрать этотъ періодъ, ибо за эти мѣсяцы непрерывно и ежедневно встрѣчался съ Набоковымъ. Но не въ этомъ дѣло. И не въ томъ, чтобы за тревожные мѣсяцы, пережитые тогда Россіей, Набоковъ игралъ первенствующую роль въ событіяхъ, ихъ направлялъ: ибо этого не было — къ ущербу для блага Россіи. Скажу больше — въ личной судьбѣ Набокова, какъ государственнаго человѣка и политика, 1917 годъ не былъ крупнымъ внутреннимъ этапомъ развитія и роста. Наблюдая его на пространствѣ двухъ десятковъ лѣтъ, я всегда поражался тѣмъ, что Набоковъ всегда былъ равенъ самому себѣ. Эту особенность его умственной и нравственной фигуры подтвердятъ всѣ,

---

*) Прочтено въ торжественномъ засѣданіи Юридическаго общества въ Парижѣ, посвященномъ памяти В. Д. Набокова, трагически убитаго въ 1922 г. въ Берлинѣ.

кто близко его зналъ, и кто его любилъ и понималъ. Въ немъ была рѣдкая жизненная логика, укрѣпляемая выдающимися качествами самообладанія и душевнаго равновѣсія.

И за всѣмъ тѣмъ, все же 1917-й годъ для Набокова, какъ для всѣхъ русскихъ поголовно, отъ малаго до большого, былъ годомъ затраты такихъ дозъ умственной и нравственной энергіи, съ которыми не сравнятся затраты никакого иного года, пережитаго людьми нашихъ поколѣній, — несмотря на то, что, конечно, никакимъ другимъ русскимъ поколѣніямъ не досталось переживать все, что мы переживали съ начала XX вѣка и еще до конца не пережили. Въ этой затратѣ всѣхъ *душевныхъ силъ,* безъ остатка, въ этомъ потокѣ смѣняющихъ другъ друга радости и отчаянія, надеждъ и разочарованій, побѣдъ и пораженій, тріумфовъ и униженій, калибръ каждаго изъ насъ, его способность думать и дѣйствовать, его энтузіазмъ и его трезвость, измѣрялись лучше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой періодъ развитія русскаго народа и русскаго общества. Поэтому, говоря о Набоковѣ въ 1917 году, я говорю о немъ за періодъ величайшаго испытанія, поставленнаго его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, за мѣсяцы его напряженнѣйшей работы и напряженнѣйшихъ размышленій о судьбахъ страны, ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ.

Набоковъ, какъ и вся политическая группа, къ которой онъ принадлежалъ, не былъ повиненъ въ событіяхъ, вызвавшихъ паденіе старой русской власти. Но съ первой минуты, когда выяснилась неминуемость этого паденія, въ немъ, — какъ и въ другихъ людяхъ его политическаго круга, — стало ясно сознаніе отвѣтственности за открывавшееся политическое наслѣдіе. Историческій приговоръ о наслѣдникахъ царской власти произнесенъ еще не былъ, и его точно предугадать никто не могъ, какъ не зналъ царь Борисъ, что ему наслѣдуютъ Гришка Отрепьевъ и Тушинскій воръ. Но презум-

тивный наслѣдникъ былъ на лицо. То былъ верхній кругъ независимой, не связанной съ бюрократическимъ аппаратомъ русской интеллигенціи. Чувство отвѣтственности ея вождей за судьбу государства, парализовавшееся въ нѣкоторыхъ доктринерствомъ и государственною невоспитанностью, въ другихъ личнымъ честолюбіемъ, было необыкновенно ярко въ Набоковѣ. Вспоминая сейчасъ день 3 марта, первый революціонный день, пріобщившій его къ только что начавшему кристаллизоваться новому государственному порядку, я въ этомъ владѣвшемъ имъ сознаніи отвѣтственности резюмировалъ бы всего Набокова. Его не занимала отвлеченная схема революціи. Отъ служилыхъ предковъ онъ унаслѣдовалъ совершенно конкретное знаніе русской государственной машины. Онъ боролся съ начала вѣка за ея перестройку, но онъ зналъ, что подъ предлогомъ перестройки нельзя было остановить ея движеніе, и что сломавшіяся ея части надо было, не теряя ни одной минуты, замѣнить новыми. Выборгское воззваніе лишило его избирательныхъ правъ, и въ началѣ революціи онъ былъ призваннымъ на военную службу прапорщикомъ запаса, въ тотъ моментъ сидѣвшимъ въ одномъ изъ учрежденій Главнаго Штаба: съ начала войны онъ не принималъ никакого участія въ политической жизни, но естественно, о немъ тотчасъ же вспомнили въ самые первые революціонные дни. Ни минуты не колеблясь, не взвѣшивая сдѣланнаго ему предложенія на вѣсахъ личнаго честолюбія и личной политической карьеры, онъ сталъ управляющимъ дѣлами, какъ говорилось въ ту минуту, «Совѣта Министровъ» или «Временнаго Правительства», какъ стали говорить нѣсколько дней спустя, ибо новая власть не знала первоначально, есть ли она новый составъ министровъ, или средоточіе русской верховной власти. Я засталъ Набокова вечеромъ 3-го марта въ одной изъ комнатъ Таврическаго Дворца, пытающагося въ невѣроятномъ хаосѣ и сумбурѣ, со свойственной ему методич-

ностью и чувствомъ порядка, наладить, во исполненіе обязанностей по новому званію, первыя отправленія новой власти, изданіе «Правительственнаго Вѣстника» и обнародованіе первыхъ актовъ новаго режима. Я никогда не забуду обстановки этого вечера. Казалось, весь возставшій гарнизонъ Петербурга съ улицъ влился въ Таврическій дворецъ, перемѣшавшись съ другой толпой частью знакомыхъ и частью не знакомыхъ мнѣ людей въ штатскомъ, искавшихъ сплотиться вокругъ двухъ выкристализовавшихся уже въ эту минуту центровъ — новаго совѣта министровъ и повторявшагося по прецедентамъ 1905 г. совѣта рабочихъ депутатовъ. И пока мы втроемъ — Набоковъ, Милюковъ и я — судили о томъ, какъ намъ озаглавить для обнародованія за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ подписанный актъ отказа отъ престола Великаго Князя Михаила, насъ прервали чтеніемъ телеграммъ о матросской расправѣ съ адмиралами и офицерами въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ.

Не буду прерывать цѣпи личныхъ воспоминаній — она ведетъ меня къ Набокову въ первую половину того же памятнаго дня, къ его, вдохновлявшемуся тѣмъ же чувствомъ отвѣтственности за государственный корабль въ мятежныхъ волнахъ тѣхъ дней, участію въ оформленіи новой власти. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и готовили обнародованіе акта Великаго Князя, вошелъ молодой человѣкъ, котораго я раньше никогда не видѣлъ, и который оказался министромъ финансовъ М. И. Терещенкой, и попросилъ меня идти съ нимъ въ засѣданіе новыхъ министровъ, чтобы подумать о томъ, какъ издавать первый новый законъ новой власти. Мы не безъ труда протиснулись въ какую-то новую комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько министровъ — помню Шингарева, Годнева, В. Львова, Некрасова. Терещенко объяснилъ, что надо сегодня же увеличить эмиссіонное право государственнаго банка, такъ какъ денежныхъ знаковъ можетъ не хватить въ ближайшій

срокъ. Шингаревъ и Годневъ сказали, что, по ихъ мнѣнію, законъ надо издать по 87 статьѣ основныхъ законовъ. Напоминаю, что эта статья предоставляла верховной власти, Государю Императору, издавать въ перерывы занятій Государственной думы указы съ силой закона, подлежавшіе затѣмъ внесенію въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Послѣ всего, что случилось, юридическое построеніе было довольно фантастическимъ, но ничего другого не приходило въ голову. Отъ меня ждали совѣта, какъ отъ государствовѣда. Я долженъ былъ разсказать, — чего никто изъ присутствовавшихъ не зналъ, очевидно, изъ-за царившаго сумбура, — что три часа передъ тѣмъ Великій Князь Михаилъ подписалъ актъ, въ которомъ провозглашалъ «полноту власти» Временнаго Правительства впредь до созыва Учредительнаго Собранія, и что такимъ образомъ Временное Правительство должно было само, внѣ всякой 87-й статьи, впредь издавать законы. Кажется, въ первую минуту всѣмъ это показалось весьма неожиданнымъ, но спорить было трудно, и законодательныя полномочія Временнаго Правительства были признаны. Въ хаосѣ, царившемъ кругомъ, появлялась какая-то точка опоры для построенія новой законности.

Въ созданіи этой точки опоры Набоковъ былъ главнымъ участникомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Временномъ Правительствѣ, напечатанныхъ въ I-омъ томѣ Архива Русской Революціи, Набоковъ разсказалъ, какъ мы писали съ нимъ актъ отказа отъ власти Великаго Князя. Событіе такъ важно въ русской исторіи, что вы не посѣтуете на меня, если рядомъ съ его воспоминаніями я поставлю свои. 3 марта послѣ завтрака я сидѣлъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ на Дворцовой Площади. Позвонилъ телефонъ, и я услышалъ, какъ всегда, ровный и неторопливый голосъ Набокова, сказавшаго: — «бросьте все, возьмите первый томъ свода законовъ и сейчасъ же приходите на Милліонную, такой-то номеръ, въ квартиру

князя Путятина». Черезъ десять минутъ меня вводили въ комнату съ дѣтскимъ учебнымъ столикомъ дочки хозяевъ, въ которой оказался Набоковъ и В. В. Шульгинъ. Наскоро Шульгинъ разсказалъ свою поѣздку въ Псковъ, подписаніе акта отреченія отъ престола Императора Николая и рѣшительный отказъ утромъ того же дня Великаго Князя принять престолъ. Набоковъ добавилъ, что надо составить объ этомъ манифестъ для Великаго Князя и что набросокъ имѣется, составленный Некрасовымъ. Набросокъ былъ чрезвычайно несовершененъ и явнымъ образомъ не годился. Мы тотчасъ же стали его писать заново. Первый составленный нами проектъ — мы втроемъ взвѣшивали каждое слово — такъ же какъ и Некрасовскій набросокъ — былъ изложенъ, какъ манифестъ, и начинался словами — Мы Божіей милостью Михаилъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.... Въ проектѣ Некрасова было сказано только, что Великій Князь отказывается принять престолъ и передаетъ рѣшеніе о формѣ правленія Учредительному Собранію. Что будетъ происходить до того, какъ Учредительное Собраніе будетъ созвано, кто напишетъ законъ о выборахъ, и т. д. — обо всемъ этомъ онъ не подумалъ. Набокову было совершенно ясно, что при такихъ условіяхъ единственная имѣвшаяся на лицо власть — Временное Правительство — повиснетъ въ воздухѣ. По общему соглашенію мы внесли въ нашъ проектъ слова о полнотѣ власти Временнаго Правительства. Набоковъ своимъ превосходнымъ почеркомъ, сидя за маленькимъ учебнымъ столомъ, переписалъ проектъ и отнесъ его въ сосѣднюю комнату Великому Князю. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени Великій Князь пришелъ къ намъ, чтобы сказать свои замѣчанія и возраженія. Онъ не хотѣлъ, чтобы актъ говорилъ о немъ, какъ о вступившемъ на престолъ монархѣ, и просилъ, чтобы мы вставили фразу о томъ, что онъ призываетъ благословеніе Божіе и проситъ — въ нашемъ проектѣ было написано «повелѣваемъ» —

русскихъ гражданъ повиноваться власти Временнаго Правительства. Поправки были внесены, актъ еще разъ переписанъ Набоковымъ и одобренъ — кажется, съ новыми маленькими поправками — Великимъ Княземъ. Къ этому времени подъѣхалъ князь Г. Е. Львовъ, Родзянко и Керенскій. Великій Князь сѣлъ за тотъ же маленькій столъ, подписалъ манифестъ, всталъ и обнялъ князя Львова, пожелавъ ему всякаго счастья. Великій Князь держалъ себя съ безукоризненнымъ тактомъ и благородствомъ, и всѣ были обвѣяны сознаніемъ огромной важности происходившаго. Керенскій всталъ и сказалъ, обращаясь къ Великому Князю: «Вѣрьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесемъ драгоцѣнный сосудъ Вашей власти до Учредительнаго Собранія, не расплескавъ изъ него ни одной капли».

Актъ 3 марта, въ сущности говоря, былъ единственной конституцiей періода существованія Временнаго Правительства. Съ ней можно было прожить до Учредительнаго Собранія — конечно, реально осуществляя формулу «полноты власти».

Старая русская административная традиція дѣлала должность управляющаго дѣлами совѣта министровъ — Временнаго Правительства — важнымъ механизмомъ въ машинѣ правительственной власти. Принявъ эту традицію, Набоковъ стремился сдѣлать все, что могъ, чтобы превратить назвавшее себя Временнымъ Правительствомъ, на дѣлѣ чрезвычайно случайное собраніе людей, смотрѣвшихъ въ разныя стороны и объединенныхъ въ одно цѣлое прибоемъ революціонной волны, въ подлинную власть. Но задача эта была невыполнима въ обстановкѣ той минуты. Въ залу Маріинскаго Дворца, куда переѣхало Правительство въ первые дни своего существованія, была принесена атмосфера Таврическаго Дворца 3 Марта 1917 г. Набоковъ тратилъ всю свою энергію, весь свой духъ порядка, чтобы вытравить эту атмосферу, но уже

въ первый мѣсяцъ онъ горько жаловался на безнадежность этой цѣли. Я вспоминаю вечеръ, когда мы вызваны были съ Кокошкинымъ въ Маріинскій дворецъ для объясненій по вопросу о подготовкѣ къ созыву Учредительнаго Собранія. Когда мы пришли, Набоковъ объяснилъ намъ, что нѣтъ никакой возможности добиться опредѣленнаго часа начала засѣданія. Дѣйствительно, оказалось, что только въ какую-то минуту между двѣнадцатью и часомъ ночи — собралось достаточно министровъ, чтобы начать засѣданіе. Насъ просили обождать, пока не кончится разговоръ съ представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Стекловъ въ теченіе двухъ часовъ по-очереди вытаскивалъ изъ кармана разныя телеграммы и письма съ фронта, излагавшія всякія, облеченныя въ революціонный жаргонъ, кляузы о «бонапартизмѣ» генерала А., о контръ-революціонности старшаго врача Б., о сношеніяхъ съ нѣмцами (было и это въ карманахъ нынѣшняго редактора московскихъ «Извѣстій») полковника В., и т. д. Я видѣлъ, сидя противъ Набокова, какое страданіе причиняла ему эта сцена. Чувство отвѣтственности за то крупное дѣло, которое на себя взяло русское общество, его не покидало ни на одну минуту, онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы удержать экипажъ на прямой дорогѣ, но обстановка была такова, что экипажъ неминуемо тянуло въ трясину.

Набоковъ считалъ правильнымъ, чтобы близкіе ему по партіи члены Временнаго Правительства держались въ немъ до конца. Никто не зналъ тогда, можетъ-ли, юридически, членъ Временнаго Правительства вообще подать въ отставку, и проводимая Набоковымъ линія — оставаться до конца въ составѣ правительства — отвѣчала этому первоначальному пониманію организаціи временной власти. Послѣдовательно ведя ее, онъ лично оставался управляющимъ дѣлами и послѣ ухода Милюкова, обнаружившаго первый глубокій кризисъ власти, ухода, вызваннаго совмѣстными усиліями Керенскаго

и Альбера Тома. Но послѣ этого перваго кризиса продолжать долго работу управляющаго дѣлами Временнаго Правительства было уже подвигомъ внутренней дисциплины и самоотреченія, котораго безполезность съ каждымъ днемъ дѣлалась все яснѣе и яснѣе. Вскорѣ Набоковъ ушелъ и былъ назначенъ сенаторомъ только что обновленнаго перваго департамента.

Онъ вернулся къ свободной публицистикѣ и свободной политической работѣ. То, что онъ говорилъ друзьямъ, надо было теперь высказать громко, сдѣлать предметомъ политической проповѣди, — опять во имя того же чувства общей отвѣтственности русскаго общества за все, что свершилось, за всѣ вечера со Стекловымъ, за весь потокъ словъ, за все бездѣйствіе власти.

Передо мною появившаяся 25 мая статья Набокова подъ названіемъ «Практическіе уроки». Напечатанная въ «Вѣстникѣ партіи Народной Свободы», она сугубо интересна, ибо опредѣляетъ, куда хотѣлъ Набоковъ направить свою партію. Она исполнена глубокаго пессимизма. «Чудодѣйственная быстрота, какая-то волшебная легкость переворота, сразу опрокинувшаго безъ остатка весь насквозь прогнившій фасадъ стараго порядка, — подлинный энтузіазмъ, охватившій всѣхъ, единодушное признаніе новаго строя всей страной и Западной Европой, безчисленныя выраженія довѣрія и готовности поддерживать Временное Правительство, — все это сулило успѣхъ и благополучіе, сулило прочность и плодотворность фактической республики». «Что же сталось?» — спрашиваетъ себя Набоковъ. — «Въ какую бы область государственной жизни мы ни взглянули, вездѣ встаютъ не радужныя картины, а какіе-то зловѣщіе признаки разложенія и гибели. И общее душевное состояніе все болѣе начинаетъ походить на старое, дореволюціонное. Какъ тогда люди сознательные, отдающіе себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлается кругомъ, съ тревогой задавали себѣ и другъ другу вопросъ — что же даль-

ше? и гдѣ выходъ? — такъ и теперь нѣтъ другого вопроса. За исключеніемъ политически безсознательныхъ массъ и кучки анархически настроенныхъ сознательныхъ элементовъ, сейчасъ нѣтъ никого, кто бы не испытывалъ этой мучительной тревоги....» И вотъ его заключеніе: — «Во Франціи существуетъ взглядъ, что великая французская революція должна быть принята цѣликомъ, en bloc. И этотъ взглядъ понятенъ и законенъ. Возможно, что и будущіе русскіе историки черезъ сто лѣтъ согласятся принять русскую революцію en bloc. Но мы, современники, — мы, участники, не можемъ теперь же встать на высоту исторической перспективы. Для насъ въ этомъ живомъ процессѣ превращенія есть и то, за что мы боремся, и то, противъ чего мы будемъ бороться. И когда мы боремся противъ эксцессовъ и злоупотребленій, противъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ революціи, мы сильны однимъ сознаніемъ: мы сильны увѣренностью, что въ этой борьбѣ мы отстаиваемъ великія и плодотворныя ея подлинныя начала».

Набоковъ былъ однимъ изъ первыхъ, имѣвшихъ смѣлость всенародно сказать то, что я сейчасъ привелъ. Онъ былъ, конечно, не одинъ въ этомъ діагнозѣ, уже и въ этотъ ранній мѣсяцъ существованія Временнаго Правительства. Но все же кругомъ господствовалъ наскоро сколоченный оффиціальный оптимизмъ въ оцѣнкѣ всего, что творилось, а рядомъ съ нимъ еще и тенденція — всего ярче представленная тогда въ несоціалистической интеллигенціи Некрасовымъ — построить весь расчетъ на томъ, чтобы, какъ тогда говорилось, поймать революціонную волну и на ея гребнѣ основать вліяніе и власть. Набоковъ былъ слишкомъ уравновѣшенъ и трезвъ, чтобы дать себя убаюкивать казенно-революціоннымъ оптимизмомъ, и слишкомъ честенъ, чтобы принять маккіавелизмъ Некрасова.

Этотъ вопросъ: «что же дальше? и гдѣ выходъ?» — эта

патріотическая тревога за будущее опредѣляютъ всю дальнѣйшую дѣятельность Набокова лѣтомъ и осенью 1917 г.

Всѣ помнятъ, какъ ставился тогда этотъ вопросъ. Онъ слагался изъ положенія внѣшняго и положенія внутренняго. Сознаніе связи между войной и революціей, необходимости выбрать между «борьбой до побѣднаго конца» и организаціей нормальной государственной жизни въ новыхъ формахъ, было въ тѣ мѣсяцы далеко не всеобщимъ. Напротивъ того, оно казалось тогда скорѣе грѣховной и запретной политической ересью. Царствовала концепція Милюкова: революція была сдѣлана, чтобы успѣшно завершить войну — одинъ изъ наивнѣйшихъ самообмановъ этой богатой всякими фикціями эпохи. Оглядываясь сейчасъ назадъ съ тѣмъ спокойствіемъ, которое даетъ утекшее время, я долженъ сказать, что среди соціалистовъ, игравшихъ въ то время первенствующую роль, у Дана, Гоца, Скобелева, даже Керенскаго, у А. Я. Гальперна, смѣнившаго Набокова въ качествѣ опекуна надъ порядкомъ во Временномъ Правительствѣ и также безнадежно подавленнаго сумбуромъ входившихъ въ его составъ людей, сознаніе невозможности въ одно и то же время вести войну и канализовать революцію было гораздо болѣе яснымъ, чѣмъ у оффиціальныхъ вождей кадетовъ. Но соціалисты рѣдко умѣли грамотно выразить свою политику и знали только трафареты своихъ интернаціоналовъ по принадлежности, товаръ, не имѣвшій международнаго обращенія и мало внутренняго въ западно-европейскихъ странахъ, союзныхъ и непріятельскихъ.

Когда Набоковъ, Аджемовъ, Винаверъ и я въ первый разъ попытались доказывать въ нѣдрахъ кадетскаго центральнаго комитета на Французской набережной 8, что надо свернуть съ путей нашего классическаго имперіализма, мы столкнулись съ самымъ упорнымъ сопротивленіемъ. Милюковъ со свойственной ему холодной отчетливостью доказывалъ, что цѣли

войны должны быть достигнуты, что нельзя говорить о мирѣ, пока не будетъ создана Югославія и т. д. Генералъ Алексѣевъ, ходившій тогда къ кадетамъ и числившійся въ нашемъ партійномъ спискѣ по выборамъ въ Учредительное Собраніе, развивалъ мысль, что армія можетъ быть поднята, только бы найти твердую архимедову точку приложенія рычага, который ее подыметъ. Наша группа спрашивала, гдѣ же лежитъ эта точка, и не получала отвѣта. К. Н. Соколовъ — бывшій тогда краснорѣчивымъ глашатаемъ истинъ подлинной кадетской внѣшней политики, со свойственными ему блескомъ и обыкновенностью рѣчи, разбивалъ наши построенія. Послѣ нашихъ совѣщаній, въ которыхъ Набоковъ выступалъ, какъ осторожный вождь всей партіи, считавшійся съ настроеніями всѣхъ ея крыльевъ, мы составили для собиравшагося тогда предпарламента проектъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, осторожно говорившій о мирѣ по общему рѣшенію союзниковъ. Но насъ и, больше всего, меня, дѣйствовавшаго съ меньшимъ чувствомъ партійной отвѣтственности, провалили огромнымъ большинствомъ голосовъ. Я не буду вспоминать другого совѣщанія — проходившаго около этого времени у кн. Гр. Н. Трубецкого, гдѣ вопросъ о продолженіи войны былъ поставленъ еще болѣе рѣшительно и рѣзко. Набоковъ разсказалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и я не буду повторять его разсказа. Но я долженъ добавить, что я такъ же отчетливо запомнилъ, какъ и Набоковъ, это собраніе. Въ самомъ дѣлѣ, ни разу раньше и ни разу позже Набоковымъ, Коноваловымъ и другими не была такъ ясно и просто формулирована та дилемма, къ которой Россію прижали событія — разумный миръ или неминуемое торжество Ленина.

Набоковъ чрезвычайно интересовался въ то время вопросами внѣшней политики. Шла рѣчь, по почину М. И. Терещенки, о назначеніи его посломъ въ Лондонъ, — куда, какъ извѣстно, Временное Правительство всѣхъ составовъ такъ и не

нашло времени назначить своего представителя. Конечно, болѣе блестящаго выбора нельзя было сдѣлать среди тогдашнихъ правительственныхъ и общественныхъ верховъ, чѣмъ Набоковъ, для поста русскаго посла въ Лондонѣ. У него были всѣ данныя — глубокая умственная культура и свѣтское воспитаніе, превосходная политическая школа и великолѣпное знаніе языковъ, самообладаніе и настойчивость, гибкость и находчивость. Но планъ посылки Набокова въ Лондонъ не осуществился — я не помню уже по какой причинѣ. Онъ остался въ Петербургѣ бороться за вторую часть своего отвѣта на вопросъ — «что же дальше и гдѣ выходъ?»

То была уже область внутреннихъ политическихъ отношеній революціонной России. Мы видѣли его пониманіе задачъ, которыя стояли на очереди. Въ огромномъ хаосѣ, въ который превратился весь русскій міръ, надо было найти и укрѣпить «великія и подлинныя начала русской революціи».

Эти начала были Набоковымъ записаны въ актѣ отреченія Великаго Князя Михаила: сильное правительство, ведущее страну къ Учредительному Собранію... «Посему — кончался этотъ актъ, — призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

Была ли ошибочна эта концепція или нѣтъ, я подробно судить здѣсь не буду. Ставка на русское народовластіе была безспорно бита. Но слѣдовало ли изъ этого, что должна была ставиться другая задача, и что другая задача могла быть вообще тогда поставлена. Я глубоко убѣжденъ, что, отдавъ всѣ свои силы торжеству этой политической концепціи, Набоковъ не

ошибался, что унаслѣдованныя человѣчествомъ отъ двухъ французскихъ революцiй идеи учредительной власти и всеобщей подачи голосовъ, въ Россiи такъ же, какъ безчисленное множество разъ въ другихъ странахъ, могли сослужить огромную организацiонную роль. Но надо было, чтобы къ Учредительному Собранiю вела страну сильная власть, способная черезъ народную волю строить, а не разрушать.

Набоковъ съ величайшимъ интересомъ и огромнымъ вниманiемъ отдался стоявшей на очереди задачѣ правовой организацiи. Если эпоха короткаго существованiя Временнаго Правительства дала рожденiе ряду совершенно выдающихся по своимъ внутреннимъ достоинствамъ законодательныхъ актовъ — погребенныхъ вмѣстѣ съ собой Временнымъ Правительствомъ въ его крушенiи, — то въ этомъ заслуга, прежде всего, двухъ людей — Набокова и Кокошкина. Въ Юридическомъ Совѣщанiи при Временномъ Правительствѣ и въ совѣщанiи по составленiю закона о выборахъ въ Учредительное Собранiе оба они стояли въ первомъ ряду. Юридическое Совѣщанiе было маленькой, быстро спѣвшейся коллегiей юристовъ, и работа въ ней была легка и прiятна. Но комиссiя по составленiю закона о выборахъ въ Учредительное Собранiе была многоголовымъ сборищемъ, почти парламентомъ, и тѣмъ, кто, какъ Набоковъ, принималъ въ ней дѣятельное участiе, приходилось преодолѣвать величайшiя трудности. Я хорошо помню Набокова въ качествѣ предсѣдателя редакцiонной комиссiи совѣщанiя, при обсужденiи правилъ о выборахъ на фронтѣ. Надо думать, что соотвѣтствующая часть положенiя о выборахъ навсегда останется единственнымъ въ своемъ родѣ прецедентомъ въ исторiи избирательнаго права. Всеобщiе выборы въ ихъ самой современной и тончайшей постановкѣ приходилось примѣнить въ полевыхъ окопахъ, лицомъ къ лицу съ нѣмецкой тяжелой артиллерiей. Сколько настойчивости, выдержки и политики надо было вкладывать въ эту ра-

боту, чтобы не сдѣлать изъ выборовъ на фронтѣ простого предлога для дезертирства. Приходилось съ трудомъ отбиваться отъ максимализма лѣвыхъ коллегъ, частью все еще не успѣвшихъ къ тому времени научиться государственному дѣлу.

Въ концѣ концовъ, работа была закончена, и выборы назначены. Но обстановка, въ которой имъ надлежало протекать, была окончательно испорчена. Если въ маѣ мѣсяцѣ, когда Набоковъ писалъ свой призывъ не брать en bloc русской революціи, можно было еще питать какія-то иллюзіи, то въ осенніе мѣсяцы, когда въ Собраніи узаконеній стали одна за другой появляться отдѣльныя части положенія о выборахъ въ Учредительное Собраніе, власть оказалась окончательно расшатанной.

Ее всячески чинили и подмазывали за эти мѣсяцы. Набоковъ быстро — послѣ ухода съ должности управляющаго дѣлами Временнаго Правительства — занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ составѣ руководителей кадетской партіи, принималъ участіе во всѣхъ безконечныхъ эпизодахъ междупартійныхъ переговоровъ «о конструкціи власти», какъ тогда говорилось. Онъ приходилъ въ полное отчаяніе. Людьми въ ту минуту владѣли въ Россіи слова, не воля. Психозъ словъ порождалъ безысходное всеобщее безволіе. Отъ «полноты власти» остались только безсильные жесты. Набоковъ вкладывалъ во всѣ эти попытки столковаться съ лѣвыми и помочь бѣдѣ самую строгую добросовѣстность и добрую волю. Даже близкимъ онъ не сознавался въ томъ, что въ послѣдніе мѣсяцы Временнаго Правительства было, я убѣжденъ, его внутреннимъ смертнымъ приговоромъ февральской революціи. Онъ пользовался, я знаю, довѣріемъ лѣвыхъ и всегда защищалъ публично и въ партіи, такъ называемый, «коалиціонный» принципъ.

Оставалась послѣдняя надежда и послѣдняя ставка —

Учредительное Собраніе. Набоковъ баллотировался и былъ избранъ. Онъ дѣятельно велъ предвыборную кампанію, постоянно выступая на митингахъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи. Продолжалась работа и другого рода. Послѣ закрытія совѣщанія по выработкѣ закона объ Учредительномъ Собраніи въ качествѣ его преемницы оставалась дѣйствовать, для руководства выборами и разъясненія избирательнаго закона, такъ называемая, «Всероссійская Комиссія по выборамъ въ Учредительное Собраніе». В. Д. Набоковъ былъ ея товарищемъ предсѣдателя. Вы помните, что выборы въ Учредительное Собраніе происходили послѣ большевицкаго переворота. Комиссія продолжала засѣдать, слѣдя ежедневно, какъ рушилась всякая законная почва для выборовъ. Въ качествѣ товарища предсѣдателя комиссіи Набоковъ подписалъ 8 ноября воззваніе отъ имени комиссіи, кончавшееся словами: «Тягчайшая отвѣтственность передъ родиной падетъ на всѣхъ, кто дерзнетъ покуситься на правильность избранія Учредительнаго Собранія, съ которымъ вся страна связываетъ нынѣ свои надежды». Эти слова были заключительнымъ аккордомъ всей организаціонной работы эпохи Временнаго Правительства, кануномъ послѣдняго пораженія организаціонной формулы февральской революціи. Черезъ нѣсколько дней въ засѣданіе Всероссійской Комиссіи вошелъ взводъ солдатъ, принесшій собственноручно написанное распоряженіе Ленина объ арестѣ «кадетско-оборонческаго состава» комиссіи; В. Д. Набоковъ и всѣ мы были отведены въ Смольный.

Въ спорахъ послѣднихъ лѣтъ о русской революціи я не чувствовалъ сознанія глубокой трагичности всего того, что тогда свершилось. Разбиралось, кто повиненъ и въ чемъ, одни искали въ судьбахъ ея уроковъ и предостереженій для будущаго, другіе доказывали, что надо вернуться къ ея завѣтамъ. Но надъ всѣми этими спорами, по мнѣ, господствуетъ одинъ, стоящій внѣ всякаго спора, фактъ: съ попыткой по-

строить русское народовластіе связало себя, такъ или иначе, въ той или другой формѣ, какъ участники или какъ оппозиція, съ вѣрой или безвѣріемъ, огромное большинство русскаго общества, все, что было въ немъ лучшаго. Я старался напомнить вамъ сегодня, что вложилъ въ эту попытку В. Д. Набоковъ. Весь его разумъ и вся его воля, весь его сдержанный и культурный, но глубокій внутренній энтузіазмъ, все отдано было государственному дѣлу въ эту трагическую полосу русскаго историческаго развитія. Вмѣстѣ съ другими Набоковъ потерпѣлъ пораженіе. Но можно ли забыть, что оно было пораженіемъ всего, что было въ народѣ истинно цѣннаго. «Роковая, родная страна», сказано въ стихотвореніи Блока. Да, и то, и другое вмѣстѣ: роковая и родная. Року ея была принесена жертва Набокова. Но онъ отдалъ себя родинѣ.

КАКЪ СОВЕРШИЛСЯ ОКТЯБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

Празднуя юбилеи, до которыхъ они большіе охотники, большевики издали не мало данныхъ, касающихся исторіи переворота 25 октября 1917 г. Нѣкоторые важные матеріалы были обнародованы и за рубежомъ. И все же, множество документовъ, касающихся этого событія, до сихъ поръ оставалось подъ спудомъ. Большевики не опубликовали ихъ, потому что они были имъ невыгодны, а зарубежные сборники естественно питались матеріалами болѣе или менѣе случайными. С. С. Ольденбургу пришла въ голову счастливая мысль заполнить эти пробѣлы, обратившись къ русскимъ газетамъ того времени; въ нихъ, по тогдашнимъ условіямъ, печаталось множество всякаго рода сообщеній, актовъ, прокламацій, отчетовъ о всякихъ собраніяхъ и т. д., съ тѣхъ поръ основательно забытыхъ. По счастью, въ Парижѣ, въ Музеѣ войны, имѣется превосходная коллекція русскихъ газетъ за весь революціонный періодъ. Задача, поставленная С. С. Ольденбургомъ, оказалась выполнимой, и была выполнена имъ со свойственной ему тщательностью и умѣніемъ. Въ большомъ томѣ, посвященномъ «Большевицкому государственному переворо-

ту» *) и изданномъ фирмой Пайо, имъ воспроизведены изъ старыхъ газетъ, совѣтскихъ и зарубежныхъ публикацій, всѣ основные документы за эти, едва ли не самые трагическіе, дни русской исторіи. С. С. Ольденбургъ снабжаетъ эти документы короткими замѣчаніями фактическаго характера. Болѣе подробный комментарій и не нуженъ. Документы говорятъ за себя, изображая часъ за часомъ и день за днемъ подлинное теченіе борьбы и съ яркостью отражая ея основные факторы.

Какъ ни живо сохранились въ памяти всѣхъ, кто былъ въ Петербургѣ въ моментъ переворота, всѣ подробности того, что происходило, все же — благодаря полнотѣ собранныхъ въ книгѣ данныхъ и ихъ послѣдовательности — передъ нашимъ умственнымъ взоромъ весь этотъ безумный циклъ событій встаетъ какъ бы заново. Намъ становятся болѣе ясными ихъ внутренній механизмъ, пружины, приводившія въ движеніе отдѣльныхъ людей и ихъ массы, роль и отвѣтственность каждаго изъ элементовъ, изъ которыхъ складывалась тогдашняя русская историческая обстановка.

Попытаемся на основаніи собраннаго С. С. Ольденбургомъ богатаго матеріала отвѣтить — какъ произошелъ переворотъ.

За двѣ недѣли до 25 октября, Ленинъ, скрывавшійся до того въ Финляндіи, пробрался въ Петербургъ и появился въ засѣданіи центральнаго комитета большевистской партіи. Собрались въ немъ, кромѣ Ленина, Зиновьевъ, Каменевъ, Сталинъ, Троцкій, Свердловъ, Урицкій, Дзержинскій, Коллонтай, Бубновъ, Сокольниковъ, Ломовъ. Всѣ эти главари спокойно пребывали въ Петербургѣ и отдавались обычному ежедневному политиканству тогдашнихъ лѣвыхъ группъ,

*) Le coup d'Etat bolchéviste 20 octobre — 3 décembre 1917, Recueil de documents traduits et annotés par Serge Oldenbourg. *Payot, Paris,* 1929.

занимались борьбой вокругъ перевыборовъ въ совѣты, всероссійскій и петербургскій, агитировали на фронтѣ, произносили рѣчи на всякихъ, всѣмъ надоѣвшихъ, митингахъ, вели безконечные переговоры съ сосѣдними группами, которыхъ было безконечное множество, писали революціонныя статьи въ газетахъ, обличали Керенскаго и Терещенко, словомъ, жили изо дня въ день въ хаотической обстановкѣ, сложившейся послѣ неудачи Корниловскаго переворота. Произносились революціонные лозунги, «вся власть совѣтамъ», «демократическій миръ», «долой Временное Правительство» и т. д. Анархія лила воду на большевицкую мельницу, и партія одерживала успѣхи; петербургскій совѣтъ перешелъ въ ея руки, были твердыя надежды, что и въ совѣтѣ всероссійскомъ большинство умѣренныхъ соціалистовъ будетъ замѣнено большинствомъ большевицкимъ. Но никто изъ руководителей большевизма изо всей этой ежедневной революціонной рутины выходить не хотѣлъ и не рѣшался. На засѣданіи центральнаго комитета, на которомъ появился Ленинъ, и съ котораго начинается исторія переворота, по обычаю докладывалась сначала эта революціонная «вермишель», можно-ли допустить на румынскомъ фронтѣ коалицію большевистскихъ элементовъ съ другими соціалистами, какъ быть со съѣздомъ литовцевъ въ Москвѣ и т. д. Ленинъ выслушалъ всѣ эти мелочи и попросилъ слова. Онъ сказалъ, что съ сентября мѣсяца въ рядахъ партіи чувствуется равнодушіе къ идеѣ возстанія. Это недопустимо, если принимать въ серьезъ лозунгъ захвата власти совѣтами. Нельзя терять времени, и пора обдумать технику переворота. Рѣшающій моментъ близокъ. — Протоколъ засѣданія свидѣтельствуетъ, что рѣчь Ленина застала всѣхъ врасплохъ, и большинство не очень вѣрило, что въ самомъ дѣлѣ надо и можно дѣйствовать. Такъ, Урицкій замѣтилъ, что, дѣйствительно, принимается множество резолюцій и не предпринимается никакихъ дѣйствій, но что нельзя возлагать большихъ

надеждъ на петербургскихъ рабочихъ, что, если ужъ оріентироваться въ сторону возстанія, надо что-то дѣлать въ этомъ направленіи и выработать какой-то планъ. Хаосъ настроеній и отсутствіе всякой привычки дѣйствовать ярко отражались въ этихъ мало увѣренныхъ сужденіяхъ. Но Ленинъ настоялъ, и была принята... новая «резолюція», признававшая, что вооруженное возстаніе «неизбѣжно и совершенно созрѣло». Резолюція не заключала въ себѣ ни малѣйшихъ конкретныхъ плановъ, она лишь приглашала партію исходить въ своихъ дѣйствіяхъ изъ признанія неизбѣжности возстанія. Впрочемъ, и самъ Ленинъ не имѣлъ никакихъ проектовъ сколько-нибудь конкретнаго содержанія. Если его резолюція была вотирована большинствомъ присутствующихъ, то скорѣе именно потому, что въ ней не было ничего опредѣленнаго. Однако, «сильныя головы» центральнаго комитета — Зиновьевъ и Каменевъ — вотировали противъ, и въ длиннѣйшемъ обращеніи къ мѣстнымъ партійнымъ комитетамъ на слѣдующій день послѣ засѣданія доказывали, что возстаніе не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Единственное, на что, кромѣ резолюціи, рѣшился центральный комитетъ, было избраніе политическаго бюро, въ которое попали всѣ присутствовавшіе, кромѣ Свердлова, Урицкаго, Дзержинскаго, Коллонтай и Ломова. Но объ этомъ политическомъ бюро ничего не было слышно за все послѣдующее время, оно никакой роли въ событіяхъ не играло.

Комитетъ собрался, резолюція была принята, и затѣмъ все пошло своимъ чередомъ. Ленинъ опять скрылся въ Финляндіи и занялся полемикой съ Зиновьевымъ и Каменевымъ. А кругомъ продолжалась та же безсмысленная революціонная сутолока. Керенскій придумалъ послѣ Корниловскаго возстанія «предпарламентъ», странное сборище правыхъ и лѣвыхъ партій, съ неопредѣленными полномочіями, которое должно было какъ бы заполнить пустоту, въ которой жили въ ожида-

ніи выборовъ въ Учредительное Собраніе. Предпарламентъ засѣдалъ, обсуждалъ положеніе и вотировалъ переходы къ очереднымъ дѣламъ. Къ этому сводилась «большая политика» этихъ недѣль.

Единственный центръ, въ которомъ чувствовалось движеніе, и что-то назрѣвало, былъ петербургскій совѣтъ, которымъ руководилъ Троцкій. Но и въ этомъ центрѣ никто не принималъ за чистую монету калькуляцій Ленина. Происходило нѣчто гораздо болѣе скромное, чѣмъ планомѣрная и сознательная подготовка государственнаго переворота. Со свойственнымъ ему темпераментомъ и задоромъ, Троцкій боролся съ военной властью Петербурга изъ-за вліянія на гарнизонъ, единственную реальную опору въ будущемъ захватѣ власти. Несмотря на неимовѣрное количество всякихъ комитетовъ и комиссаровъ — въ которыхъ сидѣли по преимуществу всякіе, лишенные таланта и опьяненные словесными упражненіями предшествующихъ мѣсяцевъ, дѣятели типа Станкевича — гарнизонъ все же оставался въ рамкахъ формальнаго подчиненія командующему петроградскимъ военнымъ округомъ, каковымъ былъ тогда всѣмъ памятный «полковникъ Полковниковъ», одинъ изъ быстро созрѣвшихъ въ горячей температурѣ революціонныхъ фруктовъ, своего рода революціонный Хабаловъ. Будущая исторія разберетъ, откуда правительство вытаскивало всѣхъ этихъ передовыхъ полковниковъ. Командующій округомъ былъ полонъ оффиціальнаго оптимизма. За двѣнадцать дней до переворота онъ объяснялъ петербургской печати, что гарнизонъ города «настолько сознателенъ», что не допуститъ безпорядковъ. Когда слухи о выступленіи большевиковъ усилились, онъ вывѣсилъ на улицахъ объявленія, въ которыхъ весьма разумными аргументами старался доказать вредъ анархіи. Противъ этихъ жалкихъ остатковъ когда-то могущественной военной организаціи и были направлены усилія Троцкаго, въ началѣ

борьбы едва ли непосредственно думавшаго о болѣе отдаленныхъ перспективахъ захвата верховной власти по Ленину. Онъ дѣйствовалъ по своему весьма искусно. Дѣло было представлено солдатамъ такъ, что временное правительство и военное начальство собираются отправить революціонный петроградскій гарнизонъ на фронтъ и, воспользовавшись этимъ, устроить новую «корниловщину»; воинскія части Петрограда приглашались «спасти революцію» и отказаться отъ повиновенія замысламъ начальства. Солдатамъ было мало дѣла до спасенія революціи, но имъ несомнѣнно не хотѣлось на фронтъ. Создавалась такимъ образомъ, необыкновенно благопріятная почва для агитаціи, и эта агитація незамѣтно и невольно переходила въ мятежныя дѣйствія. Троцкій провелъ въ петроградскомъ совѣтѣ въ ночь съ 16 на 17 октября, т. е. примѣрно за недѣлю до переворота, образованіе «военно-революціоннаго комитета», съ довольно еще неопредѣленной миссіей препятствовать выводу войскъ на фронтъ. Затѣмъ имъ сдѣланъ былъ второй шагъ, неизмѣнно вытекавшій изъ перваго, но сдѣланъ не сразу и, повидимому, не безъ нѣкоторыхъ колебаній и безъ яснаго представленія, куда онъ ведетъ. Черезъ четыре дня послѣ образованія революціоннаго комитета, 21-го, Троцкій созвалъ въ Смольный делегатовъ отъ всѣхъ расквартированныхъ въ Петербургѣ полковъ и произнесъ горячую рѣчь, въ которой сообщалъ о выборѣ военно-революціоннаго комитета и говорилъ на обычную тему: «вся власть совѣтамъ». Другой большевикъ, Лашевичъ, обѣщалъ собраннымъ делегатамъ «демократическій миръ», добавляя, что, если народы германской коалиціи не примутъ этого мира, то большевики станутъ въ первыхъ рядахъ и поведутъ противъ врага дѣйствительно «революціонную войну» — добавка чрезвычайно характерная и свидѣтельствовавшая, насколько чудовищной еще казалась тогда мысль о заключеніи того мира, который нѣсколько мѣсяцевъ

спустя былъ окрещенъ самимъ Ленинымъ хорошо памятнымъ и мало пригоднымъ для печати словомъ. Увлеченныя краснорѣчіемъ Троцкаго, сѣрыя шинели послушно вотировали поддержку военно-революціонному комитету во всѣхъ его дѣйствіяхъ, «дабы — говорилось въ резолюціи, — тѣснымъ образомъ, въ интересахъ революціи, связать фронтъ и тылъ». Что это точно значило, конечно, никто не понималъ, и понять было невозможно. Въ ту же ночь, съ 21-го на 22-е, значитъ, за три дня до переворота, делегаты военно-революціоннаго комитета явились въ штабъ округа, къ Полковникову, который отказался ихъ признать. Комитетъ телефонограммой оповѣстилъ объ этомъ «конфликтѣ» гарнизонъ столицы и окрестностей, заявляя, что защита «революціоннаго порядка» отнынѣ является дѣломъ самихъ солдатъ, кончая словами: «Революція въ опасности. Да здравствуетъ революціонный гарнизонъ».

Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней анархія петербургскаго гарнизона была превращена Троцкимъ въ первыя революціонныя дѣйствія.

Хотя всѣ эти собранія, резолюціи и обращенія были рѣшительно всѣмъ извѣстны, и о нихъ печаталось во всѣхъ газетахъ, они производили весьма мало впечатлѣнія. Въ потокахъ революціонной фразы притупилось всякое чувство реальности. Керенскій, министры, вожди всѣхъ партій, сами въ теченіе ряда мѣсяцевъ говорили на томъ же языкѣ, что и Троцкій, въ тысячахъ такихъ же собраній, резолюцій и обращеній, а проявленіемъ анархіи вотъ уже семь мѣсяцевъ никого нельзя было удивить. И, тѣмъ не менѣе, ощущеніе, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, все-таки проснулось и въ петроградскомъ штабѣ, и во временномъ правительствѣ. Но оно появляется у нихъ въ самую послѣднюю минуту. У военнаго начальства Петербурга первые проблески его обнаруживаются за четыре дня до переворота. 22-го, одновре-

менно съ упомянутой уже телефонограммой военно-революціоннаго комитета, Полковниковъ созвалъ у себя въ штабѣ представителей гарнизона, но никого не собралось, а на слѣдующій день военный комиссаръ петроградскаго военнаго округа — посланникъ умѣреннаго всероссійскаго совдепа въ штабѣ — Малевскій, обратился съ воззваніемъ къ ротнымъ, батальоннымъ, полковымъ и бригаднымъ комитетамъ гарнизона съ воззваніемъ, на томъ же самомъ революціонномъ жаргонѣ, о которомъ я уже говорилъ: онъ убѣждалъ гарнизонъ, что малѣйшая искра гражданской войны пойдетъ на пользу «врагамъ революціи», и въ тысячный разъ говорилъ о «спасеніи революціи».

Керенскій спохватился нѣсколько позже, чѣмъ штабъ округа, но его реакція была весьма похожа на реакцію комиссара Малевскаго. Онъ хорошо зналъ все, что творилось въ Смольномъ за послѣдніе дни, что, впрочемъ, было неудивительно, такъ какъ все безъ исключенія печаталось въ газетахъ, но почувствовалъ потребность что-то предпринять лишь 24-го октября, примѣрно, за полсутокъ до объявленія вооруженныхъ дѣйствій военно - революціоннымъ комитетомъ. Потребность эта вылилась въ большой «министерской» рѣчи въ предпарламентѣ. Это курьезное учрежденіе благодушно продолжало дѣлать свою «большую политику»: 23 октября Мартовъ еще «интерпеллировалъ» правительство на тему о томъ, нотифицировало ли оно иностраннымъ государствамъ объявленіе въ Россіи республики, и принималъ къ свѣдѣнію утвердительный отвѣтъ Терещенко. Къ этому, жившему цѣликомъ въ мірѣ тѣней и призраковъ собранію, Керенскій и обратился, когда — наканунѣ переворота — рѣшилъ «дѣйствовать». Дѣйствіе это состояло въ томъ, что онъ очень краснорѣчиво и съ обычнымъ подъемомъ разсказалъ о замыслахъ большевиковъ на основаніи, главнымъ образомъ, газетныхъ статей Ленина (который продолжалъ сидѣть въ

своемъ убѣжищѣ и писать рѣзкія статьи противъ противниковъ вооруженнаго возстанія), назвалъ его «государственнымъ преступникомъ», что, по тогдашнимъ временамъ, было признакомъ нѣкоторой смѣлости, и патетически спросилъ сидѣвшихъ на скамьяхъ большой залы Маріинскаго дворца членовъ «Совѣта Республики», «можетъ ли правительство исполнить свой долгъ въ увѣренности, что имѣетъ поддержку высокаго собранія». Сказавъ все это, онъ уѣхалъ, а «высокое собраніе» стало обсуждать, дастъ ли оно эту «поддержку» или нѣтъ. Въ мірѣ тѣней и призраковъ такой поддержкой могла быть только «резолюція». Но и въ этой резолюціи Керенскому отказали. Реалисты изъ лѣвыхъ группъ, сидѣвшіе въ предпарламентѣ и въ центральномъ исполнительномъ комитетѣ всероссійскаго совѣта, типа Дана и Мартова, носились за эти дни — при нѣкоторомъ, полномъ маккіавелизма, поощреніи со стороны Троцкаго — съ идеей новой «коалиціи», коалиціи умѣренныхъ соціалистовъ съ большевиками. Укрѣплять антибольшевицкій пылъ Керенскаго не соотвѣтствовало ихъ видамъ. Прошелъ, въ концѣ концовъ, переходъ къ очереднымъ дѣламъ лѣвыхъ группъ, носившій характеръ маленькой нотаціи, прочтенной Керенскому.

Дальнѣйшая исторія этого голосованія, весьма обидѣвшая Керенскаго, не интересна. Событія шли мимо. Еще въ серединѣ его рѣчи въ предпарламентѣ А. И. Коноваловъ передалъ ему перехваченную только что телеграмму военно-революціоннаго комитета къ полкамъ. Въ немъ звучали ноты, которыя даже на привыкшее къ анархіи ухо тогдашнихъ офиціальныхъ руководителей судебъ Россіи не могли не казаться тревожными. Она начиналась словами: «Петроградскій совѣтъ въ опасности» и приказывала привести полки въ боевое положеніе. Вечеромъ того же дня Троцкій въ петроградскомъ совѣтѣ въ послѣдній разъ расширилъ діапазонъ своей агитаціи, обвиняя Керенскаго въ мобилизаціи юнкеровъ и

въ томъ, что временное правительство спѣшитъ использовать предстоящіе дни, чтобы «вонзить кинжалъ въ спину революціи», а военно-революціонный комитетъ расклеилъ обращеніе къ жителямъ столицы, начинавшееся словами: «Контръ-революція подняла свою преступную голову».

Но эта «контръ-революція», въ лицѣ Керенскаго, продолжала поджидать поддержки «Совѣта Республики» и торговаться о дозахъ, въ которыхъ Данъ и Мартовъ хотѣли ее отпустить. Тѣмъ временемъ, военно-революціонный совѣтъ перешелъ свой рубиконъ. Кто именно принялъ это рѣшеніе, мы до сихъ поръ точно не знаемъ. Конечно, не отсутствовавшій Ленинъ. Вѣроятно, оно было просто-напросто неизбѣжнымъ завершеніемъ всей агитаціи предшествовавшихъ дней. Ночью съ 24-го на 25-ое октября комитетъ приказалъ войскамъ занять главные пункты города. Примѣрно, за два-три часа до того, какъ этотъ приказъ началъ выполняться, въ третьемъ часу той же ночи, Керенскій отправилъ командующему Сѣвернымъ фронтомъ генералу Черемисову телеграмму о посылкѣ казачьихъ дивизій съ фронта. По произведенному тотчасъ же въ штабѣ фронта расчету первые четыре полка могли прибыть въ Петербургъ 26 октября, а остальные въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ дней. Только батальонъ самокатчиковъ могъ попасть въ столицу къ концу дня, 25-го. Какъ потомъ оказалось, его, впрочемъ, кто-то успѣлъ распропагандировать по дорогѣ. Самъ Керенскій выѣхалъ навстрѣчу этимъ войскамъ. Что изъ этого послѣдовало, всѣмъ извѣстно. Но послѣднія военныя дѣйствія Временнаго Правительства уже не исторія, а историческій анекдотъ.

Подлинная исторія совершалась въ столицѣ. Собственно, военныхъ дѣйствій 25 октября никакихъ не было, ибо они не понадобились. Поднятыя Троцкимъ части заняли городъ и окружили Зимній Дворецъ, въ которомъ засѣло Временное

Правительство. Описаніе того, какъ все случилось, съ необыкновенной выпуклостью дано въ телеграммѣ Полковникова, отправленной верховному главнокомандующему около полудня 25 октября: «Доношу, что положеніе въ Петроградѣ угрожающее. Уличныхъ выступленій, безпорядковъ нѣтъ, но идетъ планомѣрный захватъ учрежденій, вокзаловъ, аресты. Никакіе приказы не выполняются. Юнкера сдаютъ караулы безъ сопротивленія, казаки, несмотря на рядъ приказаній, до сихъ поръ изъ своихъ казармъ не выступали. Сознавая всю отвѣтственность передъ страною, доношу, что Временное Правительство подвергается опасности потерять власть, причемъ нѣтъ никакихъ гарантій, что не будетъ попытки къ захвату Временнаго Правительства». Гарантій дѣйствительно не было. Въ два часа дня въ Смольномъ появился Ленинъ, чтобы пожать плодъ того, что было завоевано фразой Троцкаго и потеряно фразой его предшественниковъ.

«ВОЗСОЕДИНЕНІЕ» УКРАИНЫ

Въ промежутокъ времени между своимъ исчезновеніемъ съ украинскаго горизонта во второй половинѣ 1919 г. и своимъ вторичнымъ появленіемъ на политической сценѣ, въ качествѣ претендента на комиссарскую должность въ совѣтской Украинѣ, Винниченко написалъ трехтомную исторію «Возрожденія націи» — разумѣется, украинской. Она напечатана въ Вѣнѣ и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытна*).

Винниченко, симпатіями котораго я не пользуюсь, называетъ меня въ своей исторіи «фаховцемъ по украиножерству», или, по русски, «спеціалистомъ по украиноѣдству». Мнѣ хотѣлось бы поговорить о книгѣ Винниченко не въ этомъ качествѣ. Оно присвоено мнѣ по счетамъ, по которымъ прошелъ срокъ давности: — они относятся къ тому времени, когда Винниченко пріѣзжалъ изъ Кіева вести переговоры съ Временнымъ Правительствомъ о забытой, вѣроятно, теперь всѣми «Инструкціи Украинскому Генеральному

*) В. Винниченко, Відроження нації, І-Ш, Киев. Відень, 1920.

Секретаріату», и когда я, по его впечатлѣнію, «вироблялъ» эту инструкцію «съ такою ехидною посмишечкою».

Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и то, что разсказалъ Винниченко въ своихъ трехъ томахъ, занимаетъ меня, не какъ матеріалъ для полемики. Винниченко вполнѣ правъ, что тѣ короткіе «протяги» времени, которые онъ описываетъ, вмѣщаютъ въ себѣ огромное національное, политическое и соціальное содержаніе. Авторъ былъ близокъ къ событіямъ, минутами игралъ въ нихъ первенствующую роль, и собранныя имъ данныя уже поэтому цѣнны для пониманія того, что съ 1917 г. переживается южной Россіей. Простимъ Винниченко, что его соціалъ-демократическое мышленіе банально — онъ разсуждаетъ о «борьбѣ классовъ» и о прочемъ такъ, какъ это полагается людямъ его уровня — но зато используемъ бойкость его пера и живость его разсказа, которыя безспорны, чтобы съ ихъ помощью возстановить пестрый рядъ историческихъ сценъ, пережитыхъ Украиной.

Первая сцена. «Качаясь на бурливыхъ волнахъ революціи, Временное Правительство неслось туда, куда неслась вся масса народныхъ, весеннихъ, освободившихся волнъ. Оно радостно и щедро кидало на всѣ стороны свободы, права и обѣщанія». Что случилось тогда на Украинѣ? Винниченко говоритъ, что въ моментъ революціи не было и рѣчи объ украинскомъ сепаратизмѣ. «Мы стали частью — органической, живой, охочей частью — единаго цѣлаго. Всякій сепаратизмъ, всякое отмежеваніе себя отъ революціонной Россіи казалось смѣшнымъ, абсурднымъ, безцѣльнымъ. Для чего? Гдѣ мы найдемъ больше того, что теперь имѣемъ въ Россіи. Гдѣ на всемъ свѣтѣ есть такой широкій, демократическій, всеобъемлющій ладъ. Гдѣ такая неограниченная свобода слова, собраній, организацій, какъ въ новой великой революціонной державѣ. Гдѣ одинаково обезпечены права всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и эксплуатируемыхъ, какъ въ Новой Россіи. —

Только голоса немногихъ «схоластиковъ» раздавались за «самостійность»; громадное большинство объединилось вокругъ формулы: «Украинцы. Громодяне. Подпирайте новый державный ладъ...»

И тѣмъ не менѣе, въ этотъ самый первый моментъ революціоннаго экстаза, оффиціально родилось украинство, какъ одно изъ проявленій этого экстаза. Въ корнѣ его лежало то настроеніе безграничныхъ возможностей и безудержныхъ требованій, которое такъ характерно для всей Россіи въ тѣ мѣсяцы. «Сознательныхъ украинскихъ силъ было мало», свидѣтельствуетъ Винниченко. Но въ то время не справлялись съ настроеніями окружающихъ: политическія заявки дѣлались въ революціонномъ порядкѣ. Одной изъ такихъ заявокъ была кіевская центральная рада, вмѣстѣ со всѣми ея, наскоро сколоченными, радикальнѣйшими требованіями, сталкивавшимися съ остатками традицій старой русской государственности, хранившимися въ Петербургѣ.

Винниченко чрезвычайно высоко цѣнитъ итоги перваго періода центральной рады съ точки зрѣнія пробужденія украинскихъ настроеній въ южно-русскихъ массахъ. Его живая и правдивая характеристика этихъ массъ въ періодъ временнаго правительства заставляетъ, однако, весьма скептически отнестись къ такой оцѣнкѣ. «Селянинъ съ соціальной природы своей реалистъ. Онъ — цѣнитъ явленія не по ихней идеальной, возможной цѣнности, а съ точки зрѣнія реальной, немедленной корысти... Къ государству довѣрія не было. Вѣрить можно было только тѣмъ, кто скинулъ царя и стражниковъ и былъ противъ помѣщиковъ. Только своимъ можно было вѣрить. Солдатъ былъ тотъ, кто скинулъ царя. Никто не имѣлъ на селѣ больше довѣрія, авторитету, какъ солдатъ. И не офицеръ, не унтеръ, а простой, «рядовой» солдатъ... Русскіе демократы, разумѣется, были правы, когда сказали, что «хохлы» — селяне сами не знали, что та-

кое «федеративная». Дѣйствительно, они не знали, что это такое, но вѣрили, «своимъ людямъ», которые говорили по простому, которые сами были съ Украины, которые, въ общемъ, вѣрно знали, что требуется «нашимъ людямъ» тамъ на Украинѣ... Селянъ учили со всѣхъ сторонъ... звали къ себѣ, манили обѣщаніями, — селяне на все только крутили головами и говорили: «И хведеративна....»

Я боюсь, что центральная рада оставалась, несмотря на это — «И хведеративна», — такъ же мало «своей» для украинскаго селянина, какъ всякая другая сила, хоть сколько нибудь стоявшая на почвѣ закона и права. Украинскій селянинъ болѣлъ всероссійской болѣзнью: «скинувъ» царя, онъ хотѣлъ «скинуть» еще и помѣщика.

Послѣ большевицкаго переворота, Центральная Рада и ея министерство, генеральный секретаріатъ, во главѣ съ Винниченкой, остались одни на Украинѣ. «Третій Универсалъ» (20 ноября 1917 г.) — провозгласилъ будто-бы дорогую селянамъ формулу: «И хведеративна». Событія показали, что отъ того не прибавилось ни іоты авторитета и власти украинской «державности». Она могла теперь, констатируетъ Винниченко, творить свою жизнь по собственному «образу и подобію». Но она не только не создала ея, не только не спасла Украины отъ большевизма, но безусловно подчинилась всероссійскому «образу и подобію».

Винниченко отдѣлывается отъ необходимости признать въ торжествѣ всероссійской анархіи на югѣ Россіи свидѣтельство основного единства всей русской жизни — разсужденіемъ, которое есть, конечно, простая игра словъ. Вся бѣда въ томъ, что кіевскій генеральный секретаріатъ не сумѣлъ, думаетъ Винниченко, вложить въ украинское «селянско-работничье, простое трудовое слово» необходимаго содержанія. Поэтому, пока приходилось бороться съ русскими большевиками, съ москалями, дѣло шло еще сносно, но какъ толь-

ко кіевскимъ политикамъ пришлось вступить въ конфликтъ со своими, съ украинскими, большевиками, такъ они «загубили всю свою силу», такъ «почала развиваться нехоть до борьбы съ большевиками». Винниченко не прибавляетъ: «большевиками всероссійскими», а на самомъ дѣлѣ это было, конечно, такъ; по крайней мѣрѣ, никакихъ признаковъ, специфически украинскихъ, тотъ большевизмъ, передъ которымъ спасовалъ Винниченко и его окружающіе, изъ книги его не обнаруживается.

Брестъ-Литовскъ, Голубовичъ и Скоропадскій на нѣсколько мѣсяцевъ прервали теченіе процесса совѣтизаціи Украины. И здѣсь, конечно, mutatis mutandis повторяются въ украинскихъ темахъ всероссійскія ноты, другія, чѣмъ въ только что отмѣченномъ кризисѣ конца генеральнаго секретаріата, но одинаково всероссійскія.

«Нѣмецко-гетманскій урядъ билъ себя въ грудь и присягалъ, что онъ именно и есть тотъ особо національный и безусловно демократичный, урядъ самостійной, независимой суверенной, дорогой, великой, украинской державы. Гетманъ развѣсилъ у себя по покоямъ взятые изъ музея портреты гетмановъ и, чтобы еще лучше показать украинцамъ, какой онъ особый патріотъ, началъ учить своего «наслѣдника престола» украинской мовѣ... Всѣ министры, всѣ гутники присягали, что черезъ три мѣсяца они всѣ заговорятъ по украински... А что до низшихъ чиновниковъ, то имъ категорически было заявлено, чтобы черезъ три мѣсяца всѣ заговорили по украински... Чиновники, разумѣется, не могли знать тайныхъ предположеній своей верховной власти — русской буржуазіи; но они почувствовали, что дѣется что-то безсмысленное, что не можетъ того быть, чтобы гутники и лизогубы и всѣ истинно русскіе... (пропускаю грубый эпитетъ), что засѣдали въ правительствѣ, отказались отъ русской рѣчи на корысть хохламъ, мазепинцамъ. И хоть на всякій случай они

и зубрили «собачью» грамматику и мову (такъ неоффиціально называлась украинская мова среди гутниковъ), но въ глубинѣ своихъ встревоженныхъ маленькихъ душъ были увѣрены, что все это минется и безусловно сгинетъ». И дѣйствительно сгинуло, чтобы оставить мѣсто «пятаковщинѣ», съ одной стороны, и, съ другой стороны, тѣмъ остаткамъ чистаго украинства, которые связываются въ нашихъ представленіяхъ съ именемъ С. Петлюры, украинскаго «директора» и «головного атамана».

«Пятаковщина» есть явленіе «совѣтскаго имперіализма»; въ ней нѣтъ никакого украинства. Но что такое «петлюровщина»?

Винниченко суровъ въ ея оцѣнкѣ, и, конечно, во многомъ правъ. «Безпорядокъ, дезорганизація, распадъ, деморализація. Директорія живетъ въ вагонахъ, вокругъ всякихъ нечистотъ, сору и грязи. Министры ссорятся, грызутся, торгуются, другъ друга арестовываютъ. Войска нѣтъ, только штабы и атаманы, во главѣ съ головнымъ атаманомъ — «балериною». Этотъ смѣшной и вредный для всего нашего дѣла человѣкъ ничего не видитъ, и пока есть хоть клочекъ территоріи да два-три человѣка, передъ которыми можно граціозно позировать, онъ чувствуетъ себя на сценѣ». Такова картина украинскаго правительства на желѣзнодорожномъ полотнѣ около Ровно, въ маѣ прошлаго года. Нѣсколько позднѣе картина внѣшне измѣняется къ лучшему: приходятъ галицкія войска, и Каменецъ дѣлается столицей. Но галичане приносятъ съ собой въ Каменецъ настроенія, которыя Винниченко имъ простить не можетъ; они оріентируются... на Деникина. «Каменецкая демократія, атаманщина и нефтяные патріоты» — такова послѣдняя формула украинства въ характеристикѣ Винниченко, — утверждаютъ, что Украина не дозрѣла до своей державности. Они ищутъ державности

въ Россіи. Этого имъ Винниченко, конечно, простить не можетъ.

Къ сожалѣнію, то здоровое, что пробуждалось въ Каменцѣ, — если только Винниченко не ошибается, — сознаніе, что борьба съ большевиками есть общерусское дѣло, не оказалось достаточно сильнымъ. Петлюра поѣхалъ въ Варшаву, и своимъ договоромъ съ поляками нанесъ, вѣроятно, непоправимый ударъ тому украинству, которое онъ — безъ большой славы — представлялъ послѣдній годъ. Осталось ли отъ этого украинства еще что нибудь, кромѣ застрявшихъ въ разныхъ заграничныхъ украинскихъ миссіяхъ украинскихъ «грошей»?

Винниченко думаетъ, что нѣтъ. Не буду рѣшать этого вопроса, но спрошу: что же, по мнѣнію Винниченко, осталось отъ украинства вообще. Винниченко думаетъ, — и такова конечная мораль его исторіи, — что остался онъ, Винниченко. Но и онъ пріобрѣлъ «оріентацію» за тѣ три года, что онъ описываетъ. Его программа сейчасъ — «режимъ національно-украинской совѣтской соціалистической власти».

Если эта программа осуществится, то, думаетъ Винниченко, «сгармонизуются въ одну великую, мощную силу два момента въ украинской революціи — національный и соціальный». Надо ли доказывать торжество «всероссійской оріентаціи» въ этихъ наивно-честолюбивыхъ мечтаніяхъ о с о в ѣ т с к о й Украинѣ?

Послѣ войны

ЛОКАРНО

Я не знаю въ дипломатической исторіи акта, возникшаго въ атмосферѣ столь широкой и столь энергичной рекламы, какъ та, которая окружала выработку и подписаніе Локарнскихъ договоровъ. Политическія рѣчи и политическая печать во всемъ мірѣ славословили мудрость договоровъ и предсказывали имъ огромное и свѣтлое будущее. Только въ консервативныхъ кварталахъ германскаго общественнаго мнѣнія и въ казенной печати Москвы слышались другія ноты: первые вспоминали минувшее величіе Германіи, вторая, съ обычнымъ провинціальнымъ глубокомысліемъ, разоблачала злостные замыслы буржуазныхъ политиковъ.

Но умѣлая реклама — часть современной политической механики во всякомъ, сколько-нибудь сносно оборудованномъ государствѣ, нѣчто, помѣщающееся въ одной плоскости съ кинематографомъ и радіотелефоніей. Волны этой рекламы быстро уноситъ историческій вѣтеръ, и встрѣчная волна новыхъ, часто противоположныхъ, массовыхъ политическихъ эффектовъ идетъ имъ на смѣну. Я пишу въ промежутокъ между вторымъ и третьимъ этапами, на которые раздѣлили судьбу

актовъ, подписанныхъ въ Локарно, между ихъ подписаніемъ въ Лондонѣ и вступленіемъ Германіи въ Лигу Націй, когда акты получатъ силу, и уже сейчасъ мнѣ почти не надо усилій, чтобы мнѣ не слѣпили глазъ устроенныя по поводу Локарно международныя торжества.

Далека отъ меня мысль о какомъ либо дешевомъ скептицизмѣ въ оцѣнкѣ Локарнскихъ актовъ, за которыми я признаю величайшую важность. Но, благо русское нормальное политическое размышленіе обречено на невольную объективность, свойственную стороннимъ наблюдателямъ, я дѣлаю попытку точнѣе взвѣсить значеніе того, что совершилось въ Европѣ съ подписаніемъ этихъ актовъ, взвѣсить ихъ, въ частности, съ русской точки зрѣнія.

Сто лѣтъ назадъ, въ другомъ европейскомъ провинціальномъ городѣ «союзники», нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одержавшіе тяжело имъ доставшуюся побѣду надъ одной изъ европейскихъ великихъ державъ, заключили съ побѣжденнымъ государствомъ, въ лицѣ новаго, навязаннаго ему событіями, правительства, актъ, по которому побѣдители приняли побѣжденнаго въ европейскую «систему», какъ тогда говорилось, а побѣжденный обязался поддерживать и укрѣплять эту систему, какъ давшую миръ Европѣ и единственно способную обезпечить его продолжительность. Одновременно была прекращена военная оккупація территоріи побѣжденнаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ сокращена наложенная на него контрибуція и организованы его платежи союзникамъ. Побѣжденнаго поддержало на конференціи правительство одного изъ побѣдителей, которое сумѣло навязать свою точку зрѣнія болѣе яростно настроеннымъ кабинетамъ нѣкоторыхъ державъ-побѣдительницъ. Въ день подписанія

протокола, въ которомъ санкціонировалась эта новая «европейская система», главный виновникъ ея созданія писалъ въ оффиціальномъ документѣ: «Эта система тѣснаго союза, опирающагося на трактаты, не есть болѣе дѣло минуты, средство, подсказанное наличностью какой либо опасности. Она есть нѣчто большее. Она получила и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новый характеръ прочности; она укрѣпляется и улучшается благодаря единству намѣреній, управляющихъ дѣятельностью кабинетовъ, и она оставляетъ за человѣческимъ благоразуміемъ лишь славу свято хранить то благо, которое провидѣнію угодно было, противъ всякаго ожиданія, даровать Европѣ и всему міру».

Все это происходило не въ 1925 году и не въ Локарно, а въ 1818 году и въ Аахенѣ; въ сонмъ тогдашней Лиги Націй принималась не Германія, а Франція; эвакуировали не Кельнъ, а восточные департаменты Франціи; вмѣсто плана Доуса, существовалъ планъ Беринга; пораженіе привело побѣжденныхъ отъ императорской власти не къ представительной республикѣ, но къ легитимной монархіи въ конституціонныхъ формахъ; роль посредника-примирителя исполняла, изъ странъ побѣдительницъ, не Англія, а Россія. Но забудьте объ обстановкѣ и о костюмахъ, и передъ вашимъ умственнымъ взоромъ тогда и теперь будетъ проходить одна и та же пьеса, выкроенная изъ вѣчныхъ мотивовъ борьбы и компромисса между народами. Что было послѣ Аахена, — мы знаемъ; что будетъ послѣ Локарно, намъ знать не дано. Будетъ-ли въ катастрофѣ новыхъ войнъ опять разрушена «европейская система», измѣнятся-ли опять политическія группировки, перекочуютъ-ли одни «союзники» въ лагерь другихъ «союзниковъ», гдѣ будутъ опять побѣдители, и гдѣ будутъ опять побѣжденные, — гадать не приходится. Жизнь европейскихъ государствъ остановиться не можетъ, и, какъ бы ни былъ великъ идеалъ мира, источники борьбы не оску-

дѣютъ. Но параллель Аахенъ — Локарно, курьезная въ своихъ подробностяхъ, поучительна вовсе не тѣмъ, что, послѣ мирной манифестаціи Аахенскаго конгресса, опять наступили войны, безслѣдно разрушившія воздвигнутую тогда «европейскую систему», и что ходъ исторіи можетъ уготовить ту же участь и Локарно, а характерной общностью отдѣленныхъ другъ отъ друга столѣтіемъ символическихъ актовъ завершенія двухъ крупнѣйшихъ періодовъ европейской борьбы. Ибо первое, и самое яркое, значеніе Локарно въ этомъ торжественномъ возвращеніи Германіи въ лоно европейскаго міра. «Локарнская конференція, — сказалъ Чемберленъ въ моментъ подписанія въ Лондонѣ выработанныхъ въ Локарно 16-го октября 1925 года актовъ (1-го декабря 1925 года), — укрѣпляя наши прежнія дружескія связи, дала намъ возможность примиренія съ Германіей, которую мы считаемъ отнынѣ новымъ другомъ». — «Нашими подписями мы утверждаемъ, — заявлялъ тогда же Бріанъ, — что мы будемъ имѣть миръ. Партикуляризмъ нашихъ странъ стирается въ этомъ соглашеніи, и съ нимъ стираются дурныя воспоминанія. Если Локарнскія соглашенія этого собой не знаменуютъ, то они не знаменуютъ собой ничего существеннаго».

Именно, какъ актъ примиренія съ Германіей, Локарнскіе договоры произвели огромное впечатлѣніе на міровое общественное мнѣніе. Я сказалъ, что актъ этотъ былъ символичнымъ. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной строкѣ обширныхъ дипломатическихъ документовъ, подписанныхъ въ Локарно, объ этомъ примиреніи не сказано. Можно быть совершенно увѣреннымъ, что огромное большинство тѣхъ, кто радовался символическому значенію Локарно, не читало подписанныхъ въ Локарно текстовъ, а, если читало, то не могло ихъ понять, — настолько технически запутанными и сложными вышли эти тексты изъ профессіональныхъ рукъ собранныхъ въ Локарно юристовъ и дипломатовъ. Но, если бы акты и читались, то въ

нихъ нельзя было бы прочесть какъ разъ того, что производило впечатлѣніе. Правда, въ нихъ сказано, что Германія войдетъ въ Лигу Націй. Но, всякій знаетъ, что она войдетъ въ нее въ своихъ интересахъ, войдетъ, чтобы созданный въ Версалѣ дипломатическій механизмъ пересталъ быть простой эманаціей противогерманской политической коалиціи, а сталъ, въ мѣрѣ возможности, орудіемъ и для германской внѣшней политики. Не въ этомъ предстоящемъ появленіи Германіи въ Женевѣ и не въ другихъ подробностяхъ Локарнскихъ актовъ символическій, вложенный въ Локарно, основной политическій смыслъ. Этотъ смыслъ — смыслъ акта свободнаго примиренія европейскихъ народовъ — приданъ Локарно общественнымъ мнѣніемъ. Онъ вложенъ въ кружево юридическихъ формулъ всеобщимъ намѣреніемъ, навязанъ ему сознательнымъ исканіемъ не формальнаго только, но подлиннаго завершенія великой европейской борьбы. «Центръ тяжести Локарнскихъ проектовъ лежитъ въ области этики», — наукообразно регистрируетъ кенигсбергскій профессоръ Краусъ.

Послѣвоенная Европа не знаетъ — за двумя-тремя исключеніями — людей крупнаго калибра; но въ ея распоряженіи нѣсколько смѣнъ способныхъ и бойкихъ политиковъ. Нынѣшняя смѣна — Бріанъ, Остенъ Чемберленъ, Штреземанъ — сумѣла почувствовать, что время жеста примиренія пришло, что психика войны исчерпана, и сумѣли рѣшиться сдѣлать этотъ жестъ. Они не стали крупными людьми, но сдѣлали крупное дѣло.

Но было бы наивно думать, что этотъ основной жестъ Локарно обращенъ на будущее. Локарно въ этомъ своемъ значеніи — типичнѣйшій актъ исторической ликвидаціи, завершающій собой періодъ великой войны; ни одна изъ странъ, участвовавшихъ въ символикѣ примиренія, не отреклась отъ своихъ государственныхъ интересовъ, не принесла ихъ въ жертву надгосударственному идеалу, не превратила своего

будущаго и будущаго человѣчества въ безмятежный періодъ чистаго культа мира и разума.

Это вскрывается съ наглядностью, какъ только съ высотъ приданнаго общественнымъ мнѣніемъ Локарнскимъ актамъ символическаго смысла, мы спустимся внизъ и будемъ читать длинные столбцы договорныхъ статей, подписанныхъ европейскими правительствами, подъ звуки международныхъ литавръ.

Локарнскіе акты — весьма обширная дипломатическая постройка, подъ сводами которой должны на будущее время помѣститься цѣлыхъ семь европейскихъ державъ, въ томъ числѣ крупнѣйшія: Англія, Италія, Франція и Бельгія, Германія, Польша и Чехословакія. Зданіе это, если смотрѣть съ фасада, высится вверхъ двумя башнями, построенными, какъ Шартрскій соборъ, въ двухъ разныхъ стиляхъ: одна пониже другой, одна романская, другая — готическая. Разница въ пріемахъ постройки двухъ главныхъ частей Локарнскихъ актовъ и здѣсь не мѣшаетъ ихъ архитектонической занимательности. Первая изъ двухъ частей есть такъ называемый Рейнскій уговоръ, вторая уговоръ о восточныхъ и юго-восточныхъ границахъ Германіи.

По очереди присмотримся къ обѣимъ частямъ постройки и начнемъ съ самой важной — съ Рейнскаго уговора.

Онъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ трехъ актовъ: общаго договора между Англіей, Италіей, Франціей, Бельгіей и Германіей и двухъ арбитражныхъ конвенцій, бельгійско - германской и франко - германской, тождественнаго содержанія. Арбитражныя конвенціи — придатокъ къ общему договору, подробное развитіе одного изъ положеній послѣдняго. Изъ совокупности трехъ этихъ актовъ вытекаетъ слѣдующая си-

стема отношенiй, вся построенная на тончайшей игрѣ дипломатическихъ терминовъ и понятiй. Въ центрѣ всей системы помѣщены два гарантiйныхъ обязательства. Всѣ пять подписавшихся подъ Локарнскими договорами государствъ гарантируютъ, во-первыхъ, политическiй «status quo» на Рейнѣ, и, во-вторыхъ, миръ между Германiей, съ одной стороны, и Францiей съ Бельгiей, съ другой стороны. Если припомнить сложнѣйшую исторiю переговоровъ, предшествовавшихъ заключенiю Локарнскихъ актовъ, — то первая гарантiя отвѣчаетъ тому, что французская дипломатiя называла «Sécurité», а вторая тому, что въ Женевскомъ протоколѣ 1924 года, высшемъ достиженiи современнаго пацифизма, было означено стариннымъ терминомъ: «Arbitrage». Обѣ гарантiи, какъ сказано, возложены на всѣхъ участниковъ договора. Но это, по существу, есть только стилистическiй оборотъ. На самомъ дѣлѣ, покушенiе на status quo и на миръ въ рамкахъ Локарнскаго договора мыслимо только, какъ исходящее или отъ Германiи, или отъ Францiи. Только противъ нарушителя status quo или мира играетъ гарантiя, значитъ, гарантiя только тѣхъ странъ, которыя не могутъ быть ни виновниками, ни жертвами покушенiя, иначе говоря, гаранты въ чистомъ видѣ, стражи мира на Рейнѣ, суть, практически, Англiя и Италiя. Только онѣ — внѣ возможной распри на Рейнѣ, только въ ихъ рукахъ мечъ и вѣсы международноправовой Ѳемиды, посаженной надъ Рейнской долиной по волѣ Локарнскихъ законодателей.

Что же они гарантируютъ? Политическiй статутъ Рейнской долины созданъ Версальскимъ договоромъ, какъ нѣкоторый компромиссъ между стремленiемъ Францiи установить свой политическiй контроль надъ лѣвымъ берегомъ Рейна, стремленiемъ, наиболѣе энергичнымъ выраженеiмъ котораго былъ приснопамятный договоръ Думерга - Покровскаго 1917 г., и нежеланiемъ Англiи согласиться на такой контроль.

Этотъ компромиссъ нашелъ себѣ въ Версальскомъ мирномъ договорѣ выраженіе, во-первыхъ, въ новой линіи франко-германской границы (Альзасъ и Лотарингія); во-вторыхъ, въ срочныхъ и условныхъ правахъ Франціи въ Саарскомъ бассейнѣ и, въ-третьихъ, въ военныхъ сервитутахъ, тяготѣющихъ надъ германскими землями на лѣвомъ берегу Рейна. Гарантированный въ Локарно status quo на Рейнѣ, нѣсколько уже того, что было задумано и осуществлено Версальскимъ мирнымъ трактатомъ. «Высокія договаривающіяся стороны гарантируютъ — гласитъ статья 1-ая основного Локарнскаго договора, — отдѣльно и совмѣстно... сохраненіе территоріальнаго status quo, вытекающаго изъ границъ между Германіей и Бельгіей и между Германіей и Франціей, и неприкосновенность сказанныхъ границъ такъ, какъ онѣ были установлены Версальскимъ мирнымъ договоромъ 28-го іюня 1919 года или во исполненіе этого договора, а равно соблюденіе постановленій ст. 42 и 43 сказаннаго договора, относительно разоруженной зоны». Изъ гарантій выпадаютъ, такимъ образомъ, прежде всего, всѣ правила Версальскаго договора о Саарскомъ бассейнѣ. Ни Англія, ни Италія не берутъ на себя никакихъ обязательствъ по охранѣ этихъ правилъ, и на ихъ судьбѣ Локарнскій договоръ отражается только тѣмъ, что въ немъ говорится о гарантіи мира между Германіей и Франціей. Выпадаетъ и еще частица Версальскаго Рейнскаго статута, а именно ст. 44 Версальскаго договора, изъ главы о лѣвомъ берегѣ Рейна. Эта статья — одна изъ наиболѣе остро отточенныхъ противъ Германіи во всемъ договорѣ — говорила, что нарушеніе Германіей правилъ о демилитаризаціи лѣваго берега Рейна будетъ считаться «враждебнымъ актомъ» въ отношеніи всѣхъ подписавшихъ мирный договоръ странъ и доказательствомъ того, что Германія «ищетъ нарушить миръ вселенной». Даже въ англійскихъ раннихъ проектахъ франко-англійскаго договора о «безопасно-

сти» подтверждалась сила этого постановленія*). Въ Локарно оно растворилось въ общихъ статьяхъ рейнскаго уговора, совершенно измѣнившихъ всю постановку вопроса о разоруженіи лѣваго берега Рейна.

Гарантія описаннаго, такимъ образомъ, status quo сопровождается провозглашеніемъ обязанности непосредственно заинтересованныхъ странъ: Франціи, Бельгіи, Германіи, не нарушать этого status quo; самая гарантія есть, въ существѣ дѣла, только санкція этой обязанности. Въ формулировкѣ этой послѣдней Локарнскій актъ необыкновенно сложенъ и, можно сказать, почти акробатиченъ. Вотъ тексты. Общее правило: «Германія и Бельгія, и, равнымъ образомъ, Германія и Франція взаимно обязуются не прибѣгать, ни съ той, ни съ другой стороны, ни къ какому нападенію или нашествію и не прибѣгать, ни съ той, ни съ другой стороны, ни въ какомъ случаѣ къ войнѣ» (ст. 2 основного договора). Казалось бы ясно, но сейчасъ же идутъ исключенія. Общее правило не примѣняется, иначе говоря, можно совершать нападенія и нашествія и вести войны, въ трехъ случаяхъ. Два изъ нихъ формулированы по уставу Лиги Націй и повергаютъ насъ сразу же въ тенета Вильсоновской прозы. Общій смыслъ исключеній тотъ, что, когда война предписана уставомъ Лиги Націй, ее можно вести вопреки общему постановленію Рейнскаго уговора. Не иду дальше въ анализѣ этихъ двухъ исключеній, сколько нибудь ясное изложеніе которыхъ потребовало бы у меня множества страницъ. Но третье исключеніе ярче и характернѣе. Правило о воздержаніи отъ нападеній, нашествій и войнъ не дѣйствуетъ, когда дѣло идетъ «объ осуществленіи права законной обороны, т. е. о томъ, чтобы

---

*) Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne, 1924, p. 111; Papers respecting negotiations for an anglo-french pact, 1924, p. 127.

противодѣйствовать нарушенію обязанности, указанной въ предшествующей статьѣ (т.-е., обязанности воздержанія отъ нападеній, нашествій и войнъ) или объ очевидномъ (flagrant) нарушеніи статей 42 и 43 сказаннаго Версальскаго договора, если послѣднее нарушеніе составляетъ не вызванный актъ нападенія, и немедленное дѣйствіе необходимо въ виду сосредоточенія вооруженныхъ силъ въ демилитаризованной зонѣ». Станемъ на минуту, для ясности, на почву предположенія, что Франція хочетъ возобновить Рурскую операцію. Рѣчь шла бы о «нашествіи» въ смыслѣ Локарно. Оно, по общему правилу, не дозволено. Но оно было бы оправдано, какъ актъ обороны противъ нападенія Германіи и противъ дѣйствій, противорѣчащихъ разоруженію лѣваго берега Рейна, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ опять-таки не всегда, а только, если дѣйствія, противныя разоруженію, являются «очевидными», если они составляютъ «нападеніе», и если оборона немедленно необходима въ виду сосредоточенія вооруженныхъ силъ въ разоруженной зонѣ. Спрашивается, можно ли будетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ разобраться, идетъ-ли дѣло объ оборонѣ или о нападеніи. Очевидно, каждый изъ терминовъ, при помощи которыхъ оперируетъ Локарнскій актъ, поддается весьма произвольнымъ толкованіямъ, даже при внутренней добросовѣстности, не говоря уже о толкованіяхъ, сознательно или безсознательно недобросовѣстныхъ. Франція могла бы толковать факты однимъ способомъ, Германія — другимъ. Гаранты (Англія, Италія) выбирали бы ту интерпретацію совершившагося, которая была бы имъ болѣе по вкусу. Такова основная схема Рейнскаго уговора, любопытнымъ образомъ напоминающая другую знаменитую дипломатическую комбинацію новѣйшаго времени. Въ 1887 году Бисмаркъ заключилъ съ Россіей оборонительный договоръ, одновременно будучи связаннымъ оборонительнымъ договоромъ съ Австро-Венгріей: Германія должна была по-

могать Россіи, если на Россію нападала Австро-Венгрія, помогать Австро-Венгріи, если на Австро-Венгрію нападала Россія. Судьей того, кто на кого нападалъ, оставалась Германія, являвшаяся благодаря этому распорядительницей судебъ восточной Европы. Спрашивается, не тождественна ли роль Англіи по Локарнскому уговору? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ оцѣнки нѣкоторыхъ дополнительныхъ формулъ, которыми составители Локарнскаго акта снабдили свою основную схему. Къ сужденію о томъ, совершилось-ли правонарушеніе, и кѣмъ оно совершено, по Локарнскому договору привлечена Лига Націй. На первый взглядъ, можетъ казаться, что субъективность рѣшенія вопроса о правонарушеніи тѣмъ устранена, но по внимательномъ чтеніи текста соотвѣтствующаго правила оказывается, что это — не такъ. Локарнскій актъ различаетъ два случая: простое нарушеніе условій о воздержаніи отъ нападеній, нашествій и войнъ и о разоруженіи Рейнской зоны и нарушеніе ихъ «очевидное» (flagrant). Первому случаю посвящены два положенія ст. 4, гдѣ говорится: «1) Если одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ полагаетъ, что совершилось или совершается нарушеніе ст. 2 настоящаго договора (воздержаніе отъ нападеній, нашествій и войнъ) или нарушеніе ст. 42 и 43 Версальскаго договора (статьи о демилитаризаціи), то она немедленно подвергнетъ вопросъ Совѣту Лиги Націй. 2) Какъ только Совѣтъ Лиги Націй установитъ, что такое нарушеніе совершилось, онъ безъ замедленія доведетъ о томъ до свѣдѣнія державъ, подписавшихъ настоящій договоръ, и каждая изъ нихъ обязуется оказать въ такомъ случаѣ немедленно помощь государству, противъ котораго вмѣняемый въ вину актъ направленъ». Если имѣть въ виду, что, по уставу Лиги Націй, Совѣтъ ея принимаетъ рѣшенія единогласно, и что въ Совѣтѣ будетъ засѣдать Германія, какъ засѣдаютъ всѣ другія великія державы, подписавшія Локарнскій актъ, то, оче-

видно, что два только что приведенныхъ постановленія лишены всякаго практическаго смысла въ случаѣ дѣйствительнаго конфликта по поводу нарушенія территоріальной неприкосновенности или разоруженія. Упрощая Локарнскій текстъ, можно сказать, что государства, участвующія въ Локарнскомъ договорѣ, только тогда будутъ считаться нарушителями мира на Рейнѣ, если сами захотятъ признать себя таковыми. Но это въ томъ случаѣ, если нарушеніе не относится къ категоріи «очевидныхъ». Для нарушеній «очевидныхъ» въ Локарнскомъ актѣ есть другой текстъ, еще менѣе вразумительный. Вотъ, что говорится въ § 3 той же 4-й статьи (текстъ довольно длиненъ, но читатель не повѣрилъ бы моимъ выводамъ, если бы я его не привелъ цѣликомъ): «Въ случаѣ очевиднаго нарушенія статьи 2-й настоящаго договора (воздержаніе отъ нападеній, нашествій и войнъ) или очевиднаго нарушенія статей 42 и 43 Версальскаго договора (разоруженіе лѣваго берега Рейна) одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, каждая изъ другихъ договаривающихся державъ уже нынѣ обязуется немедленно оказать свою помощь сторонѣ, противъ которой такое нарушеніе направлено, какъ только сказанная держава въ состояніи будетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что это послѣднее нарушеніе составляетъ актъ не вызваннаго нападенія и что, въ виду или перехода границы, либо открытія военныхъ дѣйствій, или собранія вооруженныхъ силъ въ разоруженной зонѣ, немедленное дѣйствіе необходимо. Тѣмъ не менѣе Совѣтъ Лиги Націй, которому вопросъ подвергнутъ согласно первому параграфу настоящей статьи, сообщитъ результатъ своихъ сужденій. Высокія договаривающіяся стороны обязуются въ такомъ случаѣ дѣйствовать согласно наставленіямъ Совѣта, получившимъ единогласіе, за исключеніемъ голосовъ представителей сторонъ, участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ». Такимъ образомъ, оказаніе помощи пострадав-

шему противъ виновника правонарушенія стоитъ въ зависимости, при «очевидности» правонарушенія, отъ того, какъ будетъ участникъ договора квалифицировать это правонарушеніе. Иначе говоря, гаранты сами рѣшатъ, кто виновникъ, кто нападающая сторона. Въ чистомъ видѣ схема Бисмарковскихъ договоровъ. Это не помѣшаетъ тому, что Совѣтъ Лиги Націй будетъ продолжать разсуждать. Если онъ соберетъ единогласіе (въ данномъ случаѣ, не считая воюющихъ уже въ эту минуту странъ), то его совѣтамъ должны внять участники Локарнскаго акта. Но совѣты Лиги Націй — не военная помощь, и чѣмъ реально будетъ обезпеченъ ихъ вѣсъ въ разгаръ военныхъ дѣйствій?

Такова первая система гарантій, созданная Рейнскимъ уговоромъ. Рядомъ съ ней стоитъ, я уже сказалъ, другая. Гарантируется не только политическій статутъ Рейна, но еще миръ между Германіей и Бельгіей и между Германіей и Франціей. Эта гарантія построена такъ. Германія, Бельгія, Франція обязуются рѣшать всѣ споры между собой мирными средствами (арбитражъ, посредничество). На этотъ предметъ между ними заключены арбитражныя конвенціи. Это положеніе «поставлено подъ гарантію высокихъ договаривающихся сторонъ». Что это значитъ? Локарнскій актъ отвѣчаетъ, что, въ случаѣ нарушенія какой либо стороной обязанности разрѣшать споры мирными средствами, гаранты обращаются въ Лигу Націй, причемъ тогда къ нарушенію этой обязанности примѣняются тѣ же правила, что къ нарушенію обязанности воздерживаться отъ нападеній, нашествій и войнъ. Значитъ, опять-таки, одна процедура при простыхъ нарушеніяхъ, другая при «очевидныхъ», и опять-таки квалификація совершившагося есть дѣло свободнаго усмотрѣнія гарантовъ. По существу, — съ точки зрѣнія чистой юридической логики, — эта вторая система гарантій есть только пересказъ второй.

Итакъ, Локарнскій Рейнскій уговоръ, — когда снимаешь словесную скорлупу съ его настоящаго содержанія, — сводится къ тому, что Англія и Италія одновременно заключили два оборонительныхъ союза, одинъ съ Германіей противъ Франціи, другой съ Франціей противъ Германіи: онѣ будутъ помогать тому, кого признаютъ нарушителемъ мира. Правда, эти своеобразныя союзныя обязательства крайне неопредѣленны въ своемъ объемѣ и своемъ значеніи, такъ что въ текстѣ договоровъ безъ особаго труда можно будетъ найти предлогъ къ тому, чтобы не выполнять ихъ ни въ пользу одной, ни въ пользу другой изъ сторонъ, стоящихъ другъ противъ друга на Рейнѣ. Но, поскольку можно вообще говорить о «гарантіяхъ» по Локарнскому основному договору, онѣ своеобразно двоятся: стражи мира на Рейнѣ дали одинаковыя обѣщанія двумъ возможнымъ противникамъ. Таково, весьма затѣйливое и замысловатое, договорное выраженіе той, совершенно ясной и простой политической истины, что въ будущей франко-германской распрѣ рѣшающее слово принадлежитъ Англіи.

Перейдемъ теперь на другую половину Локарнской постройки: восточная и юго-восточная границы Германіи.

Нѣкоторая симметрія съ Рейнскимъ уговоромъ лежитъ здѣсь въ томъ, что между Германіей, съ одной стороны, и Польшей и Чехословакіей, съ другой стороны, заключены арбитражные договоры, по которымъ всѣ споры между этими странами, такъ же, какъ всѣ споры между Германіей, Франціей, Бельгіей, обязательно рѣшаются или судебнымъ путемъ, или путемъ посредничества, по схемѣ Женевскаго протокола 1924 года. Значеніе этихъ арбитражныхъ договоровъ, конечно, велико, ибо, по силѣ ихъ, стороны не должны обращаться къ силѣ оружія для разрѣшенія своихъ взаимныхъ

распрей. А такъ какъ распрей этихъ, въ частности, между Германіей и Польшей, весьма много, и онѣ крайне серьезны, то Локарнскій договоръ въ этихъ своихъ частяхъ представляетъ сдѣлку существенной политической важности. Можно было, до подписанія, даже сомнѣваться, пойдетъ-ли на такой актъ политическаго самоограниченія Германія. Но она пошла, и это лучшее свидѣтельство, что въ 1925 году благоразумные руководители германской политики считали военные замыслы для своей страны совершенно несвоевременными. Пока, очевидно, всѣ разсчеты Германіи — даже въ дѣлѣ пересмотра особенно тяжело ощущаемыхъ послѣдствій Версальскаго договора на Востокѣ — на мирные пути борьбы съ этими послѣдствіями. Французская пресса настойчиво указывала, что по Локарнскимъ актамъ закрыты и эти мирные пути. Говорилось, будто вставленныя по желанію польскихъ делегатовъ въ арбитражные договоры вводныя предложенія достигаютъ этой цѣли. Это, конечно, не вѣрно. Эти вводныя предложенія: «Признавая, что уваженіе къ правамъ, установленнымъ трактатами или вытекающимъ изъ международнаго права, обязательно для международныхъ судовъ, — Согласно признавая, что права государства не могутъ быть измѣнены безъ его согласія...» — излагаютъ никѣмъ никогда формально не оспаривавшіяся юридическія аксіомы; но эти аксіомы не устраняютъ возможности для дѣйствующихъ въ согласіи договаривающихся сторонъ судебныхъ или посредническихъ учрежденій признать законными тѣ или иныя ихъ требованія, клонящіяся къ измѣненію существующаго порядка вещей.

Обязательства блюсти миръ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, принятыя на себя Германіей, Польшей и Чехословакіей, въ отличіе отъ такихъ же обязательствъ, принятыхъ на себя на Рейнѣ Германіей, Франціей и Бельгіей, не сопровождаются «гарантіями», подобными тѣмъ, которыя постро-

илъ Рейнскій договоръ. Ни Англія, ни Италія не признали себя заинтересованными въ томъ, что дѣлается на восточныхъ и юго-восточныхъ границахъ германскаго міра. Но зато заинтересованной въ этомъ себя признала Франція.

Франція связана и съ Польшей, и съ Чехословакіей оборонительными договорами. Въ Локарно было тѣмъ меньше поводовъ отъ нихъ отказываться, что съ самаго начала переговоровъ о Рейнскомъ уговорѣ заявленный Англіей отказъ взять на себя какія либо обязательства по востоку Европы грозилъ придать всему Локарнскому соглашенію смыслъ провозглашенія свободы дѣйствій Германіи въ отношеніи двухъ союзниковъ Франціи. Французское политическое мнѣніе вѣритъ въ оба союза, и оно не могло, конечно, допустить, чтобы Локарнскій актъ превратился въ политическое оружіе, направленное противъ Польши или противъ Чехословакіи.

Выходъ былъ найденъ, и въ этомъ самая искусная, съ французской точки зрѣнія, часть построенія Локарнскихъ актовъ, — въ томъ, что франко-польскій и франко-чешскій союзы какъ бы прислонились къ арбитражнымъ конвенціямъ, къ германскому обязательству блюсти миръ на своихъ восточныхъ и юго-восточныхъ маркахъ; изъ союза сдѣлали какъ бы точку опоры для арбитражныхъ конвенцій. Но такъ какъ франко-польскій и франко-чешскій союзы были двусторонними и налагали на союзниковъ Франціи обязанность помогать ей противъ ея внѣшнихъ враговъ, то Польша и Чехословакія оказались возведенными въ рангъ дополнительныхъ охранителей французской безопасности на Рейнѣ. По выраженію въ Заключительномъ актѣ Локарнской конференціи, Франція, Польша и Чехословакія, заключивъ свои договоры въ Локарно, «взаимно обезпечили другъ другу выгоды» остальныхъ, заключенныхъ на конференціи, актовъ.

Это приспособленіе союзныхъ политическихъ обязателствъ между Франціей и Польшей и Чехословакіей къ арбит-

ражнымъ конвенціямъ и Рейнскому уговору — сочетаніе элементовъ нѣсколько гетерогенныхъ, — изображено опять же въ весьма замысловатомъ, постановленіи: «Въ случаѣ, если Польша (Чехословакія) или Франція потерпѣли бы отъ нарушенія обязательствъ, заключенныхъ сего числа между ними и Германіей для сохраненія общаго мира, то Франція и соотвѣтственно Польша (Чехословакія), дѣйствуя во исполненіе статьи 16 устава Лиги Націй, обязуются оказать немедленно другъ другу помощь и содѣйствіе, когда это нарушеніе сопровождается обращеніемъ къ оружію, которое не было бы вызваннымъ. — Въ случаѣ, если Совѣтъ Лиги Націй, разрѣшая вопросъ, подвергнутый на его усмотрѣніе, согласно сказаннымъ обязательствамъ, не успѣлъ бы убѣдить своихъ членовъ, кромѣ представителей спорящихъ сторонъ, принять его докладъ, и если Польша (Чехословакія) или Франція подверглись бы не вызванному нападенію, то Франція и соотвѣтственно Польша (Чехословакія), дѣйствуя во исполненіе статьи 15, часть 7 устава Лиги Націй, оказали бы ему немедленную помощь и содѣйствіе». Чтобы понять этотъ, для людей, не искушенныхъ во фразеологіи устава Лиги Націй, едва-ли переваримый текстъ, надо имѣть въ виду, что, по уставу, въ случаѣ конфликта между членами Лиги, Совѣтъ составляетъ докладъ; если этотъ докладъ принятъ всѣми, не считая спорящихъ, то онъ обязателенъ; если онъ всѣми не принятъ, то, какъ говорится въ уставѣ, каждый членъ Лиги Націй «имѣетъ право дѣйствовать такъ, какъ онъ считаетъ необходимымъ ради охраны права и справедливости». Такъ вотъ, въ томъ случаѣ, когда докладъ Совѣта Лиги Націй не принятъ единогласно, Франція, Польша и Чехословакія обязуются оказать Совѣту свою помощь. Въ чемъ эта помощь заключается, неизвѣстно, такъ какъ въ числѣ разныхъ неясностей устава Лиги, неясно и то, что долженъ дѣлать Совѣтъ Лиги Націй въ описанномъ случаѣ. Оставимъ,

поэтому, въ сторонѣ вторую часть приведеннаго выше текста, какъ лишенную опредѣленнаго содержанія и составляющую лишь словесную манифестацію вѣрности Лигѣ Націй. Остается первая часть, сводящаяся къ тому, что Франція помогаетъ своимъ восточнымъ союзникамъ, восточные союзники — Франціи, въ случаѣ не вызваннаго вооруженнаго на нихъ нападенія.

Такимъ образомъ, система восточныхъ договоровъ, заключенныхъ въ Локарно, сводится къ тому, что Германія, Польша и Чехословакія обязались блюсти миръ, а Франція оговорила, что ея политическія отношенія съ прежними союзниками остаются въ силѣ.

Я думаю, что я съ достаточной точностью разложилъ на ихъ простѣйшіе элементы подписанные въ Локарно международные договоры. Задача была не легкой, ибо юридическій чеканъ договоровъ, мы видѣли, до крайности несовершененъ. Въ своихъ простѣйшихъ линіяхъ Локарнское построеніе, если его внимательно обдумать, оказывается полнымъ здравой политической мысли и неизмѣримо болѣе яснымъ и опредѣленнымъ, нежели насъ къ тому подготовили шереховатости и уродства его словесной облицовки.

Локарно — дѣйствительно актъ мира. Безразлично, подъ какимъ внѣшнимъ выраженіемъ. Современный политическій языкъ заставлялъ говорить формулами устава Лиги Націй и казеннаго пасифизма. Но этими формулами сказали, что время сдать въ архивъ пережитки военной психики, и что не время думать о томъ, чтобы опять перекраивать карту Европы. Европа рѣшила попробовать устроиться въ рамкахъ договоровъ, которыми закончилась великая война, безъ новыхъ авантюръ и безъ покушеній заднимъ числомъ ихъ исправить и улучшить въ интересахъ либо побѣдителей, либо побѣж-

денныхъ; она сказала себѣ, что періодъ героической борьбы и мощныхъ усилій конченъ, что пришли будни, въ которыхъ надо чинить въ клочья разодранныя въ распрѣ ткани мирнаго и культурнаго общежитія. Въ знакъ перехода на новый замиренный укладъ признали status quo и произнесли пароль Лиги Націй. Не будемъ спрашивать себя, — на сколько поколѣній отреклись подписавшіе Локарно народы отъ лозунговъ героическаго періода, отъ борьбы за національные государственные идеалы. Сейчасъ это — праздный вопросъ. Только президентъ Вильсонъ могъ думать, что на штыкахъ американскихъ солдатъ онъ принесетъ въ Европу вѣчную политическую истину и патентованныя государственныя разграниченія, но и онъ понялъ, что такой удѣлъ не данъ человѣчеству. Болѣе искушенные въ политическихъ дѣлахъ старшіе, англійскіе, англо-саксы, лучше знали, что каждая политическая комбинація срочна и условна. Но ихъ великая заслуга передъ человѣчествомъ въ томъ, что, сознавая эту срочность и эту условность, они въ Локарно заставили понять Европу, что лучше пока помириться съ временной постройкой, чѣмъ тратить остатокъ силъ на то, чтобы безплодно пытаться ее расшатать и разрушить.

Было бы ошибочно думать, что, принявъ, наконецъ, фактъ реальнаго мира, мира, какъ онъ есть, а не такъ, какъ мечталось бы, Западная Европа поставила себя на мертвый якорь. Лига Націй — великая и способная къ развитію форма, и, оставаясь въ ней, современныя государства сумѣютъ ставитъ себѣ размѣренныя со своими нынѣшними средствами задачи и искать размѣренныхъ ихъ рѣшеній. Если Европа окажется на высотѣ ея идеи, она, быть можетъ, сумѣетъ достигнуть того, что будущія международныя перемѣщенія будутъ достигаться не революціонными методами военныхъ столкновеній, а правомѣрными преніями передъ международными трибуналами Гааги и Женевы.

**
*

Со свойственной имъ чуткостью къ своимъ собственнымъ выгодамъ и интересамъ, московскіе политики безъ устали громятъ Локарно. Оно понятно: отбросъ военныхъ волнъ, совѣтское правительство съ минуты своего рожденія научено вѣрить въ спасительность для него европейской распри. Слабый, какъ международная сила, СССР ищетъ поддержки въ соперничествѣ окружающихъ его государствъ, по классическимъ методамъ всѣхъ слабыхъ. Громы совѣтскихъ рѣчей и передовыхъ статей въ этомъ смыслѣ только подтверждаютъ указанное мной значеніе мирныхъ актовъ, выработанныхъ въ Локарно.

Но, если уйти отъ этихъ лишенныхъ серьезнаго интереса совѣтскихъ оцѣнокъ и стать просто на русскую точку зрѣнія, на точку зрѣнія будущей, вернувшейся въ нормальныя условія международнаго бытія, Россіи, то Локарнскіе акты, несомнѣнно, сохранятъ свой существенный вѣсъ для русскихъ интересовъ.

Непосредственно эти акты Россіи не касаются. Русская западная граница, граница съ Польшей, съ Румыніей, съ балтійскими государствами не взята Локарнскими актами подъ свою защиту. Она остается опредѣленной совѣтскими, такъ называемыми, «мирными» договорами съ Эстоніей, Латвіей и Польшей, рѣшеніемъ Совѣта пословъ въ Парижѣ 15-го марта 1923 года, признавшимъ границу, проведенную Россіей и Польшей, «подъ ихъ собственной отвѣтственностью» 23-го ноября предшествующаго года, наконецъ, не признаннымъ совѣтскимъ правительствомъ договоромъ великихъ державъ о Бессарабіи 28 октября 1920 года. Обобщая выдуманную англичанами формулу Парижскаго рѣшенія 1923 года, мы можемъ сказать, что вся эта граница остается начертанной

«подъ собственной отвѣтственностью»*) заинтересованныхъ странъ. Локарно не беретъ на себя этой «отвѣтственности». Какъ извѣстно, и франко-польскій союзъ, претворенный теперь въ часть Локарнской системы, не заключаетъ въ себѣ обязательствъ на случай столкновенія между Россіей и Польшей**). Въ этомъ отношеніи въ Локарно никакихъ перемѣнъ произведено не было. Казалось бы, такимъ образомъ, русская политика на западной границѣ Россіи не затронута Локарнскими договорами.

Но это только видимость. На самомъ дѣлѣ то новое, что внесъ съ собой въ европейскія отношенія этотъ актъ, радикальнымъ образомъ измѣняетъ условія, въ которыхъ будутъ ставиться въ будущемъ русскіе внѣшніе вопросы. Россія — этого никогда нельзя забывать — одна изъ «побѣжденныхъ» въ результатѣ великой войны странъ. Всякая стабилизація результатовъ великой войны есть стабилизація русскихъ государственныхъ потерь. Европа, окончательно принявшая итоги побѣдъ и пораженій, закрѣпившая ихъ сознательнымъ и добровольнымъ актомъ побѣжденныхъ и побѣдителей, неизбѣжно консолидируетъ, если не договорными текстами, то политическими настроеніями и намѣреніями, status quo и европейскаго востока. Я не дѣлаю никакихъ конкретныхъ политическихъ выкладокъ и подсчетовъ. Они были бы безсмысленными, пока Россія не вернулась къ культурной государственности. Дѣло не въ этихъ выкладкахъ, а въ томъ огромномъ консервативномъ международномъ эффектѣ, который произведенъ Локарно.

Значитъ ли это, что, на подобіе германскихъ правыхъ,

---

*) Интереснѣйшая книга б. итальянскаго посланника въ Варшавѣ Francesco Tommasini, La risurrezione della Polonia, 1925, 149, весьма тенденціозно объясняетъ эту формулу.

**) Tommasini, 289 ss.

мы должны оплакивать крушеніе въ Локарно какихъ то нашихъ надеждъ на лучшее международное будущее, горько подсчитывать окончательно закрѣпляющіяся наши потери? Конечно, нѣтъ. То настроеніе, которое привело Германію и другія европейскія государства къ необходимости мира и примиренія, должно будетъ одушевлять всякую разумную политическую русскую работу. Мы будемъ лѣчить свои раны и готовить лучшее будущее для новыхъ поколѣній. Россія безсмертна, и время ея придетъ скорѣе, если, вмѣсто скороспѣлой реставраціи русскаго имперіализма, виновники и пострадавшіе великой русской катастрофы усвоятъ себѣ скромные, лишенные славы и блеска, но жизнью подсказанные и жизнью оправданные мирные лозунги.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТІЯ

Современное человѣчество справляется съ задачами своей политической организаціи своимъ коллективнымъ разумомъ. Крупная политическая идея, брошенная въ одномъ концѣ міра, не знаетъ границъ и, рано или поздно, — можетъ быть, утративъ по дорогѣ печать своего перваго изобрѣтателя, а, можетъ быть, и сохранивъ ее, — оказывается развѣянной по всему бѣлому свѣту. Процессы «рецепціи» въ государственномъ строительствѣ современности, этого безконечнаго и непрерывнаго переноса политическихъ идеаловъ изъ одной страны въ другія, похожи на движенія воздушной атмосферы, что несутъ ясную погоду, благодѣтельный дождь, злую бурю или суровую стужу. И такъ же, какъ движенія воздуха, движенія политическихъ мыслей не всегда точно уловимы и точно учитываемы. Одна волна перегоняетъ другую, съ ней сливается, ее обгоняетъ, и вы не услѣдите ея начала, какъ не услѣдите ея конца.

Въ этихъ общихъ рамкахъ становится и разрѣшается и та важнѣйшая задача современной политической жизни, которая связана съ организаціей законодательной власти въ

формахъ народнаго представительства. Мы только-что пережили эпоху, въ теченіе которой значительная часть европейскаго населенія поставлена была въ необходимость заново строить ту политическую постройку, въ которой ей предстоитъ жить. Возникли десятки новыхъ конституцій, на которыхъ лежитъ печать послѣвоеннаго времени, и которыя всѣ имѣютъ между собой какъ бы семейное сходство, — явленіе не новое, ибо и все предшествующее конституціонное развитіе Европы знаетъ такія эпохи одновременнаго творчества новыхъ хартій съ неизбѣжнымъ единствомъ историческаго стиля. Всѣ эти десятки новыхъ конструкцій стиля «1919» стояли одинаково передъ проблемой организаціи народнаго представительства, и всѣ почерпнули ея разрѣшеніе изъ какого то общаго источника, изъ одного и того-же резервуара политическихъ идеаловъ, оказавшихся имъ навязанными диктатурой общечеловѣческаго коллективнаго мышленія.

Въ чемъ это рѣшеніе? Оно звучитъ почти труизмомъ и слагается изъ двухъ коренныхъ положеній: первое состоитъ въ томъ, что законы страны издаются представителями народа, и второе въ томъ, что эти представители избираются всеобщей подачей голосовъ. Откидывая всѣ подробности, въ этихъ двухъ положеніяхъ — все существо того идеала «демократіи», «народовластія», который сталъ безспорной и непрекаемой аксіомой всякаго политическаго творчества въ послѣвоенной Европѣ.

Вотъ Финляндія, страна не-банальнаго политическаго развитія, сумѣвшая на пространствѣ столѣтія, въ условіяхъ трудныхъ, соблюсти наслѣдіе идей скандинавскаго конституціонализма, со всѣми многообразными его особенностями и традиціонно-монархическимъ чеканомъ. «Форма Правленія» 17 іюля 1919 г. объявляетъ въ § 2 (ч. 1): «Суверенная власть въ Финляндіи принадлежитъ народу, представленному своими уполномоченными, собранными въ сеймѣ (риксдагѣ)».

Формѣ Правленія не приходится добавлять, что эти народные представители избираются всеобщей подачей голосовъ, ибо ей достаточно сослаться на сеймовый уставъ 1906 г., еще русскихъ временъ, освятившій во всемъ его объемѣ начало всеобщаго избирательнаго права и представлявшій въ свое время самый передовой въ этомъ отношеніи законодательный актъ всей Европы.

Вотъ другая страна, заново созданная, много вѣковъ не знавшая самостоятельнаго политическаго бытія, — Чехословакія. У ней нѣтъ никакого конституціоннаго наслѣдія, есть только навыки, пріобрѣтенные въ австро-венгерскомъ государственномъ комплексѣ и въ школѣ европейской и, въ особенности, германской культуры. Ея конституція — 29 февраля 1920 года — говоритъ въ терминахъ нѣмецкой науки, но говоритъ то же самое, что только-что говорила Финляндская Форма Правленія. «Народъ есть единственный источникъ всей государственной власти въ Чехословацкой Республикѣ». — «Конституція опредѣляетъ, черезъ какіе органы суверенный народъ даетъ себѣ законы, приводитъ ихъ въ исполненіе и творитъ правосудіе...» — (§ 1). «Законодательную власть осуществляетъ на всей территоріи Чехословацкой Республики Народное Собраніе, состоящее изъ двухъ палатъ: Палаты Депутатовъ и Сената...» (§ 6). «Палата Депутатовъ имѣетъ 300 членовъ, которые избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ, тайнымъ голосованіемъ, по началу пропорціональнаго представительства...» (§ 8). «Сенатъ имѣетъ 150 членовъ, которые избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ, тайнымъ голосованіемъ, по началу пропорціональнаго представительства...» (§ 13).

Или еще классическія по своей точности, краткости и ясности формулы германской имперской конституціи 11 августа 1919 г.: «Статья 20. Рейхстагъ состоитъ изъ депутатовъ германскаго народа. Статья 21. Депутаты суть представите-

ли всего народа. Они подчинены лишь своей совѣсти и не связаны порученіями. Статья 22. Депутаты избираются общимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ выборомъ достигшими двадцати лѣтъ мужчинами и женщинами по началамъ пропорціональнаго выбора...»

Вездѣ одна доктрина и часто одна терминологія. Не происходитъ уже никакой борьбы при усвоеніи существа здѣсь выраженныхъ организаціонныхъ истинъ и, если возникаютъ споры и колебанія, то только о словахъ, въ которыхъ всеобще обязательная доктрина будетъ высказана*).

Историкъ политическихъ учрежденій хорошо знаетъ, что и идея народнаго представительства, и идея всеобщаго избирательнаго права, съ такой поразительной легкостью усвояемыя на нашихъ глазахъ, совсѣмъ не само собой разумѣющіяся положенія государственнаго строительства. Догматикъ добавитъ, что вокругъ обѣихъ идей, и въ особенности первой, до сихъ подъ идетъ самый оживленный и подчасъ рѣзкій споръ, въ которомъ доказывается не одна историческая, но еще и теоретическая условность кажущихся намъ практически-непререкаемыми истинъ.

Конституціонализмъ въ Европѣ — господство начала раздѣла публичныхъ функцій, и въ частности функцій законодательствованія, между различными элементами общественнаго

---

*) Примѣры стилистическихъ колебаній въ проектахъ польской конституціи (ст. I и II): дѣйствующая конституція говоритъ, что суверенная власть въ польской республикѣ принадлежитъ народу; партія П. П. С. проектируетъ добавить, что власть цѣликомъ исходитъ отъ совокупности гражданъ республики; народная партія Вызволеніе требуетъ, чтобы было сказано не «принадлежитъ народу», а «исходитъ отъ народа», и т. д. См. **Projekty Konstytuciji Rzeczypospolitej polskiej, Warszawa, 1920, 7 s.; P o t u l i c k i, Constitution de la République de Pologne, Varsovie-Paris, 20.**

цѣлаго по правиламъ высшаго основного закона страны и во имя политической свободы — представляетъ собой стариннѣйшую европейскую государственную традицію, обусловленную богатствомъ тѣхъ соціальныхъ элементовъ, изъ которыхъ складывалось европейское государство. Но эта традиція сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ «народнымъ представительствомъ» въ собственномъ смыслѣ слова. Когда королева Марія Тереза въ одной изъ странъ наиболѣе крѣпкаго и живучаго конституціонализма, въ Венгріи, въ 1741 г. въ своемъ diploma inaugurale «приносила клятву чинамъ своей вѣрной Венгріи и ея присоединенныхъ областей», что будетъ блюсти законы страны и предоставляетъ храненіе ихъ делегатамъ, избраннымъ «чинами», въ головахъ современниковъ не рождалось мысли о «представительствѣ народа». Со «Священной Короной» сговаривались сословныя группы королевства, не его народъ, — и чины королевства не въ качествѣ представителей народа, а какъ таковые, въ качествѣ самостоятельнаго и способнаго тягаться съ короной элемента венгерскаго государственнаго цѣлаго. Diploma inaugurale Маріи Терезы можетъ числиться въ исторіи политической свободы въ Европѣ, но онъ не значится въ исторіи европейской демократіи*).

Начало, что право законодательствовать принадлежитъ вмѣстѣ съ короной не сословнымъ группамъ и ихъ представителямъ, а народу, какъ цѣлому, въ лицѣ депутатовъ, представляющихъ это цѣлое, родилось въ Европѣ въ той странѣ, которая имѣла всегда на ея политическое развитіе безспорно первенствующее вліяніе, которая служила главнымъ — да простятъ мнѣ это тривіальное выраженіе — оптовымъ складомъ европейской политической идеологіи, — во Франціи. Можно

*) Henry Marczali, Hungary in the eighteenth century. Cambridge. 1910. 347 ff.

было бы, пожалуй, опредѣлить и день рожденія этой новой концепціи. Онъ падаетъ на 6 мая 1789 г., когда Третье Сословіе созванныхъ подъ вліяніемъ финансовыхъ трудностей Генеральныхъ Штатовъ отказалось приступить къ повѣркѣ своихъ полномочій отдѣльно отъ Духовенства и Дворянства, требуя, чтобы всѣ три состоянія сдѣлали это вмѣстѣ. Дѣло шло о скромныхъ и переходящихъ политическихъ расчетахъ, о нежеланіи, чтобы пропали выгоды двойного числа голосовъ Третьяго Сословія рядомъ съ голосами двухъ другихъ состояній. Но упорство, съ которымъ монархія и большинство привилегированныхъ отказалось подчиниться предложенію Третьяго Сословія, крѣпко и сразу свело всю политическую борьбу на оборону единства Генеральныхъ Штатовъ. Въ нѣсколько дней — мы почти не замѣчаемъ этаповъ — сложилась новая программа и новое политическое сознаніе. Еще 6 мая Третье Сословіе именуетъ себя «депутатами общинъ», ища въ этомъ традиціонномъ для западнаго конституціонализма словѣ возвышеніе своего внутренняго авторитета и значенія; 15, 16 и 17 іюня, послѣ появленія въ его средѣ первыхъ священниковъ, покидающихъ Духовенство, оно обсуждаетъ рядъ предложеній о новомъ наименованіи для Собранія, въ родѣ: «Законное Собраніе представителей большей части націи, засѣдающихъ въ отсутствіи меньшей части», и тому подобныхъ робкихъ и громоздкихъ формулъ, пока, наконецъ, Сіейсъ не предложилъ въ засѣданіи 17 іюня назвать Генеральные Штаты «Національнымъ Собраніемъ» и не произнесъ дѣйствительно исторической формулы, обошедшей весь міръ и продолжающей звучать по прежнему громко и молодо: «... такъ какъ представительство народа едино и нераздѣльно, то ни одинъ депутатъ, къ какому бы чину онъ ни принадлежалъ, не вправѣ осуществлять своихъ функцій отдѣльно отъ настоящаго собранія*)».

*) Объ этихъ, впрочемъ, хорошо извѣстныхъ фактахъ, сообщаетъ

Но, конечно, не только потому, что игрой случайныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ и условій политической борьбы весной 1789 г. въ Версалѣ была кинута и подхвачена мысль, что законодательствующіе депутаты суть «представители народа» въ его единствѣ, Франція — должна считаться родиной современнаго народнаго представительства, а потому, что этотъ новый для Европы правовой институтъ былъ тамъ обоснованъ, какъ крѣпкій логическій постулатъ, и обоснованъ со всѣмъ блескомъ французскаго мышленія, и еще потому, что тамъ-же онъ былъ воплощенъ въ документѣ, сыгравшемъ громадную роль въ развитіи современнаго человѣчества — въ конституціи 1791 г.

«Суверенитетъ единъ, нераздѣленъ, неотчуждаемъ и не подлежитъ давности. Онъ принадлежитъ народу; никакая часть народа, и никакое лицо не могутъ присвоить себѣ его осуществленія». — «Народъ, отъ котораго одного исходятъ всѣ власти, можетъ осуществлять ихъ только по делегаціи. — Французская конституція представительна: представители суть Законодательный Корпусъ и Король». «Законодательная власть делегируется Національному Собранію, состоящему изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, дабы эта власть имъ осуществлялась, съ санкціей Короля, порядкомъ, который будетъ опредѣленъ ниже». Эти три статьи конституціи 1791 г. (ст. 1, 2, 3 тит. III) сейчасъ звучатъ привычно и почти банально. Но въ моментъ своего появленія онѣ были огромнымъ новшествомъ и огромнымъ завоеваніемъ. Изъ нихъ исходитъ все современное публичное право Западной Европы. По ихъ образцу это право учитъ, что народъ, какъ цѣлое, — источникъ законодательной власти, но онъ необходимо осуществляетъ ее че-

---

P. Sagnac. La Révolution, въ Lavisse, Histoire de la France contemporaine, I (1920), 27 ss.

резъ народное представительство, что депутаты — делегаты, «представители», народа, опирающіеся только на него и необходимо оторванные отъ всѣхъ реальныхъ группъ и лицъ, составляющихъ націю, что разъ избранные, они утрачиваютъ связь съ избирателями и съ избирательнымъ округомъ, что они свободны отъ ихъ инструкцій и выражаютъ волю всего народа. Всѣ эти положенія, съ необыкновеннымъ логическимъ паѳосомъ обосновавшіяся въ преніяхъ Конституанты, въ блестящихъ импровизаціяхъ Мирабо и Редерера, Туре и Барнава, Барера и Сійеса, главное, Сійеса, питали послѣдующія европейскія поколѣнія, безчисленное число разъ повторялись, и не было, кажется, такой европейской конституціи, гдѣ бы, такъ или иначе, прямо или косвенно, не нашли себѣ отголоска слова и мысли этихъ преній и этой конституціи*).

Но въ этотъ историческій моментъ формула современной демократіи родилась только въ одной своей половинѣ: законодательствуетъ народное представительство. Другая ея половина: всеобщее избирательное право, родилась полустолѣтіемъ позже, въ другую эпоху напряженнаго творчества новыхъ общественныхъ концепцій, въ 1848 г. На ряду съ конституціей 1791 г. надо помнить и другой французскій актъ всемірно-историческаго значенія, актъ полузабытый, не обладающій и малой долей той славы, что досталась памятникамъ великой революціи, но, по существу, не менѣе важный: декретъ 5 марта 1848 г. Февральская революція 1848 г., мо-

---

*) Теорія Конституанты усердно изучается въ послѣдніе годы. Блестящая книга Zweig, Die Lehre vom Pouvoir constituant, 1909, дополняется живой работой Redslob, Staatstheorien der franz. Nationalversammlung, 1912; внимательный анализъ этой теоріи только-что далъ Carré de Malberg, Contribution à la théorie générale de l'Etat, II, 1922, 232 ss..

жетъ быть, не менѣе великой революціи, является источникомъ, откуда человѣчество черпаетъ до сихъ поръ — само того не зная — значительную часть своего умственнаго багажа. Ея безпорядокъ, безславіе ея конца, второстепенность вождей, — все это заслонило собой ея громадное вліяніе на судьбы Франціи и всего остальнаго міра. Но развѣ не достаточно одного, что съ ней родился соціализмъ, какъ реальная сила современной жизни, чтобы признать въ ней поворотный этапъ европейской исторіи? Она же создала всеобщее избирательное право. Если и ранѣе въ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантонахъ и въ Америкѣ избирательное право строилось на основахъ всеобщей подачи голосовъ, то внѣ ихъ самый принципъ всеобщаго голосованія, какъ основы демократическаго строя, оставался реально не сознаннымъ. Въ суетѣ первыхъ дней февральской революціи временное правительство, въ моментъ своего появленія у власти обѣщавшее возстановить единство націи въ совокупности всѣхъ ея классовъ и осуществить самоуправленіе народа, заказало скромному технику избирательный законъ, который долженъ былъ отвѣчать этой демократической идеологіи, и безъ колебаній и принципіальныхъ преній одобрило его проектъ. «Голосованіе будетъ прямымъ и всеобщимъ безъ какихъ-либо условій ценза», таковъ основной смыслъ декрета временнаго правительства отъ 5 марта 1848 г. Такъ же естественно, какъ въ 1791 г. демократическая формула не связывалась со всеобщей подачей голосовъ и спокойно освящала цензовую систему, теперь введеніе всеобщаго избирательнаго права показалось обязательнымъ, какъ непререкаемый логическій выводъ изъ унаслѣдованной отъ великой революціи формулы народовластія*). И такъ не въ одной Франціи. Мало-по-малу законъ

---

*) Quentin-Bauchart, La crise sociale de 1848, 1920, 245 ff; Seignobos y Lavisse, VI, 1921, 28 ss.

1848 г. обошелъ весь міръ, превратился въ коренной устой положительнаго права всѣхъ народовъ. Современное правосознаніе не мыслитъ демократическаго государства безъ всеобщаго избирательнаго права. Связь двухъ половинъ демократической формулы кажется неразрывной и непрекаемой.

Завоеванія новой политической логики, конечно, не всегда были мирными. Традиціи иной организаціи парламентовъ, уходящія въ далекое прошлое господства старыхъ общественныхъ союзовъ и равновѣсія организованныхъ цензовыхъ группъ, не сразу сдали свои позиціи. Нигдѣ въ европейскихъ странахъ борьба за всеобщее избирательное право такъ не интересна и не богата содержаніемъ, какъ въ Англіи. Вся новѣйшая ея исторія можетъ быть измѣрена ея избирательными реформами: 1832, 1867, 1884, 1918, Лордъ Грей, Дизраэли, Гладстонъ, Ллойдъ Джорджъ, развѣ въ этихъ датахъ и въ этихъ именахъ не вся современная Англія? Несомнѣнно, именно въ этой странѣ были съ наибольшей силой развиты всѣ аргументы противъ всеобщей подачи голосовъ, и обоснована доктрина конкурирующей съ ней цензовой избирательной системы. Система выборовъ, разсуждалъ крупнѣйшій теоретикъ англійскаго консерватизма, не есть вопросъ цѣли, а вопросъ средствъ, средствъ создать наилучшее представительное собраніе. «Парламентъ долженъ быть зеркаломъ ума и матеріальныхъ интересовъ Англіи». «Вамъ нужны въ палатѣ общинъ всѣ элементы, которые пользуются уваженіемъ и отвѣтственны за интересы страны. Вы должны имѣть тамъ знать и крупную территоріальную собственность; вы должны имѣть промышленныя предпріятія лучшаго типа, вы должны имѣть солидную торговлю; вы должны имѣть профессіональныя способности во всѣхъ ихъ формахъ; вы должны однако имѣть и нѣчто большее — вы нуждаетесь въ совокупности людей, не слишкомъ близко связанныхъ ни съ земледѣліемъ, ни съ промышленностью, ни съ торговлей; не слишкомъ

проникнутыхъ профессіональной мыслью и профессіональными привычками; вы должны имѣть совокупность людей, представляющихъ широкое разнообразіе англійскаго характера; людей, которые будутъ судьями между этими крупными господствующими интересами, которые будутъ смягчать жестокость ихъ соперничества» (Дизраэли, рѣчь 1859 г.). «Парламентъ долженъ быть зеркаломъ — представительствомъ каждаго класса — не соотвѣтственно числу голосовъ и не соотвѣтственно цыфрамъ, но соотвѣтственно всему тому, что даетъ вѣсъ и важность въ мірѣ внѣ его, съ тѣмъ, чтобы разные классы общества могли быть услышаны, и ихъ взгляды могли быть правильно выражены въ палатѣ общинъ, безъ возможности, чтобы одинъ классъ подавлялъ численностью и приводилъ къ молчанію другіе классы королевства» (Сэръ Хьюгъ Кернсъ, 1866). «Демократіи», отрицающей такія задачи, противопоставляется, какъ англійскій идеалъ, «идеалъ конституціонный»: избирательное право, построенное на равновѣсіи общественныхъ элементовъ въ парламентѣ, способное одно спасти страну отъ тираніи одного класса надъ другимъ. «Великая цѣль всѣхъ конституціонныхъ постановленій — предупредить, чтобы какое бы то ни было большинство не стало тираномъ надъ меньшинствомъ, чтобы какой бы то ни было классъ не доминировалъ надъ другимъ. Все равно, какой классъ: родъ людской полонъ эгоизма, и тиранія почти неизбѣжна» (Лордъ Робертъ Сесиль, 1859).*).

«Конституціонный идеалъ», въ противоположность «демократическому», планомѣрная организація избирательнаго права, вмѣсто простой игры числъ и количествъ, — таковъ

*) Buckle, The life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield, IV (1916), 201 ff.; Lady Gwendolen Cecil, Life of Robert Marquis of Salisbury, I (1921), 144 ff.

идеалъ, которымъ живетъ Англія въ теченіе всего XIX вѣка. Этотъ идеалъ вдохновляетъ всѣ три великихъ избирательныхъ реформы этого столѣтія, всѣ тѣ постепенныя пониженія избирательнаго ценза, которыя сдѣлали Англію къ концу его подлинной демократіей, вопреки отсутствію всеобщей подачи голосовъ. Но какъ бы крѣпко ни сидѣла въ англійскомъ сознаніи доктрина планомѣрной организаціи избирательнаго права, процессъ постепеннаго пониженія послѣдняго въ концѣ концовъ привелъ къ неизбѣжному логическому концу. «Актъ о представительствѣ народа» 1918 года освятилъ всеобщее избирательное право, тѣ самые принципы, что семьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ въ хаосѣ революціонныхъ дней принесло Европѣ французское временное правительство въ декретѣ 5 марта 1848 г.

Борьба противъ прямолинейнаго, геометрическаго идеала февральской революціи шла не въ одной Англіи. Написать исторію этой борьбы въ Европѣ, значило бы написать исторію политическаго развитія большинства европейскихъ странъ. Сколько умственныхъ усилій, сколько упорной выдержки, сколько политической фантазіи было потрачено, чтобы спасти старый идеалъ. И напрасно было бы думать, чтобы процессъ обороны цензовой организаціи законодательныхъ собраній сводился къ простому инвентарю попытокъ классовыхъ эгоизмовъ отстоять свои привилегіи. Борьба гораздо содержательнѣе и крупнѣе. Надъ мелкимъ классовымъ эгоизмомъ возвышается одушевляющее защитниковъ традиціи сознаніе историческаго облика своей страны, ихъ подлинно-патріотическая забота, чтобы не подорваны были устои, на которыхъ она росла и возвышалась. Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, всеобщее избирательное право воцарилось въ рядѣ европейскихъ государствъ въ качествѣ рефлекса политическихъ катастрофъ, пришло въ канунъ грозныхъ испытаній или на слѣдующій за ними день.

Но, тѣмъ или инымъ путемъ, формулы французскаго декрета 5 марта 1848 г. одержали въ концѣ концовъ побѣду по всей линіи. Современное государство — вездѣ демократія, вездѣ сочетаніе народнаго представительства и всеобщаго избирательнаго права.

Гдѣ коренной источникъ конечнаго торжества демократической идеи? Я не ставлю этого вопроса, какъ вопроса историческаго. Я хотѣлъ бы говорить только о внутреннихъ логическихъ достоинствахъ новой политической истины, а не о внѣшней ея притягательности въ процессѣ реальной борьбы за власть. Политическія идеи — оружіе въ этой борьбѣ. Но оружіе можетъ быть сильнымъ или слабымъ, острымъ или тупымъ, разящимъ или влекущимъ пораженіе. Сильна та политическая идея, которая опирается на основные постулаты нашего практическаго разума и проникнута непререкаемой логикой этихъ постулатовъ.

Такова — идея демократическаго государства. Она дана логикой двухъ вѣчныхъ и вѣчно убѣждающихъ коренныхъ идей человѣческаго рода — идеи свободы и идеи равенства. Въ ней жива до сихъ поръ, какъ въ первый день, безсмертная діалектика Руссо и Канта. Свобода и равенство даны тогда, когда властвуетъ цѣлое, воля котораго слагается изъ равноцѣнныхъ воль индивидовъ. Реально воплотить эту волю можетъ только избранное всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ законодательствующее представительное собраніе. Внѣ народовластія государство свободныхъ и равныхъ гражданъ логически не построяемо *).

---

*) Я не знаю въ современной литературѣ болѣе глубокихъ и проникновенныхъ страницъ, чѣмъ маленькая книга Hans *Kelsen*, Vom Wesen und Wert der Demokratie, 1920, посвященныхъ развитію этой темы.

Пусть французы и нѣмцы спорятъ, что такое то цѣлое, которому подчиняются граждане въ такомъ государствѣ, есть ли это суверенный народъ или суверенная «persona» государства. Въ этомъ спорѣ много схоластики, но онъ цѣненъ тѣмъ, что обѣ теоріи по разному выражаютъ коренную мысль современнаго демократическаго государства, примиряющаго власть и свободу: «такъ окутываетъ покрывало олицетворенія государства невыносимый для демократическаго сознанія фактъ власти человѣка надъ человѣкомъ» (Кельзенъ) *).

На нашихъ глазахъ на службу прозрачной логики идеала современнаго парламента призвана «избирательная геометрія» пропорціональной системы выборовъ, истинный вѣнецъ упирающейся въ Декарта прямолинейности демократической государственной концепціи. Дальше идти некуда: народная воля вычисляется съ точностью механической постройки!

Но какъ ни ослѣпительна побѣда демократіи — избраннаго всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ народнаго представительства — какъ ни соблазнительны послѣдніе выводы, которые намъ обѣщаютъ еще изъ нея сдѣлать — повелительный мандатъ и право отзыва депутатовъ **) — все же мало вѣроятно, чтобы человѣчество поставило точку и прекратило искать дальнѣйшихъ усовершенствованій своего госу-

---

*) Къ знаменитой полемикѣ Іеллинекъ — Дюги — Оріу, въ которой только послѣдній обнаруживаетъ истинный блескъ научной мысли (къ сожалѣнію, не всегда достаточно вышколенной) два огромныхъ тома Карре де Мальберга, цит. выше и представляющіе новѣйшіе результаты размышленій на тему «народный или государственный суверенитетъ,» добавляютъ немногое. Этотъ странный научный перебѣжчикъ изъ стана нѣмецкой науки въ станъ науки французской размышляетъ на какомъ-то среднемъ франко-нѣмецкомъ научномъ нарѣчіи.

**) *Hall*, Popular government, New-York, 1921, passim.

дарственнаго быта. Присматриваясь ближе къ непрекращающейся работѣ политической мысли, чувствуешь, напротивъ того, что все съ большей и большей энергіей прокладываетъ себѣ дорогу одно новое построеніе по вопросу объ организаціи законодательствованія въ современномъ государствѣ, чрезвычайно интересное и глубоко обоснованное. Его обычная формула — «представительство интересовъ».

Формула эта бельгійскаго происхожденія. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ періодъ происходившей тамъ тогда напряженной борьбы за демократизацію выборовъ, приведшей къ реформѣ 1893 г., въ числѣ разныхъ лозунговъ, которыми боролись противъ узкой цензовой системы старой бельгійской конституціи, была выдвинута рядомъ дѣятелей схема привлеченія къ выборамъ «всѣхъ интересовъ» страны. (Геллепутъ, Гобле д-Альвіела, Кроокъ) *). Въ 1884 г. подъ вліяніемъ этой агитаціи появилась книга Принса, впервые пытавшаяся теоретически обосновать эту схему **). Съ тѣхъ поръ защитники ея не переводятся, и было бы излишнимъ и утомительнымъ ихъ всѣхъ перечислять. Нѣтъ ни одной страны, которая оставалась бы чуждой новому движенію, и съ каждымъ десятилѣтіемъ оно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе авторитетныхъ защитниковъ.

Въ чемъ заключается эта новая схема наилучшаго парламента? Современное общество, разсуждаютъ ея авторы, не есть «стадо индивидовъ», eine Herde von singuli (Биндингъ)***). Въ такомъ пониманіи общества лежитъ колоссаль-

---

*) *Joseph Barthélemy*, L'organisation du suffrage et l'expérience belge, 1912, 266, 282.

**) *Prins*, La démocratie et le régime parlementaire, Bruxelles, 1884.

***) *Binding*, Das Problem der Bildung der Parlamente und der Volksversammlung des Freistaates, въ сборникѣ Zum Werden und Leben der Staaten, 1920, 299 ff.

ное преувеличеніе естественно-правовой доктриной значенія человѣка въ отдѣльности. Народъ есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ простая сумма индивидовъ, и нѣчто отъ нея существенно отличное. Онъ состоитъ изъ множества союзовъ и группъ, съ которыми государственная организація не можетъ не считаться. Интересы всѣхъ этихъ группъ должны быть представлены въ парламентѣ. Онѣ такіе же члены общежитія, какъ физическія лица, но только превосходящіе ихъ своимъ значеніемъ, своей прочностью и своей работоспособностью. «Рядомъ съ силой численности выросла другая соціальная сила, сила синдикальныхъ группировокъ... Пришло время построить рядомъ съ политическимъ представительствомъ индивидовъ политическое представительство соціальныхъ группъ» (Дюги) *).

Во всемъ этомъ какъ бы звучатъ старыя ноты. Развѣ это не то самое, что говорилось въ Англіи, когда «конституціонный строй» противополагался «демократіи»? И развѣ только что сдѣланное сопоставленіе не уводитъ насъ дальше, въ то европейское прошлое, когда въ парламентахъ сидѣли довѣренные сословій, а не представители народа! Какъ ни соблазнительнымъ кажется подхватить такія, будто, старыя ноты, — то было бы простой ошибкой историческаго слуха. Въ схемѣ «представительства интересовъ» бьется самая подлинная текущая жизнь. Безконечно раздробленное идеями французской революціи индивидуалистическое общество переживаетъ могущественный процессъ союзной кристаллизаціи. Когда Поль-Бонкуръ провозглашалъ на порогѣ XIX и XX вѣковъ начало «синдикальнаго суверенитета», онъ ставилъ блестящій діагнозъ современности **). Организація «интересовъ» есть неоспоримый и яркій фактъ окружающей дѣйствительности.

---

*) *Duguit,* Traité de droit constitutionnel, 2-e éd., I (1921), 510 ss.

**) *Paul-Boncourt,* Le Fédéralisme économique (2), 1901, 370 ss.

Чѣмъ глубже будетъ идти эта организація, тѣмъ громче и настойчивѣе будетъ звучать и формула «представительство интересовъ», тѣмъ ближе мы будемъ къ той организаціи демократіи, которую недавній англійскій писатель назвалъ «демократіей общественныхъ функцій» *).

Какъ будетъ достигнуто это «представительство интересовъ», настойчиво подсказываемое намъ «организаціей интересовъ», переживаемой современными культурными обществами?

Передъ нами двоякій путь: одинъ — пытаться найти для этого представительства мѣсто въ рамкахъ существующей политической организаціи; второй — раздвинуть эти рамки, ихъ не разрушая.

Можетъ казаться, что и на первомъ направленіи открывается много возможностей, что эти возможности подсказаны жизнью и дѣйствительностью. Прежде всего, развѣ политическая партія не можетъ обслуживать представительство интересовъ? Конечно, большинство политическихъ партій въ большинствѣ современныхъ странъ, въ большей или меньшей степени, подвергаются вліянію той общественной базы, на которую онѣ опираются. Можетъ быть, только въ великихъ англо-саксонскихъ демократіяхъ двѣ коренныя партіи, составляющія традиціонныя пружины ихъ гражданственности, чудомъ соблюли внѣклассовую и надклассовую чистоту. Но безспорная наличность классовыхъ вліяній на политическую партію современнаго государства вовсе не свидѣтельствуетъ, что партія цѣлесообразный органъ для «представительства интересовъ». Внутри каждой изъ нихъ лежитъ непреоборимая сила политической экспансіи, непреоборимое стремленіе къ захвату все большихъ и большихъ массъ избирателей. Что можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи исторіи Партіи Тру-

*) «Functional democracy»; *Cole*, Social theory, 1920, 110.

да въ Англiи? Зерно ея въ стремленiи провести въ парламентъ нѣсколькихъ рабочихъ; это удалось въ 1874 г., но въ теченiе нѣсколькихъ десятилѣтiй попадавшiе въ парламентъ рабочiе — рабочiе въ собственномъ смыслѣ этого слова — сидѣли на скамьяхъ либераловъ, составляя такъ называемый «Liberal-Labour», не претендуя ни на какую универсальную политическую компетенцiю и сознательно и скромно чувствуя себя лишь экспертами интересовъ физическаго труда. Въ 1906 г. «Либеральный Трудъ» умеръ, и родилась «Независимая Партiя Труда». Соцiальныя рамки партiи были тотчасъ раздвинуты. Въ партiю зовутъ сейчасъ «умственный трудъ» на тѣхъ же основанiяхъ, какъ раньше звали «трудъ физическiй». Сложилась прежде отсутствовавшая универсальность партiйной программы и партiйныхъ задачъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ процессѣ завоеванiя вотумовъ растворились точные и ясно очерченные «интересы», безхитростно «представлявшiеся» тремя подлинными рабочими въ парламентѣ 1874 г. *). Представленный политической партiей «интересъ» неизбѣжно искаженъ, затуманенъ, лишенъ необходимой подлинности.

Но вотъ второй прiемъ организацiи представительства интересовъ, совершенно иной, чѣмъ тотъ, что мы сейчасъ обдумывали, даваемый намъ случайностями въ темпѣ политическаго развитiя очень многихъ европейскихъ странъ. Спрашивается, не слѣдуетъ ли отвести для обслуживанiя «представительства интересовъ» верхнiя палаты парламентовъ, тамъ, гдѣ онѣ сохранились. Откинемъ тѣ изъ нихъ, которыя, наравнѣ съ нижними, избираются всеобщей подачей голосовъ, прямой

---

*) *Humphrey*, A history of Labour Representation, 1912, passim; *Ramsay Macdonald*, A policy for the Labour Party, 1920, 11 ff.; эта вторая книга и въ особ. книга другого вождя партiи Thomas, When Labour rules, 1920, чрезвычайно характерны для «универсальности» партiи въ ея нынѣшнемъ видѣ.

или косвенной: въ странахъ, гдѣ онѣ такъ организованы, очевидно, двойственность парламента, демократически построеннаго, признана самостоятельной цѣлью государственной организаціи, и такая цѣль не допускала бы превращенія соотвѣтствующей верхней камеры въ органъ представительства интересовъ. То же замѣчаніе относится къ союзнымъ странамъ, гдѣ верхняя палата имѣетъ свою задачу охраны интересовъ федерализма и тоже негодна для разсматриваемаго превращенія.

Поставленный въ такой формѣ вопросъ сводится къ принципіальной возможности, хотя бы частично, разорвать, организуя представительство интересовъ, съ верховенствомъ избраннаго всеобщимъ голосованіемъ, народнаго представительства. Равноправіе существующихъ «народнаго представительства» и «представительства интересовъ» грозитъ узаконеніемъ непрерывнаго государственнаго конфликта. Одному изъ двухъ представительствъ должна быть дана гегемонія. Въ такомъ выборѣ между ними не можетъ быть колебаній. Пригласить демократію спустить свой флагъ съ государственнаго корабля было бы сейчасъ совершенно праздной игрой ума. Въ такой формѣ ставить сейчасъ вопросъ о представительствѣ интересовъ, — значитъ, реально, его не ставить. Для представительства интересовъ пригодны сейчасъ только тѣ верхнія палаты, которымъ не принадлежитъ равенство правъ и вліянія съ палатами нижними или у которыхъ такое равенство будетъ отнято.

Говоря общѣе, разрѣшая принципіальный вопросъ о томъ, какъ, въ дѣйствительныхъ условіяхъ современности, въ современной демократіи, осуществить реформу, которая дастъ все усиливающимся общественнымъ группировкамъ возможность участвовать въ законодательствованіи, мы скажемъ, что рядомъ съ демократическимъ парламентомъ, какъ не равноправная ему, но внутренне авторитетная, совѣщательная или

полу-совѣщательная коллегія, должно стать организованное «представительство интересовъ», «демократія функцій».

Веймарская конституція Германской имперіи на нашихъ глазахъ осуществила эту крупную реформу. Имперскій Экономическій Совѣтъ, который предусмотрѣнъ этой конституціей (ст.165), и котораго временная организація дана въ указѣ 4 мая 1920 г., есть первая попытка создать законосовѣщательное центральное представительство общественныхъ союзовъ въ рамкахъ демократическаго государства *). Время еще не пришло дать оцѣнку этого учрежденія. Но едва ли можно сомнѣваться, что накопляемая въ свободныхъ соціальныхъ группировкахъ живая энергія и новый разумъ, вливаясь въ работу правильно построенной демократіи, будутъ существенно ее обогащать.

*) *Giese*, Die Reichsverfassung 2. Aufl., 1920, 416; *Anschütz*, Die Verfassung des deutschen Reichs, 1921, 260; *Poetzsch*, Handausgabe der Reichsverfassung 2 Aufl., 1921, 210; *Nawiasky*, Die Grundgedanken der Reichsverfassung, 1920, 154 ff; *Hubrich*, Das demokratische Verfassungsrecht des Deutschen Reiches, 1921, 89.

Нѣсколько историческихъ фигуръ

С. Д. САЗОНОВЪ.

1866 — 1927.

Съ именемъ С. Д. Сазонова въ памяти людей навсегда будетъ связано одно изъ самыхъ грозныхъ по своимъ послѣдствіямъ рѣшеній въ исторіи человѣчества. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ описалъ трагическіе часы этого рѣшенія съ простотой и искренностью. 30 іюля 1914 г. въ два часа дня по телефону онъ былъ вызванъ Сухомлиновымъ и Янушкевичемъ, которые заявили ему, что частная мобилизація, начатая въ Россіи противъ Австріи, представляетъ, при военныхъ приготовленіяхъ Германіи, величайшую опасность, такъ какъ технически затрудняетъ успѣшность мобилизаціи всеобщей. Военный министръ и начальникъ генеральнаго штаба просили его переговорить съ Государемъ и убѣдить его разрѣшить всеобщую мобилизацію. «Мнѣ не приходится говорить о томъ, — продолжаетъ С. Д. Сазоновъ свои воспоминанія, — съ какимъ чувствомъ я принялся за исполненіе этой просьбы, касающейся области мнѣ совершенно чуждой и, по существу своему, нелегко примиримой со складомъ моего характера и моихъ убѣжденій. Я тѣмъ не менѣе взялся выполнить возлагавшееся на меня порученіе, усматривая въ немъ тяжелый

долгъ, отъ котораго я не считалъ себя въ правѣ уклониться въ такую страшную по своей отвѣтственности минуту...Я началъ мой докладъ въ десять минутъ четвертаго и кончилъ его въ четыре часа... Государь молчалъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое волненіе: «Это значитъ, обречь на смерть сотни тысячъ русскихъ людей. Какъ не остановиться передъ такимъ рѣшеніемъ?» Я отвѣтилъ ему, что не на него ляжетъ отвѣтственность за драгоцѣнныя жизни, которыя унесетъ война. Онъ этой войны не хотѣлъ, ни онъ самъ, ни его правительство... Мнѣ было больше нечего прибавить къ тому, что я сказалъ Государю, и я сидѣлъ противъ него, внимательно слѣдя за выраженіемъ его блѣднаго лица, на которомъ я могъ читать ужасную внутреннюю борьбу, которая происходила въ немъ въ эти минуты, и которую я самъ переживалъ, едва ли не съ тою же силою... Наконецъ, Государь, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова, сказалъ мнѣ: «Вы правы. Намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ ожидать нападенія. Передайте начальнику генеральнаго штаба мое приказаніе о мобилизаціи»...

Въ этомъ діалогѣ — весь Сазоновъ. Чувство долга, велѣніе совѣсти — основной законъ его природы. Въ минуту испытанія, равнаго которому не вспомнить во всемірной исторіи, онъ озаренъ только ими: онъ не колеблется и не высчисляетъ, а принимаетъ на себя отвѣтственность полностью и безъ оговорокъ, ибо таковъ голосъ долга и совѣсти.

Въ нравственныхъ качествахъ Сазонова, его безукоризненномъ патріотизмѣ, совершенной чистотѣ мотивовъ, которые имъ всегда руководили, лежалъ источникъ несомнѣнной силы. Въ существенной степени имъ обязанъ былъ онъ, и обязана была Россія, — той очень выгодной дипломатической обстановкой, въ которой была начата великая война.. Было бы неправильнымъ выразиться, что Россія была дипломатически «подготовлена къ войнѣ», ибо мы очень хорошо

знаемъ, вопреки томамъ германскихъ педантовъ, что въ Россіи войны «не готовили»; но нѣтъ сомнѣнія, что благодаря Сазонову, война застала ее дипломатически вооруженной. Съ первыхъ же дней на лицо были союзъ съ Англіей и Франціей и нейтралитетъ Италіи и Румыніи. Условія начатой борьбы не могли быть болѣе благопріятными съ точки зрѣнія внѣшней политики. И опять-таки благодаря Сазонову, за тѣ два года войны, что онъ стоялъ во главѣ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, основной союзъ не далъ ни одной, даже малой трещины, а два самыхъ важныхъ нейтралитета были превращены въ союзы. Даже русскія пораженія, даже начавшееся послѣ Горлицы крушеніе русской военной мощи, не поколебали положенія имперіи въ противогерманской коалиціи. Дата, когда насъ стали скидывать со счетовъ, относится къ первымъ мѣсяцамъ Временнаго Правительства. Тайна этого успѣха дипломатіи Сазонова лежала прежде всего въ его совершенной лойяльности и прямотѣ, въ томъ неограниченномъ довѣріи, которое онъ внушалъ въ союзныхъ странахъ. Личныя качества какъ бы проектировались въ огромномъ государственномъ и міровомъ масштабѣ, обслуживая интересы страны.

Лучшей пробой того, какъ крѣпко и вліятельно было положеніе Россіи въ союзѣ, служитъ вопросъ о проливахъ. Сазоновъ далеко не сразу убѣдился въ желательности поставить вопросъ о прямомъ контролѣ Россіи надъ выходомъ изъ Чернаго Моря. Но когда убѣдился, онъ достигъ цѣли съ легкостью, которая была бы недоступна другому. Вопреки вѣковымъ традиціямъ, въ Англіи ему сразу повѣрили, когда онъ сказалъ, что не можетъ долѣе оставлять вопросъ открытымъ, и, не колеблясь, передали ему проливы — «богатѣйшій призъ войны», какъ выразился сэръ Эдуардъ Грей въ своей нотѣ. Делькассэ, съ меньшей рѣшительностью и меньшей охотой, присоединился, узнавъ о рѣшеніи Лондона.

Можно смѣло сказать, что изъ той политики тѣснаго союза съ Англіей и Франціей ради активной работы на Ближнемъ Востокѣ, которая была начата Извольскимъ и которая пользовалась поддержкой всего передового русскаго общественнаго мнѣнія послѣ Портсмута, Сазоновымъ въ годы великой войны была извлечена наибольшая возможная польза. Смѣшно вспоминать, въ контекстѣ этихъ результатовъ, тѣ или другія частныя неудачи дипломатическихъ усилій Антанты, вродѣ Болгаріи, въ которыхъ отвѣтственность лежала больше на трудности вести общую политику, руководя ею сразу и изъ Петербурга, и изъ Парижа, и изъ Лондона. Въ логикѣ Западнаго Союза Сазоновымъ было достигнуто все основное, чего можно было достигнуть.

Правда, эта логика приводила къ освобожденію Польши, и имя Сазонова связано съ приснопамятной всеподданнѣйшей запиской 17 апрѣля 1916 г., знаменовавшей сознательное отреченіе отъ «политики раздѣловъ». Но развѣ можно серьезно думать, что въ примиреніи съ поляками, въ признаніи бытія польскаго народа лежалъ какой-то ущербъ съ точки зрѣнія здраваго русскаго государственнаго интереса? И въ этомъ такъ же, какъ и въ другихъ заповѣдяхъ своей внѣшней политики, Сазоновъ былъ поддержанъ передовымъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Странно сказать: во всей своей дѣятельности Сазоновъ былъ въ неизмѣримо меньшей степени техникомъ, носителемъ программъ и методовъ, традицій и опыта русской дипломатической канцеляріи, чѣмъ выразителемъ политики, создававшейся больше и прежде всего русскимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Будущій историкъ русской дипломатіи разскажетъ, какъ въ періодъ русско-японской войны вся русская внѣшняя политика, слагавшаяся поколѣніями, упиравшаяся еще на Екатерининскія традиціи, была перестроена подъ давленіемъ об-

щественныхъ настроенiй, какъ во имя сближенiя съ Англiей и активныхъ задачъ на Балканахъ былъ сданъ въ архивъ и германскiй союзъ, и вѣра въ спасительность балканскаго «статусъ кво», и привычка видѣть турокъ на проливахъ, и интересъ къ Дальнему Востоку.

Сазоновъ, вопреки своей долгой дипломатической карьерѣ, былъ человѣкомъ не традицiй и не техники, а представителемъ этого, одолѣвшаго ихъ, новаго русскаго общественнаго мнѣнiя. Несмотря на то, что въ годы его министерства дальневосточная политика велась однимъ изъ наиболѣе выдающихся его сотрудниковъ, Г. А. Козаковымъ, образцово, и были достигнуты блестящiе результаты, онъ, по образцу новой русской публицистики, до конца своихъ дней, даже въ своихъ воспоминанiяхъ, говорилъ о «дальневосточной тинѣ». Подъ влiянiемъ — также общественной въ своемъ происхожденiи — мысли о «возвращенiи Россiи на Балканы» онъ не почувствовалъ, какъ заключенный съ его благословенiя балканскiй союзъ 1912 г. оказался — неожиданно для него самого — прелюдiей къ великой войнѣ. Наконецъ, развѣ не раздѣляетъ онъ со всей Россiей отвѣтственности тѣхъ рѣшенiй, съ которыхъ я началъ мой разсказъ? Когда съ кафедры Государственной Думы въ первые дни войны, говоря о причинахъ, приведшихъ къ объявленiю войны Германiей, онъ кончалъ свою рѣчь словами: «Не посрамимъ земли русской», развѣ не былъ онъ выразителемъ подлинныхъ настроенiй нацiональной Россiи, развѣ слова эти не находили себѣ глубочайшаго отклика въ разумѣ и совѣсти всей страны?

Вмѣстѣ съ нацiональной Россiей, его воспитавшей и его поддерживавшей, Сазоновъ ушелъ въ изгнанiе. Но когда разорванная нить русскаго историческаго развитiя будетъ завязана заново, въ Сазоновѣ найдутъ незабываемый образъ честнаго и вѣрнаго слуги Родины.

КН. Г. Н. ТРУБЕЦКОЙ.

1873 — 1930.

Князь Григорій Николаевичъ Трубецкой соединялъ въ себѣ два элемента старой Великой Россіи, рѣдко въ ней сочетавшіеся: онъ былъ матеріально совершенно независимымъ и духовно совершенно свободнымъ общественнымъ дѣятелемъ и, одновременно, не теряя ни доли своей независимости и своей свободы, представителемъ русской государственной службы. Дисциплина послѣдней была имъ принята совершенно добровольно, въ результатѣ лишеннаго всякой внѣшней необходимости и даже честолюбія выбора, какъ выраженіе стремленія вложить свои дарованія въ великое дѣло осуществленія русской государственной власти.

Когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отставки и публицистической работы въ Москвѣ, въ періодъ первой революціи, онъ снова появился въ стѣнахъ министерства иностранныхъ дѣлъ на Дворцовой площади, приглашенный покойнымъ С. Д. Сазоновымъ стать во главѣ ближневосточнаго политическаго отдѣла, его новая роль не вызвала ни малѣйшаго удивленія, настолько этотъ москвичъ, «либералъ» и конституціоналистъ, въ которомъ не было никакихъ слѣдовъ петербургскаго чи-

новника, казался призваннымъ, по праву и справедливости, взять въ свои руки важный рычагъ русской государственной машины. Трубецкой зналъ, что машина эта сложна, что въ ней нѣтъ мѣста импровизаціи, что она сильнѣе индивидуальнаго усилія, что въ ней есть традиціи и что безъ этихъ традицій она существовать не можетъ. И въ то же время онъ сознательно принесъ въ работу на государственномъ станкѣ свои собственныя, свободно выросшія мысли, свое собственное пониманіе русскихъ государственныхъ задачъ, мысли и пониманіе, которыми онъ никогда не поступился бы и которыя ни при какихъ условіяхъ онъ не принесъ бы въ жертву никакимъ выгодамъ и никакой «карьерѣ». При малѣйшемъ конфликтѣ между инерціей государственнаго аппарата и своей собственной внутренней свободой, онъ — всѣ это знали — спокойно и вѣжливо ушелъ бы изъ петербургскаго служебнаго кабинета и уѣхалъ въ Москву и въ Васильевское.

То, что привезъ съ собой изъ Москвы князь Трубецкой, было цѣльной и продуманной, новой программой русской внѣшней политики. Не онъ одинъ намѣтилъ эту новую программу. Она отчасти была подсказана обстоятельствами и отражала на себѣ разочарованія, пережитыя въ періодъ японской войны, отчасти была результатомъ коллективнаго творчества общественнаго мнѣнія, въ которомъ Трубецкой дѣятельно участвовалъ, отчасти питалась императивами, намѣченными русской профессіональной дипломатіей въ лицѣ своихъ болѣе даровитыхъ представителей, съ Извольскимъ во главѣ. Программа эта не представляла никакой тайны, она излагалась въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» братьевъ Трубецкихъ и развивалась въ рядѣ книгъ, статей и рѣчей. Ее можно было бы исторически обозначить, какъ программу русскаго либеральнаго имперіализма: она призывала вернуться къ политическимъ задачамъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ, и ограничиться обороной на Тихомъ океанѣ; она включала

здравыя и спокойныя славянофильскія тенденціи, не въ формахъ наивнаго и торопливаго славянофильства по типу Ивана Аксакова, а какъ сознаніе необходимости присущей Россіи миссіи въ семьѣ славянскихъ народовъ; и, какъ логически необходимый выводъ изъ такихъ тенденцій, она искала примиренія съ Польшей, стремилась отозваться на «славянофильство» польское, которое когда то вдохновляло маркиза Вѣлепольскаго въ его исканіяхъ русско-польской «угоды», и которое съ такимъ публицистическимъ блескомъ развивалъ въ тѣ годы Романъ Дмовскій.

С. Д. Сазоновъ, который по своему укладу ни въ какой мѣрѣ самъ не былъ творцомъ новыхъ мыслей, и историческая роль котораго заключалась въ томъ, что его умъ былъ открытъ для ихъ воспріятія, а огромный капиталъ чужого довѣрія, который онъ умѣлъ собрать своими безупречными честностью и характеромъ, былъ смѣло отданъ ихъ осуществленію, питалъ къ Трубецкому самое искреннее довѣріе и испытывалъ его несомнѣнное віляніе. «Паѳосъ» Трубецкого — безъ «паѳоса» нѣтъ крупныхъ людей — сочетался съ трезвымъ умомъ, съ сознаніемъ возможнаго и достижимаго и съ отточенной политической и обшей культурой; онъ заражалъ Сазонова, и исторія русской дипломатіи за годы пребыванія Трубецкого во главѣ ближневосточнаго политическаго отдѣла, въ особенности въ первое время войны, носитъ на себѣ отчетливую печать его личнаго творчества.

Съ началомъ войны, которой въ Россіи, мы хорошо знаемъ, никто не хотѣлъ и которую никто не готовилъ, для Трубецкого и людей его политическихъ настроеній открылся періодъ напряженнѣйшихъ размышленій и отвѣтственнѣйшихъ рѣшеній. При томъ, какъ война вспыхнула, у ней не оказалось никакихъ, заранѣе въ тиши разработанныхъ, политическихъ «цѣлей». Нравственно и политически, война была для Россіи лишь обороной, — въ нача-

лѣ только ею. Но силой вещей развертывавшіяся грандіозныя событія заставляли выковать эти «цѣли», извлекая изъ стараго историческаго опыта и новыхъ политическихъ выкладокъ политическую программу войны. Въ этомъ процессѣ рожденія и роста «цѣлей войны» въ Россіи, процессѣ, который пока еще мало изученъ объективной исторіей, личный вкладъ Трубецкого былъ чрезвычайно крупенъ, минутами пріобрѣтая совершенно рѣшающій характеръ.

Не онъ ли первый поставилъ во весь ростъ проблему Польши, какъ задачу русской политики военнаго времени? За нѣсколько дней до смерти Григорія Николаевича я писалъ ему, чтобы просить сообщить — для одной подготовляемой мною работы — нѣкоторыя подробности развитія польскаго вопроса въ началѣ войны. Трубецкой 3 января отвѣтилъ мнѣ длиннымъ письмомъ, изъ котораго я позволю себѣ выписать первыя строки.

«Вниманіе къ польскому вопросу — писалъ Трубецкой — было возбуждено еще до войны въ связи съ балканскимъ кризисомъ. Мнѣ пришлось тогда составить записку, которую покойный С. Д. Сазоновъ представилъ Государю, о необходимости измѣнить нашу политику въ Польшѣ въ связи съ общей международной обстановкой, которая вызывала опасеніе возможнаго возникновенія обще - европейской войны въ недалекомъ будущемъ... Въ томъ же духѣ была составлена записка нѣкоторыми членами Государственной Думы, которые представили ее черезъ Коковцова тоже Государю. Лично Государь очень благожелательно отнесся къ содержанію обѣихъ записокъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ Маклаковъ не далъ имъ хода»...

Мысли Трубецкого опредѣлили собой политику, выраженіемъ которой послужило воззваніе Великаго Князя Николая Николаевича къ полякамъ и, позднѣе, знаменитый проектъ польской конституціи Сазонова. Кто не помнитъ заклю-

чительнаго аккорда перваго: «Отъ береговъ Тихаго океана до Сѣверныхъ морей движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для васъ»... Слова эти были написаны Трубецкимъ и являлись воплощеніемъ именно его мыслей. И развѣ даже сейчасъ — послѣ всего того, что случилось, послѣ всѣхъ пораженій и униженій — можно отрицать ихъ пророческій характеръ? Развѣ они не остаются выраженіемъ совершенно безспорной исторической истины? Русско-польскій споръ, кончить который хотѣлъ Трубецкой, — временно разрѣшился безъ Россіи и совсѣмъ не такъ, какъ было задумано имъ и людьми его взглядовъ. Но дѣйствительно, если бы не двинулись русскія рати, развѣ бы существовала сейчасъ свободная Польша?

Мысль Трубецкого съ начала войны работала и въ другомъ направленіи: онъ напряженно думалъ о Ближнемъ Востокѣ. Именно его письмомъ открывается «досье» русской восточной политики военнаго времени. Онъ писалъ въ первыя недѣли войны: «...Если Богъ дастъ намъ успѣхъ, то станетъ вопросъ о выгодахъ, которыя намъ желательно извлечь изъ войны, требующей столь громаднаго напряженія всѣхъ силъ страны. — То, что мы можемъ пріобрѣсти на нашихъ западныхъ окраинахъ, есть скорѣе выполненіе неизбѣжнаго историческаго долга, чѣмъ наша прямая выгода. Только устья Нѣмана для насъ и Висла для Польскаго края явились бы серьезной компенсаціей. Но, конечно, невольно, прежде всего мысль обращается къ Проливамъ... Нельзя также заранѣе учесть политической обстановки, при которой будетъ заключенъ миръ. Поэтому теперь приходится ставить себѣ цѣлую скалу возможностей и того, чего намъ добиваться, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ»... Трубецкой переходитъ затѣмъ къ этой скалѣ, твердо намѣчая, какъ цѣль войны, «обезпеченіе русскаго контроля надъ Проливами». Въ концѣ октября 1914 года Турція начала военныя дѣйствія, и основная гипотеза

«скалы» Трубецкого осуществилась. Уже 29 октября 1914 г. англійскій посолъ въ Петербургѣ телеграфировалъ сэру Эдуарду Грею — какъ бы парафразируя слова Трубецкого: «Есть основаніе полагать, что война съ Турціей должна быть встрѣчена сочувственно широкими кругами русскаго общества, убѣжденными, что Россія изъ войны съ Германіей и Австріей не извлечетъ никакихъ значительныхъ выгодъ».

Къ концу 1914 г., послѣ того какъ, при ближайшемъ участіи Трубецкого, русской дипломатіей были намѣчены основныя русскія задачи на Западѣ и на Ближнемъ Востокѣ, Трубецкой былъ назначенъ на необыкновенно трудный при тогдашней обстановкѣ постъ русскаго посланника въ Сербіи. Изъ далекаго и отрѣзаннаго отъ большого свѣта Ниша, онъ продолжалъ напряженно слѣдить за судьбой Проливовъ. «Пользуюсь вѣрнымъ случаемъ, чтобы направить вамъ эти строки» — писалъ онъ Сазонову 24 февраля (9 марта) 1915 г. — «Здѣсь за послѣднее время не произошло ничего особеннаго, заслуживающаго быть отмѣченнымъ. Всѣ взоры напряженно направлены въ сторону Дарданеллъ. Весь свѣтъ чувствуетъ, что наступила самая драматическая минута, отъ исхода которой зависитъ не только направленіе военныхъ дѣйствій, но и отношеній между собой всѣхъ державъ... Нужно ли вамъ говорить, что денно и нощно я только и думаю объ этомъ и молю Бога, чтобы онъ помогъ вамъ справиться съ этой задачей такъ, какъ этого ждетъ отъ васъ вся Россія? Потому что нельзя дѣлать себѣ иллюзій. Неудачное разрѣшеніе этого вопроса отразилось бы у насъ не такими послѣдствіями, какъ какой нибудь министерскій кризисъ. Вся Россія потребовала бы отчета въ томъ, за что проливается кровь нашихъ близкихъ, и одна опасность и неувѣренность въ настоящемъ рѣшеніи этого вопроса можетъ подорвать все одушевленіе, являющееся двигателемъ войны».

Кончаю этой выпиской. Она такъ ярко передаетъ благородный патріотизмъ покойнаго князя Трубецкого!

И добавлю одно. «Вся Россія», о которой говорилъ покойный въ приведенныхъ строкахъ, оказалась, ровно черезъ три года, рабски преклонившейся не только передъ отказомъ отъ патріотическихъ замысловъ прежнихъ руководителей ея судебъ, но передъ чѣмъ то неизмѣримо горшимъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что Трубецкой, вмѣстѣ со всѣмъ, что было лучшаго въ его поколѣніи, жилъ иллюзіей, когда писалъ приведенныя строки? Отнюдь нѣтъ. Нація не есть толпа. Она выраженіе того, чѣмъ ее воодушевляютъ ея вожди. «Вся Россія» была бы именно той, — реально и дѣйствительно, — какой ее видѣлъ Трубецкой изъ своего Нишскаго угла, если бы, волей судебъ, не случилась, безъ тѣни вины людей уклада Трубецкого, катастрофа февральской революціи.

ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ.

1830 — 1916.

Въ прежнее время австрійскіе историки жаловались, что имъ не скоро удастся получить ключъ къ внутреннимъ подробностямъ новѣйшаго развитія политическихъ отношеній ихъ страны, ибо суровый этикетъ вѣнскаго двора долго не позволитъ обнародованія переписки или мемуаровъ близко стоявшихъ къ источнику власти людей. Революція упразднила старый этикетъ безъ остатка, и передъ нами цѣлый томъ интимнѣйшей вѣнской переписки — и даже не царедворцевъ или министровъ, но самого императора Франца-Іосифа.*)

«Какъ извѣстно», свидѣтельствуетъ ея ученый издатель, «Францъ-Іосифъ имѣлъ привычку все дѣлать письменно. Онъ требовалъ также, чтобы все, представлявшееся на его рѣшеніе, излагалось письменно, и не только для того, чтобы имѣть передъ глазами, чернымъ по бѣлому, предметъ своего размышленія, но чтобы всякій документъ поступалъ потомъ въ архивъ. Онъ желалъ также, чтобы всякій словес-

*) *Dr. Otto Ernst*. **Le dernier siècle de la cour de Vienne. François Joseph intime. Payot Paris 1928.**

ный докладъ резюмировался письменно. Самъ онъ привычно записывалъ всѣ свои распоряженія, даже самыя незначительныя».

Если припомнить, что Францъ-Іосифъ царствовалъ почти семьдесятъ лѣтъ, то понятно, какъ велико количество документовъ, которые онъ оставилъ. Изъ нихъ д-ръ Отто Эрнстъ выбралъ, конечно, лишь самую малую долю. Но онъ и не думалъ готовить матеріалы для исторіи царствованія, а собиралъ данныя для личной характеристики императора. Задачу эту онъ выполнилъ совершенно успѣшно, и изъ-за нѣсколькихъ сотенъ писемъ передъ нами, какъ живая, встаетъ любопытнѣйшая историческая фигура, интереснѣйшій варіантъ монарха новѣйшаго времени. Эта фигура для насъ достаточно новая, несмотря на то, что столько десятилѣтій была, казалось бы, у всѣхъ на глазахъ. Традиціи старѣйшаго европейскаго двора закрывали своимъ этикетомъ подлинную личность Франца-Іосифа, и самъ императоръ дѣлалъ все, чтобы появляться передъ внѣшнимъ міромъ лишь въ церемоніальной условности величества. Обнародованная переписка снимаетъ старую завѣсу и позволяетъ ближе взглянуть на то, что творилось въ центрѣ австро-венгерской монархіи въ теченіе почти столѣтія, и какого столѣтія!

Съ самаго его ранняго дѣтства было извѣстно, что Францу-Іосифу предстоитъ царствовать. Маленькаго эрцгерцога готовили къ его будущей роли усердно и неустанно. Въ шесть лѣтъ онъ учился уже французскому, чешскому и венгерскому языкамъ, къ которымъ прибавили потомъ итальянскій и латинскій, послѣдній для торжественныхъ разговоровъ, согласно неумершей еще тогда традиціи, съ польскими и венгерскими подданными короны. Затѣмъ шелъ циклъ необходимыхъ для монарха наукъ, военныхъ и гражданскихъ, кончая уроками Меттерниха по искусству управленія внутренними и внѣшними дѣлами страны. — Ученикъ былъ аккура-

тенъ, ровенъ и милъ. Его дѣтскія письма необыкновенно обстоятельны и размѣрены, онъ описываетъ парадныя церемоніи, на которыхъ онъ присутствуетъ, съ такимъ же вкусомъ, какъ свои дѣтскія забавы, разбирается въ австрійскихъ военныхъ частяхъ такъ же хорошо, какъ въ своихъ собственныхъ игрушечныхъ солдатикахъ. Въ 14 лѣтъ онъ готовый человѣкъ, и, когда въ 18, въ разгарѣ революціонныхъ событій 1848 года, отреченіе императора Фердинанда откроетъ ему ступени трона, онъ поднимется по нимъ безъ колебаній, почти привычнымъ движеніемъ.

На всемъ этомъ дѣтскомъ распорядкѣ, незамѣтно переходящемъ въ распорядокъ царствованія, могущественно отражается вліяніе матери, — эрцгерцогини Софіи. Сильная и страстная женщина, она ведетъ къ власти маленькаго Франца и, въ моментъ кризиса 1848 года, заставляетъ растерявшагося императора Фердинанда отказаться отъ власти въ пользу любимаго мальчика, способнаго, въ ея глазахъ, спасти монархію, притомъ мимо собственнаго мужа, незначительность котораго она сознавала, и лишая самое себя положенія императрицы. Единственное условіе, которое она ставитъ, заключается въ томъ, чтобы и императрица Каролина-Августа, вдова императора Франца, не появлялась въ Вѣнѣ. И дѣйствительно, — воцарившись, Францъ-Іосифъ вѣжливо и категорически приказываетъ своей бабкѣ остаться въ Зальцбургѣ, и старуха безпрекословно повинуется, ибо предписаніе исходитъ отъ императора.

Вопреки своимъ 18 годамъ, Францъ-Іосифъ, занявъ престолъ, сразу же чувствуетъ себя монархомъ, главой старѣйшей и славнѣйшей европейской династіи. Вокругъ него немедленно вычерчивается широкая полоса этикета и вѣрноподданническихъ чувствъ, которая навсегда отдѣляетъ его отъ внѣшняго міра. Все его отношеніе къ этому внѣшнему міру, начиная съ непосредственнаго окруженія, подчинено формѣ,

холодно, вѣжливо и сурово. Императрица Елизавета, его жена, не выноситъ этой температуры и находитъ выходъ въ вѣчныхъ странствiяхъ. Неизмѣнно вѣжливыя, даже формально ласковыя, но безконечно безразличныя телеграммы императора сопутствуютъ ей въ Корфу и Женевѣ, Парижѣ и Венецiи. «Настоятельно совѣтую, гласитъ, напримѣръ, одна изъ нихъ, не ѣхать въ Мюнхенъ, такъ какъ ты могла бы заболѣть по такому холоду; у меня тоже впечатлѣнiе, что конецъ папа (отецъ императрицы, баварской принцессы) близокъ, и что ты прiѣдешь слишкомъ поздно. Если несчастье случится, то я, конечно, выѣду въ Мюнхенъ на похороны» (13. II. 1888).

Неменьшiй холодъ и еще меньшая офицiальность въ отношенiи къ дѣтямъ. Единственный сынъ, Рудольфъ, кончившiй такъ трагически, не составляетъ исключенiя. Вотъ образецъ переписки: «Сердечная благодарность за твою телеграмму. Очень счастливъ оказанной тебѣ нашимъ вѣрнымъ Тиролемъ встрѣчѣ. Отъ всего сердца цѣлую» (телеграмма — 28. 9. 1877), или: «Душевная благодарность за твое письмо. Прошу тебя заняться ихъ румынскими величествами... Въ случаѣ надобности, прошу тебя дать непосредственныя инструкцiи отдѣльнымъ дворцовымъ управленiямъ. Мы васъ нѣжно цѣлуемъ». (22. 10. 1884). Императоръ сохраняетъ всю свою выдержку и въ моментъ полученiя извѣстiя о самоубiйствѣ эрцгерцога. Первая его мысль — о томъ, какую оффицiальную версiю событiя онъ передастъ другимъ монархамъ. «Рудольфъ внезапно умеръ сегодня, вѣроятно, отъ удара въ Мейерлингѣ, куда онъ поѣхалъ охотиться» — телеграфируетъ онъ тотчасъ послѣ самоубiйства.

Съ братомъ Максимилiаномъ, будущимъ мексиканскимъ императоромъ, Францъ-Iосифъ росъ вмѣстѣ, и въ дѣтствѣ ихъ связывала тѣсная дружба. Но съ момента воцаренiя Максъ для него такой же «эрцгерцогъ», какъ позднѣе сынъ Рудольфъ, а раньше — отказавшiйся отъ престола собственный

отецъ, «эрцгерцогъ» Францъ Карлъ. Максимиліанъ обязанъ безусловнымъ послушаніемъ, за которое ему отплачивается неизмѣнной вѣжливостью. Передъ итальянской войной Максъ получаетъ постъ императорскаго намѣстника въ Ломбардо-Венето. Онъ не прочь показать себя либераломъ и стремится нравиться итальянской публикѣ. Всякая его попытка въ этомъ направленіи встрѣчаетъ суровый отпоръ въ императорѣ, который съ желѣзной послѣдовательностью возвращаетъ его въ русло традиціоннаго, военно-полицейскаго управленія итальянскими провинціями. А когда началась война, вызванная упорствомъ вѣнской традиціи, Францъ-Іосифъ, не колеблясь, просто на просто устраняетъ Максимиліана, который ему мѣшаетъ.

Неудовлетворенное честолюбіе эрцгерцога было одной изъ причинъ его согласія занять мексиканскій «императорскій» престолъ. Францъ-Іосифъ всячески совѣтовалъ брату отказаться отъ этой глубоко-претившей ему авантюры, но тотъ не послушался. Нарушеніе воли главы династіи никогда не было прощено Максимиліану. Францъ-Іосифъ отмежевался отъ новаго «императора» удвоенной оффиціальностью и, за все время его пребыванія въ Мексикѣ, ограничился отправкой ему одного письма. Онъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы спасти брата, когда стало ясно, что ему не сдобровать въ Мексикѣ. А когда совершилась трагедія въ Кветаро, и извѣстіе о разстрѣлѣ Максимиліана мексиканскими повстанцами было получено, Францъ-Іосифъ такъ же спокойно продолжалъ разъ навсегда заведенный порядокъ занятій, встрѣчъ, поѣздокъ на охоту и т. д.

Все живое и непосредственное было, съ самаго начала царствованія, сурово и черство вычеркнуто, ради неукоснительнаго и точнаго выполненія монархическаго долга. «Когда 18 лѣтъ, пишетъ д-ръ Эрнстъ, — Францъ-Іосифъ занялъ престолъ, онъ всталъ съ зарей, чтобы выполнить свой долгъ, и

мы находимъ его старцемъ, раздавленнымъ судьбой, въ сущности отставленнымъ ходомъ времени и событіями, сидящимъ, возможно, за тѣмъ же столомъ, за обычными занятіями, съ такимъ же перомъ въ рукахъ, прибѣгающимъ къ тѣмъ же оборотамъ рѣчи, осуществляющимъ свою суверенную власть, согласно неизмѣннымъ правиламъ игры, которыя 68 лѣтъ передъ тѣмъ онъ въ первый разъ примѣнилъ. Давно уже мельница его работы вертѣлась впустую. Понялъ ли онъ это? Онъ ухватился за эту мельницу упрямой работы, которая смалывала его жизнь, сохраняя его здоровье. Онъ не умѣлъ оторваться отъ своего долга. Откуда эта невозможность? По привычкѣ, по религіознымъ мотивамъ, конечно; въ извѣстной части это проистекало и изъ уваженія къ тому воплощенію достоинства, которое онъ составилъ себѣ изъ собственной личности».

«Океанъ рукописей, который течетъ черезъ наши руки. поразительно гармонируетъ съ записью генерала Марбутти о смерти государя. То было время Великой войны. Францъ-Іосифъ въ Шенбруннѣ, вдали отъ крупныхъ сценъ, на которыхъ разыгрываются историческія событія, потерянный въ углу, изъ котораго онъ не можетъ отдать себѣ отчета о судьбѣ, которая готовится для его дома и его имперіи, страдая тяжелой старческой пульмоніей, все за письменнымъ столомъ, онъ «работаетъ». Всю вторую половину дня онъ сидитъ, прикованный, передъ своими бумагами, въ полумертвомъ состояніи, конечно, не сознавая того, что онъ читаетъ. Въ концѣ концовъ онъ не въ силахъ поднять руку. И несмотря на это, его не удается оторвать отъ этого стола. Когда, къ вечеру, рѣшаются силой снести его на кровать, онъ протестуетъ:

— У меня есть еще дѣло, мнѣ надо еще работать...

Этотъ образъ дѣйствительно символизируетъ всего Франца-Іосифа. Шестьдесятъ восемь лѣтъ прошло въ добро-

совѣстномъ и неустанномъ и ни на минуту не прерывавшемся исполненіи одной задачи и одного долга. Императоръ зналъ малѣйшія части государственнаго механизма, съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за движеніемъ каждаго малаго и большого колеса этого механизма, нажимая въ должную минуту на нужную кнопку, прислушиваясь къ шуму машины и ощущая себя верховнымъ ея механикомъ. Въ немъ ремесло власти было доведено почти до виртуозности, и все снизу до верху двигалось въ его монархіи съ образцовой бюрократической точностью и аккуратностью.

Все царствованіе Франца - Іосифа есть какъ бы безконечная лента «всеподданнѣйшихъ» докладовъ и «высочайшихъ» повелѣній, механически тянущаяся долгіе десятилѣтія и сама превращающаяся очень скоро въ мертвую часть все болѣе и болѣе изнашивающейся государственной машины.

На этой лентѣ записаны большія и малыя, славныя и безславныя событія жизни монархіи, на ней мелькаютъ крупныя и незначительныя имена его министровъ, она регистрируетъ и успѣхи и катастрофы, пережитыя Австро-Венгріей. Но чтеніе ея свидѣтельствуетъ, что въ Вѣнѣ есть еще монархическая функція, но нѣтъ уже живого монарха.

Въ холодной и суровой рутинѣ власти исчезла всякая ея реальность.

КОРОЛЬ ЛЕОПОЛЬДЪ II.

1835 — 1909

Европейская монархія — весьма старое учрежденіе. На пространствѣ вѣковъ императоры и короли въ механизмѣ политической жизни своихъ народовъ выполняли весьма различныя функціи и были по разному полезны въ работѣ этого механизма. Карлъ Смѣлый, Герцогъ Бургундскій, первый независимый монархъ объединенной Бельгіи, въ XV-мъ вѣкѣ, и Леопольдъ II, предпослѣдній король независимой Бельгіи, въ концѣ XIX и началѣ XX столѣтія, явнымъ образомъ дѣлаютъ разное дѣло. Но въ нашемъ сознаніи съ монархической должностью связано часто представленіе, упрощеннымъ порядкомъ суммирующее историческія и политическія воспоминанія разныхъ временъ и народовъ: въ построенномъ нами абстрактномъ монархѣ невольно спутаны Карлъ Смѣлый съ Леопольдомъ II, и намъ не всегда легко отвѣтить на вопросъ, что такое въ самомъ дѣлѣ. реально, а не абстрактно, въ современности европейскій король. Бельгійскій историкъ графъ Лиштерфельдъ, авторъ умной и живой книги о

людяхъ бельгійской революціи 1830 г., написалъ и только-что издалъ интересную біографію самаго выдающагося, вѣроятно, изъ государей въ новѣйшей Европѣ и «наисовременнѣйшаго» изъ нихъ, если можно такъ сказать, по своему облику, Леопольда II, Короля Бельгійцевъ.*) Онъ помогаетъ намъ въ поискахъ отвѣта, что такое сейчасъ монархія въ Европѣ.

Король Леопольдъ II вступилъ на престолъ 17 декабря 1865 г. и ровно черезъ сорокъ четыре года, 17 декабря 1909 г. умеръ семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Его жизнь и царствованіе покрываютъ собой, такимъ образомъ, долгій періодъ новѣйшей исторіи передъ великой войной, время мирнаго и свободнаго развитія Европы въ обстановкѣ нѣсколько старѣющей, но прочной и уравновѣшенной культуры. И царствовалъ онъ въ странѣ, воплощавшей все лучшее и передовое, что было въ европейской цивилизаціи этого счастливѣйшаго періода. Уходившая въ глубокое прошлое своими корнями политическая свобода сочеталась въ ней съ воспитанной исторіей разумной и сознательной политической дисциплиной и вмѣстѣ съ тѣмъ съ предпріимчивымъ исканіемъ новыхъ политическихъ и соціальныхъ формъ.

Король часто говорилъ рѣчи, и въ этихъ рѣчахъ его любимой фразой о своемъ народѣ были слова: «благородная, мудрая и свободная Бельгія». Онъ гордился каждой изъ частей этой формулы, въ частности, высоко цѣнилъ честь править страной «свободной». Въ психологіи монархіи современнаго типа, какой была Бельгія времени Леопольда II, этотъ моментъ гордости монарха тѣмъ, что онъ стоитъ во главѣ страны свободной, что подданные его — граждане, вѣками отстаивавшие свое политическое право и выковавшие въ этой

*) *Comte Louis de Lichterfelde.* **Léopold II, Paris et Bruxelles.**

борьбѣ свои вольности, чрезвычайно характеренъ. На почвѣ этого чувства крѣпко выростаетъ подлинное правосознаніе конституціоннаго монарха, принимающаго ограниченія монархической власти не какъ горькую политическую необходимость, а какъ необходимую и сознательно принятую часть права своей страны. Уже отецъ Леопольда II, первый бельгійскій король Леопольдъ I, считался образцомъ конституціоннаго монарха, и дисциплина конституціонной формы была принята Леопольдомъ II, какъ часть отцовскаго наслѣдія. Человѣкъ сильный и властный, боевой темпераментъ котораго засвидѣтельствованъ всей его жизнью, онъ ни разу за долгіе годы власти не вышелъ изъ рамокъ государственной хартіи. Онъ точно зналъ, что онъ можетъ дѣлать и что — внѣ его полномочій. Но зато въ предѣлахъ того, что было въ его власти, онъ былъ энергиченъ и рѣшителенъ. Два эпизода конституціонной исторіи Бельгіи въ его царствованіе позволяютъ наглядно изобразить, чѣмъ была конституціонная власть въ рукахъ Леопольда II.

Вступая на престолъ, Леопольдъ II нашелъ у власти либеральное министерство. На выборахъ 1870 г. либералы потерпѣли серьезное пораженіе, и большинство ихъ въ палатѣ свелось къ нѣсколькимъ ненадежнымъ голосамъ. Глава либераловъ Фреръ-Орбанъ подалъ въ отставку. Казалось, ко власти надо было призвать вождей католической партіи. Но король медлилъ. Католики были въ тѣ времена въ Бельгіи заядлыми пацифистами и всячески проповѣдывали сокращеніе военнаго бюджета. Между тѣмъ, король считалъ эту политику пагубной, и былъ правъ, ибо франко-прусская война началась черезъ нѣсколько дней послѣ исхода кризиса. Вожди католиковъ напоминали королю, что ихъ призывъ къ власти неизбѣженъ. Промедливъ еще нѣсколько дней, Леопольдъ II обратился къ тому изъ нихъ, который, въ его глазахъ, былъ всего менѣе запятнанъ антимилитаризмомъ, ба-

рону д'Анетану, и заявилъ ему, что призоветъ его стать во главѣ министерства и согласится на новые, необходимые католикамъ выборы, если онъ обяжется отказаться отъ сокращенія бюджета военнаго министерства. Несмотря на возраженія другихъ католиковъ, д'Анетанъ согласился и сталъ первымъ министромъ. Условіе, поставленное королемъ, было выполнено; король подписалъ роспускъ палаты, а военный бюджетъ остался неприкосновеннымъ. Но черезъ годъ въ руководящихъ католическихъ кругахъ возобновилось прежнее движеніе противъ военныхъ расходовъ, и королю пришлось снова вступить въ борьбу за интересы обороны. Отношенія съ министерствомъ испортились настолько, что, воспользовавшись довольно невинными уличными движеніями въ Брюсселѣ, которыя министерство не успѣло подавить, король просилъ д'Анетана подать въ отставку, угрожая, въ случаѣ отказа, обратиться къ лѣвой. Католики подчинились, первый министръ ушелъ, и къ власти былъ призванъ другой вождь правой, менѣе скомпрометированный въ глазахъ короля потаканіемъ католическому антимилитаризму. «Я люблю моихъ министровъ, сказалъ король одному изъ своихъ посѣтителей наканунѣ отставки министерства, я имъ очень преданъ, я къ нимъ очень привязанъ, но они не подавляютъ мятежа, и я не могу оставить мою столицу въ томъ состояніи, въ какомъ она находится, и, такъ какъ броженіе не подавлено, я поневолѣ долженъ постараться добиться спокойствія тѣми средствами, которыя конституція ставитъ въ мое распоряженіе». Новый варіантъ католическаго кабинета оказался болѣе прочнымъ: министерство де-Теи Малу просуществовало до 1878 г. въ неизмѣнномъ согласіи съ королемъ.

Въ этомъ эпизодѣ король использовалъ свое право призыва къ власти политическаго вождя по своему выбору во имя дорогихъ ему интересовъ обороны. Ему пришлось снова обратиться къ своимъ конституціоннымъ полномочіямъ нѣ-

сколько лѣтъ спустя, ради охраны политическаго и религіознаго мира въ странѣ, нарушеннаго ожесточенной борьбой либераловъ и католиковъ вокругъ вопроса о школьномъ законѣ. Въ 1884 году новое католическое министерство Малу внесло въ палаты законопроектъ объ отмѣнѣ школьнаго закона, проведеннаго либералами въ 1879 г.: школа должна была цѣликомъ перейти въ вѣдѣніе коммунъ, въ огромномъ большинствѣ католическихъ по своему настроенію. Вся либеральная часть страны видѣла въ этомъ законопроектѣ прямую угрозу, и онъ вызвалъ жестокую борьбу, вылившуюся въ манифестаціяхъ и безпорядкахъ. Король всячески рекомендовалъ Малу умѣренность, но, подъ давленіемъ страстныхъ католиковъ въ кабинетѣ, Вуста и Жакобса, Малу не уступалъ этимъ настроеніямъ. Законъ былъ проведенъ, но, чтобы положить конецъ напряженному положенію въ странѣ, король потребовалъ отъ Малу ухода Вуста и Жакобса. Все министерство вышло въ отставку, и король поручилъ составленіе кабинета гибкому и болѣе умѣренному, даровитому католику Беернарту, звѣзда котораго только что взошла на политическомъ горизонтѣ Бельгіи. Католики рѣзко нападали на короля за его вмѣшательство, но цѣль была достигнута: волненіе въ странѣ успокоилось, и опасный кризисъ миновалъ. Въ узкихъ предѣлахъ королевской прерогативы нашлось средство оказать странѣ крупную услугу. И король могъ въ разгарѣ кризиса сказать безъ всякаго лицемѣрія депутаціи либеральныхъ бургомистровъ: «Я всегда останусь вѣрнымъ моей присягѣ. Я буду продолжать, поскольку то меня касается, стремиться обезпечить правильное движеніе нашего парламентскаго строя. Я никогда не буду дѣлать различія между бельгійцами. Я буду для однихъ тѣмъ, чѣмъ я былъ для другихъ въ 1879 г. Я служу Бельгіи, нашимъ двумъ большимъ партіямъ и дѣлу свободы, которому я глубоко преданъ. Я искренно благодарю господъ бурго-

мистровъ за чувства, которыя они выражаютъ мнѣ, и въ отвѣтъ прошу ихъ надѣяться на меня».

Могло казаться, что въ рамкахъ конституціонныхъ вольностей страны для активности короля найдется мѣсто только въ минуты политическихъ затрудненій, въ родѣ тѣхъ, что были связаны съ только что разсказанными эпизодами. Біографія короля могла бы свестись къ выдержкамъ изъ придворнаго протокола, прерываемымъ рѣдкими личными умѣряющими выступленіями монарха. Но въ рамкахъ свободной Бельгіи король Леопольдъ нашелъ свободу и для себя. Дѣло, которое онъ выполнялъ для своей страны, оказалось неизмѣримо болѣе крупнымъ, чѣмъ все, что числится въ исторіи за его полновластными конституціонными совѣтниками въ полвѣка его царствованія. Кто помнитъ Фреръ-Орбана или Малу, Де-Те, или Беернарта, и кто не знаетъ, что Король Леопольдъ подарилъ Бельгіи огромную колоніальную имперію.

Еще наслѣдникомъ престола будущій король Леопольдъ II много разъ въ своихъ рѣчахъ въ сенатѣ, членомъ котораго онъ состоялъ, призывалъ Бельгію слѣдовать примѣру сосѣдней Голландіи и искать благопріятнаго случая, чтобы положить начало своей колонизаціи за моремъ. Рѣчи эти выслушивались съ вѣжливымъ равнодушіемъ, причитавшимся молодому и безотвѣтственному наслѣднику. Но въ устахъ герцога Брабантскаго, какъ тогда называли короля, эти рѣчи не были пустыми. Напротивъ того, уже въ тѣ годы онъ дѣятельно изучалъ колоніальный вопросъ и тщательно готовился. «Герцогъ Брабантскій принимаетъ меня за статистическое бюро», жаловался заваленный вопросами и порученіями будущій знаменитый военный инженеръ генералъ Бріальмонъ. Въ серединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія Европа почти не знала Африки, и раздѣлъ ея еще не начался. Путешествія Ливингстона и Стенли открыли цѣлый новый и огромный міръ. Король Леопольдъ II сразу же понялъ, что здѣсь можетъ

быть осуществлена его колоніальная мечта и рѣшительно сталъ во главѣ европейскихъ усилій, направленныхъ къ дальнѣйшимъ географическимъ изысканіямъ. Незамѣтно и безъ шума онъ превращалъ организованный имъ первоначально чисто научный географическій институтъ въ орудіе политическаго проникновенія. «Комитетъ изученія верхняго Конго», имѣющій сначала совершенно научное обличіе, передѣлывается въ «Международную Ассоціацію Конго», и на Стенли, изъ путешественника обращеннаго въ политическаго агента, возлагается обязанность подъ шумокъ заключить съ негрскими вождями въ бассейнѣ Конго договоры объ уступкѣ суверенной власти, оплачиваемые бутылками рома и европейской мануфактурой. Король лично несетъ всѣ расходы, и бельгійцы съ равнодушіемъ наблюдаютъ, не вмѣшиваясь, географическую манію своего короля. Въ 1884 и 1885 г. г. король развертываетъ «Ассоціацію», съ ея свиткомъ негритянскихъ грамотъ, въ «Государство Конго», получающее международное признаніе. Бельгійскій парламентъ вотируетъ разрѣшеніе королю стать во главѣ новаго государства, но лишь потому, что его увѣряютъ, будто никогда никакой отвѣтственности на страну въ связи съ этимъ не ляжетъ. Къ тому времени король успѣлъ уже истратить изъ своихъ личныхъ средствъ 10 милліоновъ франковъ на это предпріятіе, и съ каждымъ дальнѣйшимъ годомъ его расходы растутъ. Къ 1890 г. сумма ихъ достигаетъ 19 милліоновъ. Король почти исчерпалъ свои личныя возможности и вынужденъ обратиться къ странѣ. Ни о какой прямой помощи рѣчи быть не могло, ибо въ Бельгіи никто не вѣрилъ въ Конго, и всѣ смотрѣли на дѣло, какъ на дорогую прихоть короля. Максимумъ, на что идетъ Беернартъ — одинъ изъ немногихъ, кто готовъ допустить цѣлесообразность усилій короля, это — разрѣшеніе займа государства Конго на бельгійской биржѣ. Парламентъ даетъ это разрѣшеніе, но заемъ не имѣетъ никакого успѣха.

Едва удалось размѣстить бумагъ на 10 милліоновъ франковъ, но курсъ ихъ быстро падаетъ, и король вынужденъ, чтобы поддержать таковой, лично скупать выпущенные листы. Король стоитъ наканунѣ банкротства и ликвидаціи всего предпріятія. Только въ 1890 г., наканунѣ катастрофы, бельгійскій парламентъ рѣшается связать себя съ предпріятіемъ короля, но въ какой робкой и недовѣрчивой формѣ. Король дѣлаетъ завѣщаніе, передающее Конго послѣ его смерти Бельгіи, а послѣдняя оказываетъ маленькій кредитъ Конго; чтобы провести эту комбинацію, Беернарту приходится снова всячески увѣрять парламентъ, что всѣ риски предпріятія остаются за королемъ.

Король дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы наладить эксплоатацію Конго, и послѣ всѣхъ трудностей перваго десятилѣтія, эти усилія даютъ къ началу 20-го вѣка блестящій результатъ. Въ 1905 г. одинъ каучукъ приноситъ королю 44 милліона франковъ. Дѣло ведется, какъ огромное капиталистическое предпріятіе. Король играетъ на биржѣ, торгуетъ, спекулируетъ и превращается въ качествѣ «Суверена Государства Конго» въ крупнѣйшаго предпринимателя и финансиста своей страны. Онъ утрачиваетъ въ этомъ превращеніи, въ которомъ всего больше повинны равнодушные къ его замыслу подданные, значительную часть своей популярности, но зато огромное хозяйство Конго налажено, и, когда Бельгія къ концу царствованія рѣшается наконецъ взять на себя Конго, она получаетъ богатѣйшую колонію, источникъ огромнаго обогащенія для всей страны. Король равнодушенъ къ нападкамъ: онъ знаетъ, что сдѣлалъ крупное дѣло, и что страна оцѣнитъ его патріотическія и талантливыя усилія.

Книга Лиштерфельда — первая дань признанія великой заслуги Леопольда II передъ Бельгіей. Авторъ спрашиваетъ себя въ заключеніе, могла ли быть осуществлена колоніальная задача, если бы Бельгія была республикой. Конечно,

нѣтъ, отвѣчаетъ Лиштерфельдъ. И въ этомъ отвѣтѣ онъ безъ сомнѣнія правъ. Монархія, какъ политическая форма, вопреки своей старинности продолжаетъ черпать изнутри себя источникъ силъ, способныхъ въ рамкахъ самой передовой современности обслуживать, какъ и прежде, великія государственныя задачи.

ГРАФЪ СТЕФАНЪ ТИССА.

1861 — 1918.

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ войны Стефанъ Тисса, венгерскій министръ- президентъ съ 1913 г., держалъ больше, чѣмъ кто-либо другой, въ своихъ рукахъ судьбы Габсбургской монархіи. Когда во главѣ государства сталъ императоръ и король Карлъ, такъ безславно закончившій линію царствовавшихъ Габсбурговъ, Тисса вышелъ въ отставку, не мирясь съ покушеніемъ лишить его власти. Прямо изъ кабинета министра-предсѣдателя онъ ушелъ на фронтъ, принявъ на себя командованіе гусарскимъ полкомъ. Онъ проявилъ чудеса героизма и полное презрѣніе къ смерти. Несмотря на болѣзнь, онъ ни разу не отлучился съ фронта, ни разу не согласился получить какую-либо другую пищу, кромѣ пищи изъ котла своихъ нижнихъ чиновъ.

Все свободное время онъ отдавалъ нуждамъ полка, проводя долгіе часы въ писаніи писемъ для нижнихъ чиновъ и въ хлопотахъ по ихъ дѣламъ. Когда австро-венгерскій фронтъ развалился, и надъ страной нависли грозныя тучи военной катастрофы, политическаго распада и революціи, онъ вернул-

ся въ Будапештъ, чтобы занять свое мѣсто въ венгерской палатѣ депутатовъ. Друзья говорили ему, что онъ, воплощавшій въ глазахъ слѣпой массы «старый режимъ» Венгріи, подвергается всякимъ опасностямъ. 23 октября 1918 г. онъ въ послѣдній разъ говорилъ въ палатѣ. 31 октября въ городѣ началась революція. Друзья съ новой настойчивостью умоляли его хоть на время покинуть столицу. «Я никогда не прятался и умру, какъ жилъ», отвѣтилъ онъ. Подъ вечеръ вокругъ его, всѣмъ извѣстнаго, дома собралась толпа. Въ переднюю дома ворвалось нѣсколько вооруженныхъ людей. Онъ вышелъ къ нимъ съ револьверомъ, однако, съ твердымъ рѣшеніемъ не стрѣлять. Короткій разговоръ, и ворвавшіеся люди, видя, что имъ не угрожаетъ опасности, торопятся вытащить свои револьверы. Они стрѣляютъ. Тисса падаетъ со словами: «такъ должно было кончиться».

Когда революціонный угаръ прошелъ, и страна вернулась къ традиціямъ своего великаго прошлаго и своей прочной государственности, образъ Тиссы выросъ до образа подлиннаго національнаго героя. Постепенно, данныя по исторіи войны, прежде никому не извѣстныя, стали развертываться во всей ихъ правдѣ, и въ этой правдѣ фигура Тиссы озарилась новымъ блескомъ. Оказалось, что, одинъ изъ немногихъ, онъ сознавалъ съ самаго начала приведшаго къ великой войнѣ кризиса, какъ велики опасности, грозящія его странѣ, и смѣло и твердо сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы предотвратить эту войну. Оказалось, что въ теченіе всей войны, это сознаніе грозныхъ опасностей не покидало его ни на минуту, и что, сохраняя во внѣ полную выдержку и желѣзную дисциплину военнаго времени, онъ подъ покровомъ тайны, но съ настойчивой энергіей продолжалъ работать надъ тѣмъ, чтобы своевременнымъ миромъ спасти родину отъ надвигавшейся катастрофы. Ни въ комъ другомъ не было такъ ясно ощущеніе обреченности Австро-Венгріи, и судьба послала

ему, какъ символъ великой національной трагедіи, смерть отъ руки опьяненныхъ анархіей согражданъ, слѣпо обвинявшихъ его въ томъ, что именно онъ былъ виновникомъ войны и катастрофы.

Венгерская академія наукъ положила первый камень историческаго памятника Стефану Тиссѣ, приступивъ къ изданію его переписки военнаго времени.*) Въ массѣ появляющихся историческихъ матеріаловъ, это изданіе, пока покрывающее первый періодъ войны, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и я хотѣлъ бы извлечь изъ него нѣсколько существенныхъ для исторіи войны и для характеристики интересной фигуры Стефана Тиссы эпизодовъ. Я располагаю ихъ въ хронологическомъ порядкѣ: при внѣшней оторванности другъ отъ друга каждаго изъ эпизодовъ, между ними — крѣпкая связь неуклонной исторической логики.

Канунъ войны. Убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда только что произошло. Тисса былъ въ Вѣнѣ, имѣлъ аудѣнцію у стараго императора и видѣлъ Берхтольда, который изложилъ ему свой планъ использовать событія, чтобы свести счеты съ Сербіей. Тисса зналъ наизусть вѣнскую обстановку, и разговоры Берхтольда произвели на него тягостное и тревожное впечатлѣніе. Вернувшись въ Будапештъ, онъ написалъ тотъ хорошо извѣстный всеподданнѣйшій докладъ Францу-Іосифу, который призывалъ вѣнскихъ политиковъ къ здравому смыслу. Онъ говорилъ въ немъ, что отсутствіе всякихъ основаній обвинять Сербію въ пособничествѣ Сараевскому убійству даетъ Австро-Венгріи «наихудшій locus standi въ глазахъ остального свѣта и дѣлаетъ ее нарушительницей мира», онъ добавлялъ, что никогда положеніе на Балканахъ не было болѣе невыгоднымъ для монархіи, вслѣдствіе вѣро-

---

*) *Graf Stefan Tisza,* **Briefe 1914 — 1918), I. Band, Berlin, Reimar Hobbing, 1918.**

ятности отпаденія Италіи отъ тройственнаго союза и неувѣренности въ содѣйствіи Болгаріи. Съ суровой трезвостью онъ заключалъ, что его послѣдней заботой было бы изыскивать подходящій casus belli на Балканахъ: предлогъ для войны всегда найдется. Этотъ призывъ, какъ всѣмъ извѣстно, остался безъ послѣдствій: Тисса продолжалъ въ теченіе слѣдующихъ дней энергично бороться за миръ, но легкомысленный азартъ Берхтольда и его совѣтниковъ одолѣлъ, и война началась.

Первые мѣсяцы войны. Тисса пишетъ барону Влассичу въ сентябрѣ: «Будь увѣренъ, что, въ какой мѣрѣ съ тяжелымъ сердцемъ я рѣшился раздѣлить отвѣтственность за войну, въ той же мѣрѣ сильно мое рѣшеніе выдержать безъ слабости и колебаній эту гигантскую борьбу до конца». Онъ дѣйствительно напрягаетъ всю свою желѣзную волю, чтобы организовать оборону, морально и матеріально. Но ни на секунду его не покидаетъ сознаніе грозныхъ опасностей, которымъ навстрѣчу идетъ его родина, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство коренной безцѣльности жертвъ, которыя война за собой влечетъ. Въ одномъ изъ совершенно интимныхъ писемъ къ племянницѣ онъ пишетъ: «Даже побѣдоносная война мнѣ отвратительна. Для меня каждая война означаетъ собой бѣдствіе, горе, опустошеніе, пролитіе невинной крови, страданіе невинныхъ женщинъ и дѣтей. Мнѣ горестно, что я участвую въ веденіи этой огромной войны. Оваціи, которыя мнѣ дѣлаютъ, для меня болѣзненны, ибо я лично даже не участвую въ военныхъ дѣйствіяхъ». Но внѣшне онъ непреклоненъ и непоколебимъ, и ни одинъ мускулъ его лица не выдаетъ его тревоги.

При первомъ соприкосновеніи съ большими политическими вопросами, выдвигаемыми войной, холодный разумъ Тиссы констатируетъ, съ какими трудностями сопряжена будетъ ихъ ликвидація, даже при побѣдѣ Австро-Венгріи. Вступленіе ея войскъ и войскъ Германіи на русскую территорію сразу же

ставитъ на первую очередь — то же случилось, какъ всѣмъ памятно, и въ Россіи — вопросъ о судьбѣ польскаго населенія. Въ Вѣнѣ — также параллельно тому, что происходило въ Петербургѣ — «освобожденіе Польши» превращается въ австро-венгерскую «цѣль войны». Тисса остается холоднымъ къ этому модному въ Вѣнѣ лозунгу. Въ письмѣ къ Форгачу въ концѣ августа 1914 г. онъ «настойчиво предостерегаетъ» отъ «польскихъ фанфаронадъ» и призываетъ положить предѣлъ всякимъ «билинскіадамъ» (полякъ Билинскій былъ общимъ австро-венгерскимъ министромъ финансовъ). Ему ясно, что присоединеніе Польши къ монархіи невыгодно съ точки зрѣнія венгерскаго государственнаго интереса. Объединенныя польскія земли, какъ новый третій членъ Габсбургской монархіи, — перспектива, непосредственно угрожающая правамъ и интересамъ Венгріи. Единственная комбинація, на которую онъ можетъ согласиться, это введеніе поляковъ въ составъ Австріи: польскій элементъ въ союзѣ съ германскимъ поможетъ Австріи справляться съ ея другими славянами, Венгрія сохранитъ свое прежнее властное положеніе въ составѣ двуединой монархіи и получитъ компенсацію въ формѣ присоединенія Босніи и Герцеговины.

То же въ другихъ вопросахъ: вездѣ, даже максимальные успѣхи Австро-Венгріи обѣщаютъ монархіи лишь новыя трудности, а Венгріи угрожаютъ прямыми невыгодами. Вслѣдъ за планами включенія въ составъ монархіи милліоновъ поляковъ, выдвигается мысль, съ которой опять-таки возятся въ Вѣнѣ и отчасти въ Берлинѣ, о созданіи изъ Трансильваніи центра политическаго объединенія румынъ. Отъ Тиссы настойчиво требуютъ уступокъ румынскому національному движенію во имя «велико-австрійской идеи». Тисса отвергаетъ эту концепцію: «велико-австрійская идея» для него «lucus a non lucendo»: «какой малой сдѣлали бы эти злосчастные люди Австрію, если бы они могли осуществить свою мысль».

Чувство тревоги за судьбы страны превращается такимъ образомъ у Тиссы въ сознаніе убійственной безцѣльности войны съ венгерской точки зрѣнія. Нѣтъ мотива воевать, кромѣ логики разъ принятаго рѣшенія. При такихъ условіяхъ, чѣмъ раньше кончить войну, тѣмъ лучше. Къ этой мысли Тисса возвращается постоянно. Интересно и важно съ точки зрѣнія общей исторіи войны отмѣтить, что въ первый разъ она высказана имъ уже 30 августа 1914 г., значитъ, раньше истеченія перваго мѣсяца войны. Онъ пишетъ въ этотъ день Буріану, венгерскому министру при императорѣ въ Вѣнѣ: «Я считалъ бы весьма важнымъ предложить сейчасъ справедливый миръ русскимъ и французамъ». Его не опьяняютъ никакіе успѣхи. Въ ноябрѣ 1914 г. онъ убѣждаетъ нѣмцевъ выработать пріемлемыя условія мира. Онъ повторяетъ это обращеніе въ апрѣлѣ 1915 г. Но обстоятельства складываются такъ, что онъ безсиленъ достигнуть цѣли.

Трагизмъ того, что переживаетъ Тисса, не ослабляетъ его энергіи. Во всей монархіи онъ единственный человѣкъ, знающій, что дѣлать и куда стремиться. Постепенно и неуклонно его вліяніе и роль въ обѣихъ половинахъ монархіи поэтому растетъ и крѣпнетъ. Старѣющая бюрократическая Вѣна склоняется передъ нимъ, и глава вѣнской бюрократіи, самъ императоръ Францъ-Іосифъ, слушается только его. Этотъ процессъ перехода къ Тиссѣ руководства судьбами страны чрезвычайно ярко освѣщенъ въ разбираемой мною переепискѣ. Я не могу использовать всего матеріала и возьму лишь характерный эпизодъ ухода графа Берхтольда въ началѣ 1915 г., совпадающій съ началомъ приведшихъ къ объявленію Италіей войны переговоровъ между Вѣной и Римомъ. Тисса изложилъ этотъ эпизодъ въ памятной запискѣ, изъ которой я извлекаю слѣдующее: «Какъ ни претило мнѣ выступить противъ такого лойяльнаго и достойнаго коллеги, какъ Берхтольдъ, я все же не могъ не видѣть, что въ такой критическій

моментъ управленіе нашими внѣшними дѣлами должно было перейти въ болѣе сильныя руки. Съ началомъ интригъ Бюлова (Бюловъ былъ посланъ въ Римъ для улаженія австро-итальянскихъ отношеній) невыгоды колеблющейся и неустойчивой натуры Берхтольда обнаружились съ такой серьезностью, что я не могъ долѣе откладывать дѣла. Я пріѣхалъ 10 января въ Вѣну съ намѣреніемъ объясниться по этому дѣлу... Я завтракалъ у Берхтольда съ Чиршки (германскій посолъ), чтобы обработать послѣдняго и убѣдить его въ ошибочности и опасности тактики Бюлсва. Послѣ завтрака мы втроемъ имѣли бесѣду, которую Чиршки началъ въ непріятномъ, высокомѣрномъ тонѣ и только послѣ нѣсколькихъ сильныхъ замѣчаній сталъ нѣсколько болѣе умѣреннымъ. Король (Францъ-Іосифъ) ждалъ меня, такъ что у меня едва хватило времени, чтобы вызвать Берхтольда въ другую комнату и сказать ему, что, несмотря на всю симпатію и уваженіе къ нему, я вынужденъ сказать королю, что въ нынѣшнюю минуту мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ должно принадлежать болѣе рѣшительному и проводящему свою политику болѣе послѣдовательно и энергично человѣку. Если же его величество не пожелаетъ перемѣны, то я готовъ съ нимъ служить далѣе. Своей обычной манерой добраго ребенка онъ отвѣтилъ мнѣ со смѣхомъ: «Я буду благодаренъ, если ты ему это скажешь, я ему это говорю все время, но мнѣ онъ не вѣритъ. Тебѣ онъ повѣритъ». Я изложилъ его величеству мою точку зрѣнія на тактику въ отношеніи итальянцевъ и нѣмцевъ и добавилъ, что игра сложна, и вѣрный успѣхъ (рѣшеніе дѣла безъ уступки Трентино) я не могу обѣщать, но выиграть можно, только надо хорошо играть. Затѣмъ я перешелъ къ тому, что Берхтольдъ при всѣхъ своихъ почтенныхъ и привлекательныхъ качествахъ не тотъ игрокъ, который нуженъ. Короля это не удивило. «Я уже думалъ то же самое», — сказалъ онъ, — «я имѣю всего одного человѣка, который

сопособенъ къ этому, но я не знаю, можетъ ли онъ покинуть Будапештъ». На это я отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, я долженъ безусловно оставаться въ Будапештѣ, но что есть лицо, которое вполнѣ подходитъ къ этому посту. «Кто?» спросилъ онъ, и показался мнѣ не совсѣмъ убѣжденнымъ, когда я назвалъ Буріана...»

Буріанъ, тѣмъ не менѣе, былъ назначенъ. Руководство внѣшней политикой монархіи перешло къ человѣку, который во всемъ былъ послушенъ указаніямъ Тиссы. Если это не спасло Австро-Венгріи отъ итальянскаго вступленія въ войну, какъ не спасло и отъ ряда другихъ разочарованій, то въ томъ не было вины Тиссы. Усиліе одного не могло уже вывести монархіи изъ тѣхъ роковыхъ условій, въ которыхъ она оказалась вопреки волѣ и разуму своего единственнаго въ періодъ войны подлиннаго государственнаго человѣка.

КЛЕМАНСО

1841 — 1929.

Необыкновенная жизнь, необыкновенная судьба. Изъ восьмидесяти восьми лѣтъ, щедро данныхъ на осуществленіе жизненной задачи, и болѣе полувѣка громкой извѣстности, всего одинъ годъ озаренъ подлинной славой, но зато славой неувядаемой и вѣчной. Все остальное, раньше и позднѣе, всегда талантливо, но часто безпорядочно и нецѣлесообразно, а полосами — прямо вредно и даже опасно. Но за то, годъ славы, искупая всѣ ошибки, грѣхи, суетность, ставитъ Клемансо, по праву, въ рядъ талантливѣйшихъ и вдохновеннѣйшихъ историческихъ вождей талантливой и вдохновенной націи. Исторія первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ военнаго министерства Клемансо во время войны, съ конца ноября 1917 года до перемирія, уже сейчасъ превратилась въ одну изъ величественныхъ и самыхъ героическихъ легендъ въ анналахъ Франціи. И по мѣрѣ того, какъ этотъ періодъ будетъ уходить въ прошлое, и мы будемъ узнавать о немъ больше трагической правды, фигура Клемансо, я увѣренъ, будетъ казаться намъ все болѣе и болѣе крупной.

Мы знаемъ, уже и сейчасъ, насколько труднымъ было положенiе Францiи въ теченiе послѣднихъ двухъ лѣтъ войны, какъ одна за другой подымались волны унынiя, и какой близкой была смертельная опасность моральной капитуляцiи, опасность, передъ которой не устояли ни Россiя, ни — годомъ позже — Германiя. Положенiе было грознымъ именно потому, что каждую изъ воюющихъ странъ гдѣ то подкарауливалъ волей судебъ свой Брестъ- Литовскъ, и что требовались желѣзная воля и величайшiй героизмъ, чтобы, во имя интересовъ родины, его миновать. Именно Клемансо обязана Францiя тѣмъ, что ея воля и ея героизмъ не сломились, что, напротивъ того, она сломила волю и героизмъ противника.

Мало говорить про Клемансо: «отецъ побѣды». Надо сказать: какой побѣды и въ какой борьбѣ. Что такое Аустерлицъ, Ватерлоо, Седанъ по сравненiю съ побѣдой и пораженiемъ въ Великой войнѣ? Въ первый разъ въ исторiи человѣчества боролись народы, а не правительства и ихъ армiи, въ первый разъ тяжесть борьбы ложилась на всѣхъ поголовно, и въ первый разъ война велась за круговой порукой каждаго гражданина страны. Чтобы одолѣть въ такой встрѣчѣ, недостаточно было быть Наполеономъ, Веллингтономъ или Мольтке; надо было быть Клемансо.

Отсюда — необыкновенный блескъ указаннаго великаго года исторiи Клемансо, особенно поражающiй, когда сопоставляешь этотъ годъ съ тѣми короткими, безпорядочными и безполезными вспышками, которыя составляютъ содержанiе остальныхъ долгихъ лѣтъ его бiографiи.

Клемансо принадлежитъ къ тому даровитому поколѣнiю, которое выступило на сцену въ концѣ второй имперiи, и которому на долю выпало, послѣ паденiя Наполеона III, построить третью республику. Воздвигнутая ими постройка оказалась самой прочной изъ всѣхъ, что возводились во Францiи послѣ великой революцiи. Въ дѣло были вложены весь опытъ,

накопленный за столѣтіе, вся та умѣренность, которая была дана этимъ опытомъ, и которая объясняетъ столь характерные для этого поколѣнія отказъ отъ горделиваго доктринерства и здоровый «оппортунизмъ», служившій позднѣе предметомъ запальчивыхъ нападокъ Клемансо на Гамбетту.

Роль Клемансо въ исторіи этого поколѣнія, въ развитіи усилій дать Франціи, послѣ столькихъ разочарованій и катастрофъ, прочный, уравновѣшенный и дѣйственный государственный порядокъ, долго была разрушительной и мятежной. Три крупныхъ государственныхъ человѣка были выдвинуты событіями въ теченіе первой четверти вѣка республики: Тьеръ, Гамбетта и Жюль Ферри. Каждый изъ нихъ сдѣлалъ свое крупное дѣло: Тьеръ заключилъ миръ и положилъ основаніе новому государственному порядку, подавивъ возстаніе коммуны и устранивъ крайне-правую монархическую реставрацію; Гамбетта прочно укрѣпилъ въ странѣ моральные корни новаго порядка; Ферри доказалъ его способность развиваться и расти, положивъ основаніе французской колоніальной имперіи. Съ каждымъ изъ этихъ крупныхъ людей, создававшихъ современную Францію, Клемансо находился въ рѣзкомъ конфликтѣ, и двумъ изъ нихъ онъ помѣшалъ завершить дѣло ихъ жизни. И каждый разъ онъ бросался въ бой — со всей недюжинной, почти злобной энергіей, которая ему была всегда свойственна — ради цѣлей, которыя ни въ какой мѣрѣ не имѣли оправданій, разрушая во имя разрушенія, полемизируя во имя полемики. Любой изъ этихъ эпизодовъ французской политической борьбы семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, чрезвычайно характеренъ для Клемансо.

Самое рѣзкое его столкновеніе съ Тьеромъ относится къ періоду борьбы съ коммуной. Парижъ былъ въ рукахъ революціонеровъ, но возстаніе еще не началось. Національное собраніе засѣдало въ Версалѣ, и Тьеръ, президентъ или, какъ тогда называлось, «глава исполнительной власти», жилъ

въ версальской префектурѣ. Клемансо былъ мэромъ парижскаго XVIII-го округа и членомъ національнаго собранія. Шелъ споръ о томъ, какъ быть съ Парижемъ. Тьеръ накапливалъ вѣрныя національному правительству и дисциплинированныя военныя силы, чтобы овладѣть столицей, въ которой хозяйничалъ мятежъ. Національное собраніе должно было рѣшить, пытаться ли сговориться съ революціоннымъ Парижемъ, или итти на конфликтъ съ нимъ, чтобы потомъ подавить возстане силой и разъ навсегда покончить съ коммуной. Государственный инстинктъ Тьера подсказывалъ ему второе рѣшеніе, но надо было убѣдить національное собраніе, которое колебалось. Клемансо явился застрѣльщикомъ борьбы противъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы правительство назначило новые муниципальные выборы въ столицѣ и возложило задачу умиротворенія на будущихъ муниципальныхъ совѣтниковъ. «Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, помышляете осаждать Парижъ?» — крикнулъ онъ Тьеру въ разгаръ осторожныхъ объясненій послѣдняго передъ національнымъ собраніемъ, а затѣмъ, поднявшись на кафедру, въ горячей рѣчи, произведшей огромное впечатлѣніе въ разныхъ концахъ собранія, на правыхъ и на лѣвыхъ, онъ призывалъ правительство, не откладывая, приступить къ выборамъ, чтобы «избѣжать кроваваго столкновенія, послѣдствія котораго никѣмъ не могутъ быть предвидѣны». Тьеръ отказался принять эту форму мира съ революціоннымъ Парижемъ, кончивъ свою рѣчь знаменитыми словами: «Если Парижъ терпитъ, что нѣсколько мерзавцевъ имъ владѣютъ, и не объединяется съ нами, чтобы избѣжать ихъ отвратительныхъ объятій, то я ему скажу, нисколько не желая его обвинять: онъ долженъ былъ бы понять, что мы имѣемъ право предпочесть Францію ея столицѣ». Черезъ нѣсколько дней «коммуна» была оффиціально объявлена, а черезъ два мѣсяца войска Тьера взяли Парижъ и вернули Фран-

ціи ея столицу. Не трудно себѣ представить, какія неисчислимыя бѣдствія повлекла бы за собой политика соглашательства, съ такой энергіей защищавшаяся Клемансо.

Прошло десятилѣтіе, главнымъ содержаніемъ котораго была борьба между монархическимъ и республиканскимъ будущимъ Франціи. Одолѣло второе. Моральнымъ вождемъ страны за эти годы былъ Гамбетта, завершившій то, что началъ, но не успѣлъ довести до конца Тьеръ: превращеніе республики изъ революціоннаго лозунга въ умѣренную и строго уравновѣшенную политическую форму.

Но таланта и вліянія Гамбетты боятся, у него много завистниковъ, его не любитъ президентъ Греви; ему предоставляютъ быть партійнымъ вождемъ, предсѣдателемъ палаты, но ему всячески мѣшаютъ стать во главѣ правительства. Однако, наступаетъ минута, когда даже Греви долженъ сдаться, и Гамбетта становится предсѣдателемъ совѣта министровъ. «Тайная диктатура», о которой враги кричали до этой минуты, превращается въ законную власть, и крупнѣйшему государственному человѣку тогдашней Франціи предоставлена, наконецъ, возможность осуществить свою программу, внутреннюю и внѣшнюю. Но не тутъ то было. Всѣ враждебные элементы объединяются, чтобы свалить его на первыхъ шагахъ. Во главѣ интриги стоитъ Вильсонъ, зять Греви, пріобрѣвшій нѣсколькими годами позднѣе такую печальную извѣстность скандаломъ съ раздачей орденовъ, повлекшимъ уходъ Греви съ президентскаго поста. Въ задуманную противъ Гамбетты интригу со всей энергіей своего темперамента бросается Клемансо, только что образовавшій свою собственную, «радикальную», партію въ составѣ до того единыхъ республиканцевъ. Рѣчь Клемансо противъ гамбеттовскаго проекта пересмотра конституціи наноситъ великому вождю сокрушительный ударъ: Клемансо голосуетъ вмѣстѣ съ монархической правой противъ министерства, и Гамбетта ухо-

дитъ послѣ семидесяти трехъ дней власти. Въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени, предвидя предстоявшую борьбу, Гамбетта писалъ, что онъ либо заставитъ оппозицію подчиниться, либо предоставитъ ее «своему собственному неисправимому безсилію». Клемансо воплощаетъ въ его глазахъ это «безсиліе». И на дѣлѣ, въ общемъ сознаніи тѣхъ лѣтъ, Клемансо годенъ, какъ орудіе политической борьбы, но еще невозможенъ, какъ министръ. Никому даже издали не приходитъ въ голову, что онъ можетъ войти въ составъ какой либо идущей на смѣну Гамбеттѣ политической комбинаціи.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ. У власти другой крупный человѣкъ третьей республики, Жюль Ферри. Во главѣ оппозиціи слѣва стоитъ снова Клемансо. Ферри осуществляетъ завоеваніе Тонкина. Клемансо борется съ нимъ не на жизнь, а на смерть, обвиняя въ опасной авантюрѣ, притомъ начатой безъ согласія палатъ. Пользуясь извѣстіемъ о маленькой военной неудачѣ, Клемансо громко заявляетъ о «государственной измѣнѣ» Ферри и валитъ его министерство. А между тѣмъ, всего черезъ нѣсколько дней Тонкинъ завоеванъ окончательно, и положено основаніе огромной Индокитайской имперіи Франціи. Клемансо, несмотря на все свое вліяніе, остается опять внѣ министерскихъ комбинацій. Передо мной маленькая полемическая брошюра 1885 года, написанная Жозефомъ Рейнакомъ, подъ заглавіемъ: «Министерство Клемансо»: это шутливое изображеніе того, что вышло бы, если бы Клемансо сталъ министромъ. «Министерство Клемансо» кажется въ тѣ годы злой и остроумной ироніей.

Проходятъ еще годы. Сколько новыхъ эпизодовъ, похожихъ на тѣ три, что я сейчасъ напомнилъ. Клемансо «изобрѣтаетъ» Буланже, трагикомическій мыльный пузырь, заполняющій собой цѣлые годы жизни третьей республики. Правда, онъ скоро бросаетъ браваго генерала, но чтобы взяться опять за задачи, въ которыхъ нѣтъ яснаго смысла, а обнаруживается

только изумительный темпераментъ борца. А затѣмъ перерывъ всякой политической дѣятельности, въ связи съ затѣянной противъ Клемансо клеветнической кампаніей въ дѣлѣ Панамы, въ теченіе которой безчисленные противники мстятъ ему за всѣ тѣ жестокіе удары, которые онъ имъ наносилъ.

За этотъ перерывъ страсти остыли. Время идетъ, и Клемансо, въ глазахъ болѣе молодыхъ поколѣній, перестаетъ быть тѣмъ радикальнымъ пугаломъ, какимъ его изображали раньше. Онъ безпрепятственно, по праву своего таланта, дѣлается первымъ министромъ въ 1906 году, и три года спокойно и съ достоинствомъ управляетъ Франціей. За четверть вѣка онъ изучилъ политическую машину своей страны. Онъ никогда не былъ ни революціонеромъ, ни доктринеромъ, и въ годы его власти эта политическая машина работаетъ безъ перебоевъ, нормально и съ честью. Но этотъ трехлѣтній срокъ не ознаменованъ ничѣмъ, что могло бы быть отмѣчено крупными буквами въ исторіи Франціи.

Наступаетъ война, полоса героической борьбы и ожесточенной и необходимой ненависти. Свойства темперамента и таланта Клемансо почти провиденціальны въ такую полосу. Если въ первые военные годы власть можетъ еще оставаться въ рукахъ искусныхъ, но слишкомъ гибкихъ вождей мирнаго времени, то, по мѣрѣ того, какъ положеніе становится все болѣе и болѣе грознымъ, фигура «тигра» — имя давно уже пріобрѣтенное Клемансо — все растетъ въ общественномъ сознаніи. Въ ноябрѣ 1917 года Франція стоитъ передъ альтернативой: или осторожные поиски мира, или Клемансо. Она выбираетъ Клемансо.

Я не буду говорить о Клемансо этого періода. Его желѣзная фигура у всѣхъ передъ глазами, и передъ ней давно склонились друзья и недруги.

Великое дѣло жизни выполнено. Фошъ продиктовалъ императорской Германіи условія перемирія. Открывается но-

вая полоса въ исторіи Франціи: надо заключать миръ. Клемансо предстоитъ новая борьба. Но борьба эта будетъ происходить въ условіяхъ совершенно иныхъ, будетъ требовать другихъ методовъ и другого темперамента.

«Клемансо былъ, безъ всякаго сравненія, — пишетъ зоркій и тонкій свидѣтель мирныхъ переговоровъ, — самымъ выдающимся членомъ Совѣта Четырехъ; притомъ онъ зналъ цѣну своимъ коллегамъ. У него одного была опредѣленная идея, и только онъ одинъ продумалъ ее до конца, во всѣхъ ея послѣдствіяхъ... Онъ чувствовалъ по отношенію къ Франціи то же, что Периклъ къ Аѳинамъ: она единственно цѣнное въ мірѣ, ничто больше не имѣетъ значенія; но его политическая теорія была заимствована у Бисмарка. У него была одна мечта — Францiя, и одно разочарованіе — человѣчество, включая сюда и французовъ, и собственныхъ коллегъ не меньше, чѣмъ другихъ. Его принципы въ вопросѣ о мирѣ можно выразить очень просто. Во-первыхъ, у него были опредѣленные взгляды на психологію нѣмцевъ: нѣмецъ, полагалъ онъ, понимаетъ и можетъ понять только устрашеніе, въ переговорахъ онъ лишенъ великодушія и совѣстливости, онъ не упуститъ случая попользоваться отъ васъ, и нѣтъ мѣры униженія, до которой онъ ни опустился бы ради выгоды; онъ лишенъ чести, гордости и милосердія. По этому, съ нѣмцемъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ входить въ переговоры или соглашенія,—ему должно предписывать. Ни при какихъ другихъ условіяхъ онъ не станетъ уважать васъ, и вы не помѣшаетъ ему васъ обмануть. Но, сомнительно, чтобы Клемансо относилъ эту характеристику только къ нѣмцамъ, и чтобы его подлинные взгляды на другія націи существенно отъ этого отличались. Поэтому и въ философіи его не было мѣста «сентиментальности» въ области международныхъ отношеній. Націи — это реальныя сущности, одну изъ нихъ вы любите, къ другимъ вы равнодушны или ихъ ненавидите. Сла-

ва націи, которую вы любите, это цѣль желанная, но обычно достижимая лишь за счетъ вашего сосѣда. Политика силы неизбѣжна, и, собственно, нѣтъ ничего новаго ни въ этой войнѣ, ни въ конечной цѣли, изъ-за которой велась борьба; и въ этотъ разъ, какъ и въ предыдущія столѣтія, Англія уничтожила своего соперника по торговлѣ; завершилась важная глава въ исторіи вѣкового состязанія въ славѣ между Германіей и Франціей. Благоразуміе требовало нѣкоторой словесной доли уваженія къ «идеаламъ» нелѣпыхъ американцевъ и лицемѣрныхъ англичанъ; но было бы глупо думать, что въ мірѣ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, имѣется мѣсто такимъ затѣямъ, какъ Лига Націй, или, что принципъ самоопредѣленія есть нѣчто большее, чѣмъ остроумная формула для перераспредѣленія равновѣсія силъ въ собственныхъ интересахъ».

Быть можетъ, въ этой знаменитой характеристикѣ Клемансо на мирной конференціи усилены тона, но въ корнѣ она вѣрна. И я добавлю слѣдующее. Если война была не такой войной, какъ раньше вели народы, то и задача мира была не той, что задача безчисленныхъ мирныхъ трактатовъ стараго времени. Страннымъ, но психологически объяснимымъ образомъ тотъ человѣкъ, который воплотилъ въ себѣ все то новое, что было въ великой войнѣ, воплотилъ ея «всенародность», не понялъ того, что могло бы сдѣлать Версальскій мирный договоръ соотвѣтствующимъ величію завершенной борьбы.

АСКВИТЪ

1852 — 1928.

За Асквита было все: несомнѣнныя дарованія, блестящій ораторскій даръ, культура, гибкость, тактъ, чутье, умѣніе ладить, общепризнанныя нравственныя достоинства, счастье, долгая жизнь. И тѣмъ не менѣе, достигнувъ вершинъ англійской политической карьеры, онъ умираетъ безъ правъ на настоящую біографію, попадая въ исторію только потому, что онъ долгій срокъ былъ первымъ министромъ англійской короны, а человѣкъ, занимающій эту должность, механически числится въ ея хронологическихъ таблицахъ. Его нельзя поставить въ рядъ ни съ однимъ изъ подлинныхъ вождей Англіи новѣйшаго времени, ни съ Пальмерстономъ, Ресселемъ, Гладстономъ, Ллойдъ Джорджемъ, среди либераловъ, ни съ Каннингомъ, Пилемъ, Дизраели, Солсбери, Чемберлэномъ среди консерваторовъ.

Великолѣпная политическая школа Англіи вырабатываетъ эти типы политическихъ полезностей, съ достоинствомъ занимающихъ высокіе и высшіе посты, добросовѣстныхъ и честныхъ кормчихъ государственнаго корабля въ тихую погоду. Когда они уходятъ, ихъ провожаютъ, воздавая должное ихъ патріотизму и ихъ работѣ на благо Англіи и импе-

ріи — не задумываясь надъ тѣмъ, что сотни другихъ, одинаково политически воспитанныхъ и вышколенныхъ англичанъ, съ такимъ же правомъ и съ такимъ же успѣхомъ могли бы замѣнить ихъ у руля.

Съ Асквитомъ — вопреки счастью, которое сопровождало его жизненную карьеру, — случилось другое. Добрый кормчій въ тихую погоду неожиданно попалъ въ полосу бурь неслыханной силы. Дисциплинированные и почтительные сограждане , вопреки скоро обнаружившимся нехваткамъ, продержали его у руля въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ этихъ бурь, но подъ конецъ, несмотря на всю дисциплину и на всю почтительность, замѣнили его человѣкомъ, у котораго было несравненно меньше школы, нравственныхъ достоинствъ, всяческой культуры, но было то, чего не было у Асквита, была «геніальность», воображеніе, паѳосъ и воля, и который привелъ корабль къ пристани.

Такова общая «экономія» жизненной карьеры лорда Оксфорда и Асквита, перваго министра Англіи въ періодъ 1908 - 1916 гг.

Асквитъ родился за два года до Крымской войны и сталъ министромъ еще при королевѣ Викторіи. Онъ былъ избранникомъ Гладстона, который далъ ему постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ своемъ послѣднемъ кабинетѣ, образованномъ этимъ, много путавшимъ въ теченіе своей долгой и славной политической карьеры, государственнымъ человѣкомъ, на 82-мъ году своей жизни съ безнадежной, по тѣмъ временамъ, задачей провести ирландскій «хомъ-руль».

Асквитъ былъ «оксфордскимъ человѣкомъ», блестящимъ лондонскимъ молодымъ барристеромъ и, потомъ, не менѣе блестящимъ членомъ парламента. Съ тѣхъ поръ — это происходило въ 1892 г. — Асквитъ безспорный и необходимый членъ всякаго либеральнаго кабинета и сидящій на знаменитой «передней скамьѣ» членъ либеральной оппозиціи. Онъ

въ средней линіи своей партіи достаточно смѣлъ въ вопросахъ внутренней политики и достаточно имперски настроенъ въ вопросахъ политики внѣшней. Когда консерваторы, подъ руководствомъ Джозефа Чемберлэна, оказались вовлеченными въ войну съ бурами, онъ принадлежитъ вмѣстѣ съ Розбери, Холденомъ, Греемъ, къ большинству такъ называемыхъ «либеральныхъ имперіалистовъ», говоритъ объ «извращенной тираніи» режима президента Крюгера и рѣзко отмежевывается отъ лѣвыхъ «пробурскихъ» теченій, среди либераловъ, смѣлымъ представителемъ которыхъ въ ту минуту является Ллойдъ Джорджъ, раньше никому неизвѣстный, нѣсколько вульгарный и крайне провинціальный избранникъ глухого уголка Уэльса. Вопреки этому либеральная партія въ массѣ вѣрна тѣмъ настроеніямъ, которыя представляетъ Асквитъ. Совершенно естественно, при его дарованіяхъ, что онъ подымается на руководящіе верхи.

Послѣ того, какъ уніонисты въ 1905 г. раскололись на поднятомъ Чемберлэномъ вопросѣ о протекціонизмѣ, и власть перешла къ либераламъ, съ сэромъ Генри Кампбелль-Баннерманомъ въ качествѣ перваго министра, Асквитъ сталъ канцлеромъ казначейства. До званія перваго министра оставался всего одинъ шагъ. Сэръ Генри Кампбелль-Баннерманъ черезъ два года былъ вынужденъ болѣзнью уйти въ отставку, и Асквитъ, въ порядкѣ естественнаго и неизбѣжнаго партійнаго движенія, сталъ первымъ министромъ.

Онъ остался вѣренъ подлинной либеральной традиціи. Годы его власти до начала великой войны ознаменованы замѣтной и достаточно смѣлой внутренней политической реформой и продолженіемъ политики «либеральнаго имперіализма» въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Замѣтная политическая реформа, о которой я сказалъ, касалась палаты лордовъ. Билль Асквита положилъ конецъ традиціонному равноправію верхней и нижней палатъ пар-

ламента, не соотвѣтствовавшему демократическому укладу, который пріобрѣло англійское государственное устройство къ началу двадцатаго вѣка.

Реформа была проведена безъ рѣзкаго конфликта, по лучшимъ правиламъ англійскаго конституціоннаго права. Палата лордовъ была лишена права создавать препоны политическимъ реформамъ, которыя осуществляли коммонеры. Но она оставлена была въ своемъ традиціонномъ обликѣ, со всей красочностью связанныхъ съ ней политическихъ воспоминаній.

Въ области внѣшней политики министерство Асквита ознаменовано крушеніемъ попытокъ сближенія съ Германіей на почвѣ ограниченія морского строительства и памятнымъ выступленіемъ противъ нея въ эпоху Агадира и обостренія франко-германской распри изъ-за Марокко.

Война еще не началась, и съ тѣмъ вмѣстѣ Англія еще не вступила въ полосу дѣйствительныхъ испытаній, какъ въ первый разъ обнаружилось, что тотъ искусный парламентарій, образцовый министръ, изящный ораторъ, какимъ былъ Асквитъ, не въ силахъ разрѣшать политическія задачи, какъ только онѣ выходятъ за предѣлы нормальныхъ. Таковъ былъ происходившій какъ разъ наканунѣ войны ирландскій конфликтъ.

Устранивъ опасность запрета со стороны палаты лордовъ, Асквитъ провелъ чинно и спокойно ту мѣру, на которой оборвалась государственная дѣятельность его учителя, Гладстона — ирландскій «хомъ-руль». Оказалось, что не достаточно того, что онъ былъ записанъ въ книгу статутовъ Соединеннаго Королевства, чтобы достигнуть умиротворенія Ирландіи. Ульстеръ мобилизовался, и провести въ жизнь вотированный въ Вестминстерѣ законъ, оказалось невозможнымъ. Асквитъ обнаружилъ полную слабость и достаточную растерянность и капитулировалъ передъ волонтерами сэра

Эдварда Карсона. Только великая война спасла положенiе и заставила забыть объ Ульстерѣ, а тѣмъ самымъ и о первой неудачѣ въ карьерѣ Асквита, до того столь безпрепятственно шедшей по восходящей линiи.

Роль Асквита въ началѣ великой войны хорошо извѣстна. Онъ разсказалъ ее самъ въ своихъ воспоминанiяхъ. Она была логическимъ развитiемъ всей его предшествующей политической линiи. Онъ меньше многихъ изъ своихъ коллегъ колебался по вопросу о вмѣшательствѣ въ войну, а когда это вмѣшательство стало неизбѣжнымъ, принялъ рѣшенiе ясно и опредѣленно. Но въ эти дни кризиса роль отдѣльной человѣческой воли и отдѣльнаго человѣческаго разума была фатально уменьшена во всѣхъ странахъ Европы стихiйнымъ развитiемъ перекидывавшагося изъ одного ея конца въ другой международнаго пожара.

Чтобы начать войну, не требовалось быть крупнымъ человѣкомъ. Но таковымъ надо было быть, чтобы ее вести и довести до конца. На второмъ году стало ясно, что калибра Асквита для того не хватаетъ. Постепенно рядомъ съ нимъ выросла фигура Ллойдъ Джорджа.

Изъ скромнаго провинцiала, Ллойдъ Джорджъ къ началу войны выросъ до крупнаго государственнаго дѣятеля, давшаго уже мѣру своихъ крупныхъ государственныхъ дарованiй. «Апатiи», съ которой министерство Асквита вело работу по военной подготовкѣ и на которую, именно этимъ словомъ, горько жаловался Френчъ, Ллойдъ Джорджъ противопоставилъ кипучую энергiю, техническую, въ качествѣ министра военнаго и министра снабженiя, и политическую, въ качествѣ одного изъ вождей парламента. Она давала ему признанное общественнымъ мнѣнiемъ и обѣими парламентскими партiями право стать во главѣ государства. Первымъ шагомъ къ тому было предъявленное имъ въ серединѣ 1916 года Асквиту въ ультимативной формѣ требованiе переуст-

роить министерство на началахъ участія въ немъ уніонистовъ. Асквитъ ему подчинился безъ возраженій. Но многоголовое собраніе, какимъ сталъ кабинетъ Асквита послѣ этого переустройства, явно неспособно было управлять обороной. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступилъ новый кризисъ, опять по почину Ллойдъ Джорджа, который формально потребовалъ, чтобы въ составѣ министерства былъ образованъ военный комитетъ безъ участія перваго министра, и чтобы послѣдній сохранилъ лишь верховный контроль надъ его дѣятельностью. На этотъ разъ Асквитъ не подчинился. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ найти компромиссъ, онъ заявилъ, что та роль, которую ему придется исполнять по схемѣ Ллойдъ Джорда, для него непріемлема. Ллойдъ Джорджъ отвѣтилъ заявленіемъ о своемъ уходѣ.

Положеніе было таково, что вопросъ о власти надо было поставить ребромъ и во всемъ его объемѣ. Асквитъ просилъ короля объ отставкѣ, вѣроятно, съ мыслью, что онъ, признанный старый вождь большинства въ палатѣ, будетъ призванъ образовать новый кабинетъ. Но всѣмъ другимъ было ясно, что такая попытка была бы безцѣльной. Первымъ министромъ сталъ Ллойдъ Джорджъ.

На этомъ заканчивается политическая карьера Асквита. Діагнозъ, поставленный событіями, былъ правильнымъ. За тѣ двѣнадцать лѣтъ, что отдѣляютъ кризисъ 1916 г. отъ его смерти, Асквитъ продолжалъ формально числиться въ первыхъ рядахъ политическихъ людей страны, но жизнь ея шла мимо него.

ДЖОЛИТТИ

1842 — 1928.

Джолитти родился, когда въ Россіи царствовалъ Николай Павловичъ, а его родной городокъ благополучно управлялся сардинскимъ королемъ; будучи студентомъ, онъ слушалъ въ Туринѣ парламентскія рѣчи Кавура; онъ сталъ министромъ въ тѣ времена, когда Бисмаркъ былъ имперскимъ канцлеромъ, а первый министръ Италіи именовался Франческо Криспи. А кончилась его политическая карьера въ тѣ годы, когда на міровой сценѣ былъ уже Ленинъ, и съ нея только что ушелъ Вудро Вильсонъ.

Онъ сознательно переживалъ войну 1859 г. за итальянское освобожденіе и былъ призванъ ликвидировать послѣдствія міровой войны 1914-1918 г. Смерть восьмидесяти-шести-лѣтняго старца не можетъ стать историческимъ событіемъ, но сколько историческихъ воспоминаній она воскрешаетъ!

Въ теченіе долгихъ лѣтъ Джолитти былъ первымъ человѣкомъ Италіи. И не потому только, что онъ пять разъ стоялъ во главѣ итальянскаго правительства, а потому, что

въ періодъ, на который падаетъ его дѣятельность, онъ былъ самымъ сильнымъ и самымъ искуснымъ вождемъ своей страны и наиболѣе типичнымъ представителемъ тогдашняго итальянскаго политическаго міра. Сейчасъ этотъ міръ ушелъ въ прошлое, а Джолитти зажился и умеръ въ ставшей ему чуждой обстановкѣ. Но отъ того, что Джолитти не похожъ на Муссолини, что онъ былъ типичнымъ парламентаріемъ и либераломъ старой школы, отнюдь не слѣдуетъ, конечно, чтобы онъ былъ человѣкомъ малаго калибра.

Исторія политической Италіи послѣ объединенія распадается на нѣсколько періодовъ. Сначала страной управляли дѣятели объединенія, итальянцы сѣвера, консерваторы и аристократы. Къ концу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія одолѣли радикалы и южане. Характернымъ представителемъ новыхъ людей, ставшихъ тогда у власти, былъ нынѣ канонизированный фашистами Криспи, даровитый и хаотическій, поставившій передъ Италіей проблемы колоніальной имперіи и приведшій ее къ приснопамятнымъ позорнымъ катастрофамъ абиссинской войны. Другой вождь того же періода Депретисъ, получившій на парламентскомъ языкѣ своего времени, изъ-за окладистой бороды и непрерывности своихъ министерствъ, кличку «padre eterno», охарактеризовалъ наступившую съ появленіемъ новыхъ людей эпоху именемъ «трансформизма». Слово должно было выражать, что прежняя строгость партійныхъ программъ и партійныхъ группировокъ исчезла, что, изъ-за обладанія властью, сходились и расходились самыя разнообразныя группы и жестоко наканунѣ боровшіеся между собой парламентскіе лидеры. Появленіе Джолитти на политической сценѣ совпадаетъ съ этимъ «трансформизмомъ», и это обстоятельство отражается на всей его послѣдующей политической жизни. Его партійная принадлежность, въ сущности, ни въ какой степени не характерна для его дѣятельности; чтобы управлять страной и прово-

дить свои идеи, онъ былъ всегда готовъ составлять и раздѣлывать любыя политическія комбинаціи. Онъ зналъ итальянскій парламентскій міръ, какъ никто другой, обладалъ хладнокровіемъ и выдержкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромной дозой скептицизма и хитрости. Онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ о Депретисѣ, «padre eterno»: «Депретиса обвиняли въ хитрости. Неужто государственному человѣку такъ необходимо быть наивнымъ?». Слова эти могли бы быть, съ такимъ же правомъ, отнесены къ самому Джолитти.

Въ политическую распущенность «трансформизма» Джолитти внесъ элементъ личной сильной воли, обезпечившей ему, въ концѣ концовъ, огромную фактическую власть надъ итальянскимъ парламентомъ и, тѣмъ самымъ, надъ всей итальянской политической жизнью. Всѣ говорятъ, что онъ не былъ ораторомъ; нѣтъ сомнѣнія также, что у него не было того, что на англійскомъ политическомъ языкѣ называется «воображеніемъ», качество, которымъ въ большой долѣ обладалъ Криспи, его старшій современникъ, имъ повергнутый въ прахъ послѣ абиссинской войны. Джолитти былъ холоденъ, но энергиченъ. Власть досталась ему путемъ медленнаго, сопровождавшагося сначала жестокими пораженіями, завоеванія. Въ первый разъ онъ сталъ предсѣдателемъ совѣта министровъ въ 1892 г., но оставался имъ только нѣсколько мѣсяцевъ, вынужденный подать въ отставку въ связи съ когда-то знаменитой исторіей о злоупотребленіяхъ въ «Банка Романа». Скандалъ былъ такъ громокъ, а Джолитти боролся противъ взведенной на него клеветы съ такой энергіей и такъ мало щадя установившіяся репутаціи, что въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ онъ оказался подъ интердиктомъ. Но онъ выдержалъ и осилилъ испытаніе. Послѣднее десятилѣтіе XIX-го столѣтія, время его удаленія, было ознаменовано въ Италіи тяжелымъ экономическимъ кризисомъ. Движеніе массъ, враждебное установленному порядку, пpі-

обрѣтало опасныя формы. Смѣнявшія другъ друга за это время правительства Криспи, забывшаго свои революціонные и гарибальдійскіе корни, ди-Рудини и генерала Пеллу, боролись съ ними мѣрами банальной реакціи и привели страну въ тупикъ. Чуткій Джолитти противопоставилъ «реакціоннымъ методамъ» своихъ прежнихъ друзей программу «возврата къ либерализму», и сначала въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Занарделли, а затѣмъ предсѣдателя совѣта министровъ удачно справился съ ея осуществленіемъ. Его дѣятельность не заключала въ себѣ ничего революціоннаго и была чужда малѣйшихъ элементовъ слабости. Она состояла изъ принциповъ весьма умѣреннаго «государственнаго соціализма», въ рамкахъ политическихъ свободъ, и сочеталась при этомъ съ самымъ энергичнымъ подавленіемъ мятежнаго движенія массъ. Ему удалось блестяще прекратить всеобщую стачку, распустить палату, въ которой радикальные и соціалистическіе элементы играли опасную роль, и получить на выборахъ 1904 г. консервативное и, въ то же время, стоявшее подъ его знаменемъ возстановленныхъ политическихъ свободъ большинство.

Путемъ неустаннаго усилія и умѣлаго сочетанія гибкости съ твердостью — сочетанія, безъ котораго нѣтъ вообще государственныхъ людей, — Джолитти не только вернулъ себѣ утраченное въ годы исторіи «Банка Романа» положеніе въ ряду главныхъ политическихъ дѣльцовъ Италіи, но сталъ привиллегированнымъ и постояннымъ ея вождемъ. Первыя пятнадцать лѣтъ XX-го столѣтія въ исторіи Италіи являются «эпохой Джолитти», въ полномъ смыслѣ этого слова.

Эпоха лишена поражающихъ успѣховъ и ослѣпительнаго блеска, но она принесла странѣ много полезныхъ внутреннихъ реформъ и подготовила крупныя внѣшнія достиженія періода Великой войны. Прежде всего, по своимъ основнымъ качествамъ, Джолитти оказался первоклассньмъ фи-

нансистомъ. То экономическое возрожденіе и тѣ финансовые успѣхи Италіи начала вѣка, которые всѣ помнятъ, — дѣло его рукъ. Въ области внѣшней политики подъ его руководствомъ совершилась та долго не замѣчавшаяся перегруппировка силъ, которая привела Италію изъ лагеря Тройственнаго Союза въ станъ болѣе могущественной, — тогда еще только будущей — «Антанты».

Въ дипломатическихъ дѣлахъ итальянцы предвоеннаго времени были тоже носителями идей характерно выраженнаго «трансформизма», если говорить терминомъ стараго Депретиса, — чистыми калькуляторами, расчитававшими риски и выгоды. Именно благодаря своему «трансформизму» Джолитти и даровитые министры иностранныхъ дѣлъ періода его власти открыли Италіи возможность въ минуту, когда надо было сдѣлать окончательный выборъ внѣшнихъ союзовъ, сдѣлать таковой совершенно свободно, внѣ всякихъ доктринерскихъ формулъ, но безъ малѣйшей сентиментальности, повинуясь чистымъ соображеніямъ національной выгоды.

Но Джолитти былъ слишкомъ сухъ и слишкомъ сдержанъ, чтобы оказаться на уровнѣ той грозной и отвѣтственной проблемы, какой было вступленіе Италіи въ Великую войну. Онъ не былъ тогда у власти, но его вліяніе было огромнымъ. Онъ остался и въ эту минуту тѣмъ чистымъ калькуляторомъ, какимъ былъ всегда. Онъ разсуждалъ такъ же, какъ разсуждалъ четыре года передъ тѣмъ, начиная войну съ турками изъ-за «Ливіи». Тогда его холоднаго расчета было достаточно: онъ сумѣлъ подарить своей странѣ ея лучшую колонію. Но размахъ событій 1915 г. былъ такъ великъ, передъ Италіей ставились такіе громадные жизненные вопросы, что внѣ паѳоса и презирающаго расчеты увлеченія нечего было дѣлать. Джолитти не могъ себя передѣлать, онъ продолжалъ и теперь холодно вычислять — да время-ли для Италіи браться за оружіе? Страна, привыкшая его слушаться, на этотъ

разъ прошла мимо его добросовѣстныхъ, но не увлекавшихъ никого совѣтовъ. Старику пришлось пережить непопулярность, превышавшую во много разъ ту, что вывела его изъ строя въ эпоху скандала съ «Банка Романа». Онъ пережилъ ее съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ и тогда, и остался попрежнему бодрымъ, спокойнымъ и сдержаннымъ.

Онъ одолѣлъ еще разъ. Кончилась война. Италія вышла изъ нея разочарованной и недовольной. Низы города и деревни, жестоко страдавшіе отъ послѣвоенныхъ экономическихъ трудностей, снова, какъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, пришли въ броженіе, принявшее, въ министерство Нитти, грозные размѣры. Д'Аннунціо засѣлъ въ Фіуме и не внималъ ни убѣжденіямъ, ни приказамъ. Джолитти былъ снова, и теперь въ послѣдній разъ, призванъ ко власти. Ему удалось старыми методами на время справиться съ главными затрудненіями въ положеніи внутреннемъ и внѣшнемъ. Онъ прекратилъ захватъ фабрикъ рабочими, заключилъ Рапалльскій договоръ съ сербами, развязавшій исторію съ Фіуме. Затѣмъ онъ распустилъ палату, которая стала невозможной съ точки зрѣнія элементарной охраны порядка, и получилъ нѣсколько болѣе благоразумное большинство въ новой. Онъ умственно искалъ уже новыхъ парламентскихъ комбинацій и радовался избранію первыхъ тридцати фашистовъ, видимо расчитывая, что знаменитый «трансформизмъ» одолѣетъ и перемелетъ фашизмъ, какъ онъ одолѣлъ и перемололъ всѣхъ правыхъ и лѣвыхъ парламентаріевъ старшаго поколѣнія.

Но оказалось, что поколѣніе было новымъ, и что событія развертывались совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ они привычно развертывались раньше. Правда, самъ Джолитти успѣлъ еще сдать власть своимъ преемникамъ въ строгихъ формахъ традиціоннаго парламентаризма, послѣ того, какъ призналъ недостаточнымъ и ненадежнымъ полученное имъ въ палатѣ 1921 г. большинство. Но этимъ преемникамъ суждено

было дать дорогу уже не слегка видоизмѣненной по классическимъ либеральнымъ образцамъ парламентарно-партійной комбинаціи, а могущественному движенію послѣ-военной молодой Италіи, открыто объявлявшей войну всему тому, что составляло политическое вооруженіе стараго вождя.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ

П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I, II и IV.

М. И. Ростовцевъ. Письма съ Ближняго Востока.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ БІОГРАФІИ.

И. А. Бунинъ. М. Ю. Лермонтовъ.

Б. К. Зайцевъ. И. С. Тургеневъ.

М. А. Алдановъ. Александръ I.

В. Ф. Ходасевичъ. А. С. Пушкинъ.

В. Ф. Ходасевичъ. Г. Р. Державинъ.

М. О. Цетлинъ. Декабристы.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: «Annales Contemporaines», 106, Rue de la Tour, PARIS (XVI) и на складѣ: Fremden - Buchhandlung N. Sachs. A. G. Berlin S. W. 48, Hedemannstr. 6. «Москва», — 9, Rue Dupuytren, PARIS (VI).

IMPRIMERIE « PASCAL », 13, RUE PASCAL, PARIS-5e

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

для Франціи:

Книжный магазинъ «МОСКВА»
9, rue Dupuytren, Paris (6e)

Для Германіи:

Fremdsprachen - Buchhandlung H. SACHS A. G.
Berlin S. W. 48 Verl. Hedemannstr. 6.